

Кирилл Бенедиктов

Блокада

Книга первая
ОХОТА НА МОНСТРА

Автор идеи
Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ

Издательско-торговый дом
«Этногенез»
Москва, 2009

ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Издательство
«Популярная литература»
Москва, 2009

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б46

Книга издана при поддержке Newmedia Stars

Бенедиктов К.

Б46 Блокада. – М.: Издательско-торговый дом «Этногенез», 2009. – 264 с.

Адольф Гитлер против Иосифа Сталина, Третий Рейх против СССР, фанатизм Черного ордена СС против героизма бойцов Красной Армии. Беспощадное противостояние немецких спецслужб и советской разведки. И магия древних артефактов, созданных в невообразимо далеком прошлом. «Блокада» - роман о неизвестной стороне Великой Отечественной войны.

В тайну могущественного артефакта «Орел», помогающего Адольфу Гитлеру управлять своими полководцами и правителями других стран, посвящены лишь избранные – красавица-адъютант Мария фон Белов, контрразведчик Эрвин Гегель и начальник охраны фюрера Иоганн Раттенхубер. Однако все тайное рано или поздно становится явным. Информация об «Орле» доходит до советской разведки.

Между тем зловещая организация «Аненербе» получает сведения о том, что в блокадном Ленинграде хранится артефакт, найденный в одной из Семи башен Сатаны молодым советским историком Львом Гумилевым. Начинается Большая Игра спецслужб. На кону – миллионы человеческих жизней и победа в Великой войне.

Лаврентий Берия и Генрих Гиммлер, Виктор Абакумов и Вальтер Шелленберг, капитан НКВД Шибанов и мистик-эмигрант Георгий Гурджиев, секретарша Гитлера Трудль Юнге и советская медсестра Катюша Серебрякова – вот лишь немногие из персонажей первой книги нового сериала «Блокада», входящего в проект «Этногенез».

Чем закончилась Великая Отечественная война, хорошо известно. Но почему она закончилась именно так, знают немногие. Перед вами - новая неожиданная версия истории Великой войны..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б46

ISBN 978-5-904454-06-7

© Бенедиктов К., 2009

© Издательско-торговый дом «Этногенез», 2009

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Японец

Берлин, июнь 1942 года

К полуночи пошел дождь.

Улицы, и без того темные — в Берлине экономили электричество — залил чернильный мрак. Обитатели Пренцлауэрберг — художники, поэты, музыканты — ложились спать позже прочих добропорядочных горожан, поэтому кое-где за реечными ставнями еще мерцали слабые желтые огоньки. Но мокрые мостовые были пусты, и никто не смотрел из окон. А если кто-то и выглянул бы на минутку, то все равно ничего не увидел за темно-серой завесой дождя.

На углу трехэтажного фахверкового дома грохотала старинная водосточная труба. Поток, вырывавшийся из ее жестяного горла, разбивался о тяжелые ботинки человека, чья массивная фигура в длинном черном плаще словно вырастала из стены дома. Брюки человека были мокры до колен, но он не обращал на это внимания. Он стоял совершенно неподвижно, ни на мгновение не отрывая взгляд от щедро поливаемой дождем безлюдной улицы.

Звука шагов он не услышал — слишком громко гремела жесь водостока. Впереди, за толстыми, как жгуты, струнами ливня темнота вдруг сгустилась еще больше, и бесформенная черная тень бесшумно поплыла к нему над мокрой мостовой.

Человек ощутил беспокойство. Не страх — организация, в которой он служил, сама была олицетворением ужаса — но словно бы покалывание в кончиках пальцев, предупреждавшее о скрытой опасности. Тень, приближавшаяся к нему, скользила над лужами, как привидение в фильмах Фридриха

Мурнау. Человек любил фильмы о вампирах и привидениях, хотя никому в этом не признавался. В редко выдававшиеся свободные вечера он ходил в кино на старые немые картины, и там, в темном, полупустом зале, иногда чувствовал такой же щекочущий нервы холодок. Вот только этот призрак был не киношным, сделанным из папье-маше и тряпок, а настоящим.

Он усилием воли подавил нарастающую тревогу и, отлепившись от фахверковой стены, шагнул навстречу черной тени.

— Господин Юкио Сато?

Плывшая к нему тень остановилась, тут же потеряв всю свою таинственность. Под дождем стоял невысокий, сутуловатый старик в странном черном одеянии и войлочных туфлях. У старика было сморщенное круглое лицо, напоминавшее печеное яблоко, редкие седые волосы, налипшие на мокрый лоб, узкие азиатские глаза и длинные негустые усы. В руках он держал длинную деревянную палку, изукрашенную затейливым орнаментом.

Все это человек, заступивший старику дорогу, рассмотрел и запомнил за считанные секунды — он был профессионалом. Прежде, чем азиат открыл рот, чтобы ответить, человек определил его рост (сто шестьдесят сантиметров), вес (пятьдесят килограммов) и расовую принадлежность (японец). Все сходилось с описанием, полученным им накануне. Все, кроме...

При старике не было никакого багажа. Ни чемодана, ни сумки, ни даже мешка за спиной (допускался и такой вариант). Между тем, в ориентировке четко указывалось — Юкио Сато, садовник японского посольства — курьер, имеющий при себе некий ценный груз.

Старик смотрел на человека хитро прищуренными азиатскими глазами. По лицу его стекали крупные капли дождя.

— Звините, позаруста, — произнес он, нещадно коверкая слова. — Моя не понимать по-немецки. Совсем ничего не понимать.

— Господин Юкио Сато, — повторил человек в плаще. — Я криминалькомиссар гестапо Шефер. Мне хорошо известно, что вы прекрасно говорите по-немецки. Позвольте ваши документы.

Печеное яблоко сморщилось еще больше. Узкие плечи старика поникли под бесформенной черной курткой.

— Моя не понимать, — жалобно повторил старик. Потом забормотал что-то на языке, которого Франц Шефер не знал. К тому, что курьер начнет валять дурака, офицер тайной полиции был готов. Он положил руку на расстегнутую кобуру и произнес лязгающим голосом:

— Документы!

Старик вздрогнул и сунул руку за отворот своего странного одеяния. Покалывание в пальцах усилилось. Шеферу потребовалось мгновение, чтобы сомкнуть их на рукоятке «Вальтера» и еще одно — чтобы начать вытаскивать пистолет из кобуры.

— Позаруста, — едва не плача, проговорил старик. Он действительно извлек из-за пазухи какие-то мятые бумаги и теперь протягивал их офицеру. Шефер с облегчением разжал пальцы, и «Вальтер» скользнул обратно в кобуру.

Документы, насколько мог судить криминалькомиссар, были в порядке — аусвайс с фотографией, разрешение на выезд из Берлина, письмо на бланке японского посольства, заверявшее, что податель сего, герр Юкио Сато, является подданным японского императора, и требовавшее в случае любых недоразумений рассматривать их в присутствии консула... Но Шефер и не ждал, что документы окажутся подложными.

— Вам придется поехать со мной, — произнес он, аккуратно складывая бумаги и пряча их в карман плаща. Глаза криминалькомиссара ни на мгновение не отрывались от старика.

Сато вежливо поклонился и сделал шаг назад.

— Гоменасай, Шефер-сан...

На этот раз даже не владеющий японским криминалькомиссар все понял. В следующую секунду ствол «Вальтера» уже

смотрел в грудь старика.

— Без глупостей, — рявкнул гестаповец. — Руки за спину!

Его зычный голос перекрыл шум бьющего из водосточной трубы потока. За углом тут же взревел мощный мотор и на перекресток выехала большая черная машина, осветив своими фарами замерших друг напротив друга людей. Свет бил из-за спины Шефера, превращая его в вырезанную из черного гранита фигуру, и слепил старика. Гестаповцу показалось, что один глаз Сато отсвечивал голубым, а другой — зеленым.

Дверцы «Хорьха» хлопнули одновременно. Шеферу не было нужды оборачиваться — он и так прекрасно знал, что происходит за спиной. Эрих и Герхард приближались к нему, держа в руках пистолеты. На старика было направлено три ствола. Только безумец мог попытаться спастись бегством в такой ситуации. Безумец или самоубийца.

Юкио Сато оказался безумцем.

Он разжал пальцы и уронил посох на мостовую. Посох почему-то падал очень медленно. Шефер отчетливо видел, как разбиваются о его полированную поверхность маслянистые капли дождя. За долю секунды до того, как посох коснулся асфальта, носок войлочной туфли старика поднырнул под его широкий набалдашник и подбросил палку вперед и вверх. Криминалькомиссару показалось, что локоть ему раздробила пуля. «Вальтер» выпал из повисшей плетью руки и плюхнулся в лужу.

— Огонь! — крикнул Шефер срывающимся голосом.

И он, и его подчиненные получили самые строгие инструкции — во что бы то ни стало взять Сато живым. Поэтому Эрих и Герхард открыли стрельбу, целясь старику в ноги. Но там, где еще мгновение назад стоял садовник японского посольства, уже никого не было.

Черная тень взвилась на полтора метра вверх. Странное платье старика развернулось, как крылья гигантской летучей мыши. Послышался то ли треск, то ли хлопок, в лицо

криминалькомиссару ударил сильный порыв ветра. Он успел услышать, как смачно выругался выросший в доках Гамбурга Герхард, а в следующий миг что-то врезалось ему в лицо и отшвырнуло на несколько шагов назад.

Криминалькомиссар Франц Шефер весил двести десять фунтов и занимался греко-римской борьбой. В спортзале гестапо он шутя удерживал на расстоянии вытянутой руки двух дюжих оперативников. Свалить его с ног было очень непросто, но тщедушному старику-японцу это удалось.

Удар, по-видимому, был нанесен ребром стопы, обутой в войлочную туфлю, и пришлось криминалькомиссару в переносицу. Минуту Шефер тупо сидел в луже, пытаясь найти в себе силы подняться и продолжить схватку. Где-то рядом гремели выстрелы, визжали рикошетирующие о стены домов пули, отчаянно матерился Герхард. Потом все неожиданно стихло, и Шефер подумал, что его подчиненные все-таки подстрелили Сато.

Кто-то подбежал к криминалькомиссару сзади и, просунув руки под мышки, помог ему встать. Ноги у Шефера были как ватные.

— Господин оберштурмфюрер, вы в порядке? — в голосе шофера Вилли звучала неподдельная забота. Вилли служил в СД, и обращался к Шеферу так, как было принято в Службе безопасности. Криминалькомиссар открыл рот, чтобы сказать: «Да», и его вырвало прямо на мостовую. В голове вспыхнул разноцветный фейерверк.

— Где... японец? — прохрипел он, вытирая рот мокрым рукавом плаща. Вилли вытянулся по стойке смирно.

— Не могу знать, господин оберштурмфюрер. Я, согласно вашему приказу, контролировал перекресток.

— Пойдем, посмотрим, — выдавил из себя Шефер. В свете фар «Хорьха» был виден его «Вальтер», валявшийся у водосточной трубы. Преодолевая тошноту, криминалькомиссар наклонился и поднял пистолет левой рукой — правая по-пре-

жнему его не слушалась.

Первым они обнаружили Герхарда. Тот лежал навзничь, глядя в черное небо, и дождь стекал по его широкому красному лицу, как будто инспектор плакал. Криминалькомиссар присел и пощупал пульс — пульса не было.

— Вилли, — каркнул Шефер, — пистолет с предохранителя!

— Слушаюсь, господин оберштурмфюрер, — голос шофера дрогнул. — Как же это он его?...

«Хотел бы я знать», — мрачно подумал Шефер. Поверить в то, что безоружный садовник японского посольства убил одного из лучших инспекторов четвертого отдела гестапо, было почти невозможно. В тридцать седьмом Герхард в одиночку взял банду налетчиков, грабивших провинциальные банки — отморозков, убивших кассира и двух полицейских. Одному бандиту он сломал руку, второго отправил в нокаут, третьему раздробил коленную чашечку. И вот теперь погиб от руки какого-то вшивого япошки?..

— Господин оберштурмфюрер! — воскликнул Вилли. — Здесь Эрих!

Эрих, судя по всему, продержался несколько дольше. Хороший стрелок, он не любил рукопашных схваток, предпочитая огневой контакт на расстоянии. По-видимому, он преследовал Сато, двигаясь короткими перебежками по левой стороне улицы. У крыльца увитого виноградом дома, который, судя по вывеске, был студией художника, погоня Эриха закончилась. Он полулежал на каменных ступенях, безвольно откинув руку с пистолетом. Судя по неестественно запрокинутой голове и посиневшему, как у утопленника, лицу, ему переломали шейные позвонки.

«Невероятно, — сказал себе Шефер. — Эрих не мог подпустить японца так близко. Если только... если только он не спрыгнул на него сверху...»

Криминалькомиссар поднял глаза. Над крыльцом студии возвышалась поддерживаемая двумя выраставшими из стены

кариатидами крыша — треугольный, стилизованный под античность козырек. Наметанный глаз Шефера сразу же определил ее высоту — три с половиной метра. Как, черт возьми, проклятый японец на нее забрался?

«А главное, где он сейчас?»

Будто в ответ на его немой вопрос, в дальнем конце улицы вспыхнули фары автомобиля.

Шефер зачем-то поправил воротник плаща и, по-прежнему держа пистолет в левой руке, пошел на свет.

Улица имела в длину двести пятьдесят шагов — это Шефер установил еще накануне, готовя план операции. От тела Эриха до второй машины — роскошного «Майбаха-SW42» — криминалькомиссар насчитал сто двадцать шагов. Он шел очень осторожно, каждую секунду ожидая нападения из темноты, но так ничего и не дождался. Улица была пуста, как и полчаса назад, когда Шефер ожидал появления Сато на углу. Чертов садовник словно бы растворился между струями неослабевающего дождя.

«Майбах» выполз из бокового переулка, превратив улицу в мышеловку. Чтобы проскользнуть мимо машины, Сато нужно было превратиться в невидимку. Но невидимки бывают только в фантастических романах. Теоретически, японец мог уйти через люк водостока — таких на улице насчитывалось пять, но криминалькомиссар еще вчера позаботился о том, чтобы их решетки были плотно заварены. Либо же, хмуро сказал себе Шефер, у него где-то здесь есть сообщник...

Стекло «Майбаха» медленно поползло вниз, открыв небольшую — чтобы не заливал дождь — щель.

— Садитесь, комиссар, — приказал чей-то хрипловатый голос. — Быстрее!

Шефер распахнул дверцу машины и по-медвежьи забрался в салон. Там пахло кожей и терпкими парижскими духами. На водительском сиденье, сидел бритый наголо грома в форме СС с петлицами шарфюрера. Когда Шефер открыл дверцу,

бритый повернулся и смерил его недобрым взглядом маленьких глазок.

-Спокойно, Фрицци, — сказал хрипловатый голос. — Это свой.

«Как собаке», — подумал Шефер. Бритый Фрицци, однако, воспринял команду, как должное — видимо, был хорошо выдрессирован. Он отвернулся и уставился в лобовое стекло, по которому с неприятным звуком скребли автомобильные «дворники».

— Докладывайте, комиссар!

Шефер поморгал, привыкая к царившей в машине полутьме. На широком диване «Майбаха», в полуметре от него, сидела женщина в черной форме, почти сливавшейся с черной кожей салона. Духами пахло именно от нее.

— Мы упустили Сато, — сгорая от стыда, проговорил криминалькомиссар. — Двое моих лучших людей мертвы. Убиты. Это не человек, это дьявол, штандартенфюрер!

Женщина молчала.

— Почему вы не предупредили, что он так опасен?

Разговаривать в таком тоне с штандартенфюрером СС не стоило, но Шефер был уверен, что после позорного провала операции ему в любом случае придется уйти в отставку, и не боялся показаться невежливым. К его удивлению, женщина не осадил его. Извлекла из кармана мундира серебряный портсигар с затейливой монограммой, щелкнула крышкой. Длинные пальцы пианистки вытащили из портсигара тонкую сигариллу. Вспыхнул огонек зажигалки, выхватив из темноты узкое породистое лицо с большими влажными глазами. Шефер, несмотря на весь драматизм ситуации, почувствовал яростное желание схватить сидевшую напротив женщину, стиснуть ее в объятиях так, чтобы хрустнули кости, впиться поцелуем в накрашенный темно-пурпурной помадой рот. Желание совершенно безумное, учитывая тот факт, что от прекрасного штандартенфюрера СС зависела сейчас если не

жизнь, то карьера криминалькомиссара.

— Как были убиты ваши люди? — отрывисто спросила женщина.

Вопрос ошеломил Шефера, и он немного помедлил, прежде чем ответить. Совсем чуть-чуть, но этого оказалось достаточно, чтобы вывести его собеседницу из себя.

— Ну же! — прикрикнула она. — Вас что, контузило, комиссар?

— Эриху сломали шею, Герхарда... не знаю. Патологоанатом разберется.

Его ответ как будто удовлетворил женщину. Она глубоко затаилась и выдохнула ароматный дым прямо в лицо криминалькомиссару.

— Вы видели, куда делся японец?

— Нет, штандартенфюрер. Я прикажу прочесать улицу. Возможно, он скрылся в одном из домов. Мне потребуется время, чтобы вызвать команду с Потсдамер-платц. Если только он не умеет летать, ему не уйти...

Женщина коротко хохотнула. Снова сверкнули влажные оленьи глаза.

— А если умеет?

Шефер смешался.

— Простите?..

— Ничего, комиссар. Вы разговаривали с Сато?

— Я приказал ему предъявить документы и следовать за мной. Он лопотал что-то на японском, прикидывался, что не понимает по-немецки...

— Что он держал в руках?

Шефер с запозданием понял, что подвергается самому настоящему допросу. Такому, как в подвалах на Потсдамер-платц, где располагалась штаб-квартира берлинского гестапо. Только вместо электрической лампы, бьющей в глаза резким светом, здесь был таинственно мерцающий огонек кубинской сигариллы.

— Посох, штандартенфюрер. Такую длинную резную палку с набалдашником на конце.

Женщина недовольно поморщилась.

— Посох... нет, это не то. Что еще у него было с собой?

— Ничего. Я специально обратил на это внимание, помня, что вы говорили мне о курьере. Но старик не имел при себе ни сумки, ни даже котомки.

— Понятно, — оборвала его женщина. Она о чем-то напряженно думала, покусывая спелые губы. — Курьера вы упустили, предмет не обнаружили...

— Какой предмет, штандартенфюрер? — не сдержался Шефер, и тут же пожалел о том, что задал этот вопрос.

Женщина посмотрела на него, и на этот раз взгляд ее не предвещал ничего хорошего.

— Никакой, — медленно ответила она. — Вы же не обнаружили никакого предмета, комиссар?

— Так точно, — Шефер вновь ощутил покалывание в кончиках пальцев. Только на этот раз опасность исходила не от таинственного старика-садовника, оказавшегося безжалостным убийцей, а от красивой женщины, сидевшей напротив.

Молчание повисло в салоне, как грозовая туча. Шефер физически чувствовал, что в эти секунды решается его судьба. Наконец, колющие огоньки в глазах женщины погасли, и она спросила прежним деловым тоном:

— Вы видели, откуда появился Сато?

— Нет, штандартенфюрер. Дождь, плохая видимость. Он вышел прямо на меня...

— С этой стороны улица была перекрыта моей группой, — мягко сказала женщина. — Мы полностью контролировали этот участок, и уверяю вас, комиссар, японец здесь не проходил.

Шефер подумал. Голова после удара проклятого садовника соображала плохо, но сложить дважды два было несложно.

— Значит, он вышел из одного из домов. И, вероятно, туда

же и вернулся.

Женщина опустила стекло и выбросила недокуренную сигариллу в дождь.

— Проверьте эту версию, комиссар, — теперь в ее голосе слышалась усталость. — Пусть гестапо потрясет здешних обывателей. О результатах доложите мне лично.

— Есть, штандартенфюрер, — обескуражено проговорил Шефер. Кары небесные, которых он ожидал, явно откладывались на неопределенное будущее, и это окончательно сбило его с толку.

— Можете идти, — нетерпеливо сказала женщина. — Завтра представите рапорт.

Шефер полез наружу, впустив в пропахший духами салон «Майбаха» немного дождливой свежести. Когда дверца автомобиля захлопнулась за ним, женщина произнесла вполголоса, ни к кому особенно не обращаясь:

— Мюллеру мало оторвать голову.

Если бы Шефер присутствовал при этой сцене, он бы очень удивился. Потому что на реплику женщины отреагировал бритый шарфюрер СС Фрицци, которому полагалось играть роль бессловесного сторожевого пса.

— Почему, Мария?

Шефер удивился бы еще больше, увидев, что женщина охотно отвечает своему псу, имеющему наглость называть ее по имени.

— Потому что он убедил рейхсфюрера выделить для этой операции своих костоломов. Два гипнотизера из команды доктора Хирта и один боец твоего уровня взяли бы Сато живым и невредимым. И с предметом в придачу.

— Этот предмет действительно позволяет ему перепрыгивать из одного места в другое? — в голосе Фрицци звучало неподдельное любопытство.

Мария фон Белов ответила не сразу.

— До сегодняшнего дня я не была в этом уверена. Но он

появился ниоткуда и ушел в никуда. Этому должно быть какое-то разумное объяснение. Я вижу только одно — предмет действительно у него, и он действительно обладает огромной мощью.

Она с силой хлопнула ладонями по коленям.

— Из-за тупицы Мюллера мы провалили операцию. И к тому же спугнули Сато. Теперь выследить его будет в тысячу раз сложнее.

— Что будем делать, Мария? — спросил Фрицци. Если бы опытный криминалькомиссар слышал, с какой интонацией задан этот вопрос, он окончательно убедился бы, что женщину и ее охранника связывают не только служебные отношения.

— Мне придется доложить фюреру о провале. Гнев фюрера падет на меня, это неизбежно. Но я постараюсь убедить его в том, что работа с предметами должна быть поручена специальным командам «Аненербе». Это единственный выход.

Мария фон Белов, личный адъютант Адольфа Гитлера и первый заместитель руководителя общества «Наследие предков» Вольфрама Зиверса, откинулась на подушки и прикрыла глаза. Перед ее мысленным взором предстал маленький тщедушный японец, державший в руках отлитую из серебристого металла змею.

— Поехали, Фрицци, — скомандовала она. — У нас мало времени. К обеду мы должны быть в Вевельсбурге.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Тарас Петренко

Где-то под Винницей. Июнь 1942 года

1

Тарас с самого начала знал, что с этого задания не вернется.

Ночью ему приснился Бог. Бог плыл высоко в небе, огромный, золотой, похожий на невесомую статую. С ног Бога свешивались почти до земли живые цепочки из людей — мужики, бабы, солдаты в вылинявшей на солнце форме, босоногие детишки. Тарас во сне подпрыгнул и обхватил худые лодыжки какого-то деда, пролетавшего совсем невысоко над ним. Некоторое время они плавно летели над полем, и Тарас удивлялся, как это Богу не тяжело тащить такую ораву людей. Но тут Бог начал подниматься выше и выше, Тарас испугался и разжал руки. Он упал в мягкий стог сена и некоторое время лежал неподвижно, глядя, как удаляется, исчезает среди облаков сверкающая золотая фигура и уцепившиеся за нее люди-муравьи. Потом он проснулся и ясно понял, к чему был сегодняшний странный сон.

Тарас брился, поглядывая в треугольный осколок зеркала, когда за спиной у него возник майор Кошкин. Особист, по своему обыкновению, передвигался бесшумно, но Тарас его засек: в осколке блеснули разбежавшиеся от надраенных пуговиц майора маленькие солнечные зайчики. Щегольства этого Тарас не одобрял: в лесу такие блестящие пуговицы ни к чему, только снайперов приманивать.

— Как настроение, Тарас Иваныч? — спросил Кошкин. Воз-

можно, он рассчитывал, что у Тараса дрогнет рука и он порежется. Но Тарас ему такого подарка делать не собирался.

— Как у картошки, товарищ майор, — не торопясь, ответил он.

Под козырьком майорской фуражки образовалась глубокая задумчивая морщина.

— Это как?..

— Если сразу не посадят, то потом обязательно съедят.

Морщина разгладилась.

— Ага, — сказал Кошкин. — Шутка такая, да?

Тарас не ответил — старательно добривал правую щеку.

— Это хорошо, что ты шутишь, Тарас Иванович, — вздохнул майор. — Потому что, когда человек шутит, это значит, он оптимист. А оптимизму нам сейчас ох как не хватает...

«Кому это — нам?» — хотел спросить Тарас. Майор Кошкин появился в отряде неделю назад, но вел себя так, словно был с партизанами с самого начала — с горячих дней августа 41-го, когда немцы рвались к Киеву, не жалея ни людей, ни бензина. Тогда Тарас и пятеро парней из его роты как-то очень быстро оказались за линией фронта — немцы, уничтожив отступавший с боями полк, перекатились через немногих выживших, как волна перехлестывает через прибрежный валун, и ушли дальше на восток. Тараса и его бойцов приютили жители Озерищ — на пару дней, пока деревню не заняла подошедшая с запада немецкая часть. Староста в Озерищах оказался настоящим мужиком, а не сукой, как в иных местах. Немцам, само собой, кланялся — а попробуй тут не поклонись — но своих не выдавал. Может, потому, что те, кого он прятал, не были ни жидами, ни комиссарами — простые солдаты, такие же вчерашние крестьяне, как и он сам. Тарас, правда, уже десять лет не нюхал землю — как призвали в Красную армию в тридцать первом, так там и остался, застряв на нижней ступеньке служебной лестницы. «Вечный старшина», смеялись над ним в полку. Только где теперь этот полк?..

Вместе с Тарасом и его бойцами в лес ушли еще трое крепких озериченских мужиков. А потом отряд стал расти, как на дрожжах — уже к зиме под началом Тараса было двести партизан. Спокойно жить фрицам не давали — нападали на деревни, где квартировали оккупационные части, убивали мотоциклистов, повесили двоих старост, очень уж преданно служивших немцам, пустили под откос несколько эшелонов с соляной. Но и не нагнали — Тарас своих людей берег. Немцы, конечно, охотились за ним, но без особого успеха. Выследили однажды бывшего агронома, тайком навещавшего в Пружанах жену. Агроном под пыткой рассказал, на каком из болотистых островков находится партизанский лагерь. Айнзатцкоманда окружила островок в предрассветных сумерках. Тишина взорвалась лаем овчарок, лязганьем передергиваемых затворов и хриплыми командами на ломаном русском. А потом грянул еще один взрыв — на этот раз настоящий.

На островке действительно были вырыты землянки, под завязку набитые толлом и артиллерийскими снарядами. Траншеи, ведущие к землянкам, были заминированы — Тарас использовал островок и как склад для взрывчатки, и как ловушку для врага. Пока айнзатцкоманда приходила в себя, подсчитывая убитых и раненых, партизаны подобрались к ним с тыла и открыли шквальный огонь из пулеметов. Агроном продал свою жизнь дорого. Тарас тогда пообещал себе, что, если доживет до победы, то обязательно добьется, чтобы агроному поставили в Пружанах памятник. Но теперь по всему выходило, что хлопотать о памятнике будет некому.

Майор Кошкин свалился им как снег на голову. Свалился буквально — его сбросили с парашютом с самолета, чудом прорвавшегося так глубоко за линию фронта. Красивый, статный, с круглым, всегда улыбающимся лицом, он вполне соответствовал своей фамилии. Был он, в сущности, неплохим парнем, что для особиста уже не так мало. Вот только Тарасу в отряде особист был нужен, как собаке пятая нога. Особенно с

такими полномочиями, которые предъявил Кошкин.

— В Москве о вас знают, Тарас Иванович, — улыбаясь во все тридцать два зуба, сообщил майор. — И очень высоко ценят. Сам нарком внутренних дел товарищ Берия Лаврентий Павлович отметил успехи вверенного вам отряда в борьбе с фашистскими оккупантами. Можете гордиться!

«Было б чем», — мрачно подумал про себя Тарас, но вслух, разумеется, буркнул «Служу Советскому Союзу!». Все эти выверты были ему поперек горла — надо же, «вверенному вам отряду!». Кто его Тарасу вверял, когда он сам собирал его по крупицам? То, что в отряде не было комиссара, Кошкину не понравилось, но дураком майор не был, и настаивать на немедленном учреждении политотдела не стал. Однако намекнул, что с его, Кошкина, появлением в отряде появилась власть более высокая, чем сам Тарас.

— Меня же сюда не просто так прислали, Тарас Иваныч, — разливая привезенный из Москвы наркомовский спирт, втолковывал он партизанскому командиру. — Для вашего отряда имеется особое задание, государственной важности. Вы понимаете, конечно, что письменного приказа у меня с собой нет — если бы самолет сбили или я приземлился в расположении противника, такой приказ мог бы попасть в руки немцев. Так что придется вам поверить мне на слово.

— Посмотрим, — хмуро ответил Тарас. Проще всего было бы отвести майора к «окну» в трясине и без лишнего шума отравить кормить болотных гадов. Места глухие — до правды все равно никто не доищется. Но душегубство Тарасу претило. В конце концов, если в Москве действительно взяли на заметку его отряд, то рано или поздно сюда пришлют другого особиста. Не Кошкина, так Мышкина — хрен редьки не слаще. Поэтому он опрокинул стопку спирта и стал ждать, какую каверзу приготовил ему улыбчивый майор.

Каверза оказалась что надо.

— Вот здесь, — палец майора пополз по зелено-белой кар-

те, — немцы всю зиму и весну вели строительство секретного военного объекта. Мы предполагаем, что речь идет о полевой ставке кого-то из высшего немецкого командования, не исключено, что самого Гитлера!

Тарас пригляделся. Аккуратно подстриженный ноготь Кошкина упирался в пустое зеленое пространство километрах в двадцати севернее Винницы.

— Вот здесь проходит шоссе Винница-Житомир, — объяснял между тем особист. — Здесь — железная дорога. Вот это — село Коло-Михайливка. Объект, который нас интересует, находится между ними.

— Знаю эти места, — неохотно сказал Тарас. — Туда немцы еще под Новый год столько сил подтянули, что комар не пролетит. На подлете собьют.

— Ну, а как ты думал, Тарас Иванович? — майор дружелюбно подмигнул. — Если там сам Адольф засел?

— И что ты мне хочешь предложить, товарищ Кошкин? — без особого интереса спросил Тарас. Без особого — потому что и так догадывался, что услышит.

— Побеспокоить их надо. Прорваться к самой ставке, понимаю, тебе вряд ли удастся, но потрепать охранение — вполне. А лучше всего — взорвать электростанцию, она, судя по линии электропередач, должна находиться где-то тут. Быстро ударить — и отступить. Раствориться в лесах. Ясна задача?

Тарас угрюмо молчал. Задача была ясна — и так же ясно было то, что она совершенно невыполнима.

— На смерть посылаешь, майор, — проговорил он наконец. Кошкин удивился — или сделал вид.

— О тебе, Тарас Иванович, в здешних краях легенды рассказывают, — сказал он укоризненно. — Герой, мол, бесстрашный человек. А ты, оказывается, хочешь жить вечно?

Кому другому Тарас за такое сразу бы сунул в зубы — и хорошо, если один раз. Но майор Кошкин, подлюка, был как раз из тех, кому в зубы совать себе дорожку. Разве что действительно

отвести к трясине...

— Я-то что, — сплюнул он на пол землянки. — Людей жалко. Ни за что ведь пропадут.

Взгляд майора неожиданно стал жестким.

— А ты постарайся, чтоб не пропали! На то ты и лучший в области партизанский командир! А если, старшина, поставленная задача вам не по плечу, всегда найдется, кем вас заменить!

Старшиной Тараса не называли уже почти год. «Батька», «командир», «Иваныч», иногда «дед» — но о том, что он был старшиной, не вспоминали даже те, кто когда-то прятался с ним в озериченских подвалах. А особист Кошкин, оказывается, откуда-то это знал. И осведомленность его, вкупе с издевательским переходом на «вы», Тарасу очень не понравилась.

— Ладно, — миролюбиво проговорил он, вытаскивая карту из-под железной руки майора. — Не гоношись, Кошкин. Я еще помозгую, как туда сподручней пробиться, может, чего путное и придумается.

Широкое лицо майора немедленно расплылось в белозубой улыбке.

— Вот это другое дело! Помозгуй, конечно, ты ж в этих краях царь и бог. Я, если чем смогу, тоже помогу, у меня тут — он похлопал себя по лбу — все данные авиаразведки. Рад, что не ошибся в тебе, Тарас Иваныч! Да что я, вот и товарищ нарком... товарищ Берия сразу сказал — Тарас Петренко не тот человек, который может струсить и не выполнить задания партии!

— Я беспартийный, — хмыкнул Тарас. Кошкин пожал широкими плечами.

— Ну и что? Хочешь, хоть завтра примем тебя в партию. Соберем коммунистов, проведем партсобрание...

— Майор, — перебил его Тарас. — Я твое задание и так выполняю. Ты мне только вот что объясни — на хрена это все нужно?

Кошкин перестал улыбаться и лицо его мгновенно закаменело.

— А чтобы боялись, гады! Чтобы не думали, что они на нашей земле хозяева! Чтобы сидели и дрожали, покуда их не раздавили, как вшей! Потому как они есть вши и гниды, и места им на советской земле нет. Я доступно объясняю, Петренко?

— Куда уж доступней, — сказал Тарас.

К операции они готовились неделю. Из семерых посланных в Коло-Михайливку пацанов-лазутчиков вернулось трое, да и тем не удалось подобраться к объекту ближе, чем на пять километров. Четверо, видимо, попали в руки немцев, и об их судьбе можно было лишь догадываться. Вернувшиеся рассказали, что Коло-Михайливка объявлена немцами особой зоной, для прохода туда требуется специальный пропуск, который после длительной проверки выдают в комендатуре. Так же, по слухам, обстоят дела и в ближайших селах. Тарас целыми днями сидел над картами, чертил схемы, допытываясь у Кошкина, что ему известно о секретном объекте. Майор действительно хорошо представлял себе местность к северу от Винницы — видно, не врал про данные авиаразведки, хотя Тараса порой охватывали сомнения — ну, какая может быть разведка, когда фашисты плотно контролируют небо вплоть до Харькова? Как бы то ни было, Кошкин ему здорово помогал: подсказывал, где немцы проложили еще одну асфальтированную дорогу, где расположены зенитки, прикрывающие аэродром. Собственно, зенитки Тарасу были без надобности, хотя для общей картины и это иметь в виду не мешало. А вот то, что Кошкин откуда-то знал про установленные рядом с зенитными батареями мощные прожектора, оказалось очень кстати. Прожектор — злейший враг партизана. Он шарит своей желтой жадной рукой по притихшим ночным полям, безошибочно выхватывает тебя из спасительной темноты и превращает в мишень для пулеметчиков. Зная, где расположен прожектор, можно рискнуть подобраться даже к самому охраняемому объекту. В других обстоятельствах Тарас бы

сердечно поблагодарил майора за такие ценные сведения — но не сейчас. Потому что, не будь Кошкина, он и думать бы не стал о том, чтобы соваться в самое логово врага.

В конце концов, план он придумал. Не то, чтобы блестящий, но вроде бы не самый глупый. Пройти под насыпью железной дороги до Пятничан, оттуда по глубокой заросшей балке уйти на Сосенки, и уже из Сосенок попробовать добраться до первого кольца ограждений загадочного объекта. Пробиваться за него Тарас отказался наотрез — если электростанция действительно находится там, где ее рисовал Кошкин, то ее несложно закидать гранатами и через ограду. А если нет, то пройдя вдоль забора, можно будет выйти к маленькому аэродрому у Коло-Михайлилки, и устроить там хорошенечкий переполох. Самым сложным был, как всегда, отход. Отходить в любом случае придется с боем, но если избежать столкновения с крупными отрядами немцев, то шансы сберечь людей оставались. Кошкин, войдя в раж, вообще предложил захватить на аэродроме пару самолетов и улететь на них, но Тарас его тут же срезал: летчиков у него в отряде не имелось. О том, что немецкие зенитчики, скорее всего, тут же собьют захваченные самолеты, он майору не сказал — первого аргумента оказалось достаточно. А накануне операции особист его удивил — попросил выдать ему старую солдатскую форму без знаков различия.

— Тебе зачем? — не понял Тарас. Кошкин сверкнул крепкими зубами.

— С тобой пойду, Тарас Иваныч. Не отпускать же тебя одного. Без пригляда, ха-ха.

Тарас покачал головой. Он ни разу не спрашивал майора, собирается ли тот принимать участие в операции — зачем? И так ясно, что особист, присланный самим наркомом, вряд ли будет лично лезть под пули. Выходит, ошибся...

Но вчера майор был бодр и весел, а сегодня, в день операции,

выглядел задумчивым и хмурым. Да и в солдатскую форму не спешил переодеваться, по-прежнему щеголял в кителе с начищенными до блеска пуговицами и в полированных — бриться можно — хромовых сапогах. И оптимизма ему, видишь ли, не хватает...

— Ты, товарищ Кошкин, и не рад как будто, — сказал ему Тарас. — Или спал плохо?

Добрил подбородок, зачерпнул в ладони студеной воды из таза и с наслаждением плеснул себе в лицо. Щеки защи-пало.

— Нормально. Я ведь, Тарас Иванович, вот чего хотел... Шифровка мне пришла сегодня ночью. Из Москвы.

То, что у энкаведешника была с собой рация, Тарас, конечно, знал. Еще в первый день они с майором договорились — связь исключительно односторонняя. То есть принимать — принимай сколько душе угодно, а передавать не могли. Перехватят немцы, оцепят лес, подгонят черных СС — и нет отряда. Кошкину, может, все равно, а старшина Петренко за своих людей отвечает.

— И что тебе Москва говорит? — спросил Тарас. И снова, каким-то тайным чутьем, понял, что сейчас ему ответит майор. Так оно и вышло.

— Приказывает оставаться на месте, — фыркнул особист. — А в случае провала операции продолжать оперативную работу. А я им даже ответить ничего не могу!

«Как будто, если бы мог, стал бы с ними спорить», — хмыкнул про себя Тарас. Кошкин, будто прочитав его мысли, вскинул голову.

— А мне ведь позарез нужно с вами идти! Может, это шанс мой, такой один раз за всю жизнь дается!

— Какой шанс? Ты о чем, майор?

— Да неважно! — махнул рукой Кошкин. — В общем, так, товарищ Петренко. Я принял решение. Иду с вами. Но если

вернемся живыми — ты об этом, пожалуйста, молчи. Как человека тебя прошу, ладно?

«А может, он и ничего парень, — подумал Тарас, вытирая бритву о полотенце и пряча ее в кожаный чехольчик. — Кто сказал, что раз особист — значит непременно сволочь?»

Вслух он сказал:

— Ладно, майор. Но если за пятнадцать минут не соберешься — выходим без тебя, ясно?

2

Конечно, ничего у них не получилось.

Не могло получиться. Вокруг Коло-Михайлилки было сосредоточено столько сил, что прорваться к ней не смогла бы и танковая бригада. А Тарас взял с собой всего двадцать пять человек — правда, самых лучших. Вести больше посчитал неправильным — передвижение крупных групп легче засечь, да и стоявшая перед ним задача не требовала участия всех бойцов отряда. Потрепать врагу нервы можно и так.

Удивительным было скорее то, что им удалось добраться до Пятничан. По железной дороге время от времени проезжали патрули на дрезинах, но от них люди Тараса научились прятаться уже давно. Лежали в грязи, накрывшись зелеными плащ-палатками, пока лязг дрезины не затихал в отдалении. А потом оказалось, что в яблоневом саду на окраине Пятничан стоит зенитная батарея, о которой ничего не знал даже Кошкин, и по дорогам туда-сюда снуют мотоциклы с автоматчиками в черной форме. Тарас в бинокль разглядел, что погоны их сверху были закрыты клапанами.

— Это что за клоуны? — спросил он Кошкина. — На армейцев вроде непохожи. Гестапо?

Майор сплюнул.

— «Великая Германия», — ответил он. — Эсэсманы. Дерутся, как черти. Раньше их тут не было.

Тарас вновь подивился про себя осведомленности особиста, но говорить ничего не стал. Прикинул, что незамеченными мимо черных эсэсманов они к балке не проберутся, и решил двигаться на юг, к Бондарям. Повсюду на дорогах стояли усиленные посты охраны, но один боец из местных знал тропку через топи, которые немцы считали непроходимыми. До Бондарей добрались уже на рассвете, мокрые, вымазавшиеся в болотной тине, уставшие до свинцовой дрожи в ногах. Стоявшее на берегу реки село казалось вымершим — не мычали коровы, не пели петухи, не слышно было скрипа дверей и хлопанья раскрывающихся навстречу утру ставней. Партизаны осторожно заглянули в один дом — пусто, в другой — то же самое. Посреди села на столбе висела фанерная доска с криво намалеванными русскими буквами: «Всем жителям деревни явиться к 10.00 на берег для последующего переселения. Администрация». Над этой доской висела аккуратная жестяная табличка с ровной немецкой надписью: «Sonderzone. Schutzgebiet».

— Чего написано? — спросил Тарас у майора.

— «Особая зона, охраняется». Жителей выселили... — Майор повел головой, оглядываясь. — Интересно, где ж у них тут наблюдательный пост?

— Найдем, — буркнул Тарас. С обещанием он поторопился — где бы ни прятались фашистские наблюдатели, партизан они засекли первыми.

С двух сторон по бойцам хлестнули пулеметные очереди. Ревя мотором, выскочил из-под увитого виноградом навеса мотоцикл с коляской, помчался прямо на Тараса с Кошкиным. Сидевший в коляске черный эсэсовец поливал их огнем из автомата¹. В руке майора мгновенно оказался пистолет с коротким дулом, плюнул пламенем. Эсэсовец схватился за плечо и начал медленно выпадать из коляски. Секундой позже Тарас

¹ Оружие, которое в обиходе принято называть «шмайссерами», представляло собой пистолет-пулеметы MP-40, разработанные конструктором Генрихом Фольмером на основе конструкции Хуго Шмайссера.

срезал водителя — мотоцикл проскочил мимо них и врезался в нарядный зеленый штакетник. Партизаны рассыпались по улицам села, ведя огонь по вторым этажам домов, где засели пулеметчики.

— Все, майор, — крикнул Тарас, на бегу стреляя в выскочившего из переулка рослого патрульного. — Надо отходить!

— С хрена ли! — рявкнул где-то за спиной Кошкин. — Сейчас этих сук в землю вобьем и дальше двинемся!

И вбили ведь! В Бондарях фашистов, к счастью, было немного — вряд ли больше дюжины. Тарас потерял пятерых своих людей, но из черных эсэсманов не ушел никто. Кошкин, легко раненый в руку, снова скалился во все тридцать два зуба.

— Теперь прямой дорогой на Коло-Михайливку! Отсюда до нее рукой подать. Дадим сволочам прикурить!

До Коло-Михайливки от Бондарей было действительно недалеко. Дорога поднималась на холм, ныряла в ложбину и вновь взбиралась в гору — вот и все дела. Беда в том, что по дороге двигаться нельзя было ни в коем случае, а по полям — можно, но только в темноте. Пошли через лес, надеясь выбраться из него уже где-то в окрестностях загадочного объекта. Не вышло — к полудню лес кончился, начались вырубки. Тарас осторожно взобрался на гребень, на котором когда-то росли высоченные красивые сосны, достал бинокль... и опустил его.

Все было ясно и без бинокля. По полю, лежавшему между вырубками и Коло-Михайливкой, двигались на него танки — штук десять. Легкие, вооруженные пулеметами, а не пушками, но — танки. А по бокам от танков шли черные эсэсманы, и было их за сотню. Лаяли, рвались с поводков овчарки. Рычали моторы. Плыли над полем густые облака пыли.

Выматерился неслышно подошедший сзади Кошкин.

— Уходить надо, — снова сказал ему Тарас. — Сомнут нас, майор.

Молчал особист, скрипел зубами от злости. Так ничего и не

ответил Тарасу.

— Уходим, — приказал Тарас, вернувшись к отряду. — Идем к реке, будем перебираться на тот берег.

Там их и зажали — у самой воды. С одной стороны — прочесывающие лес солдаты с овчарками, с другой — обошедшие лесной массив легкие танки. А потом по реке подошли моторные катера и обрушили на партизан такой шквал огня, какого, наверное, не видели и в аду. Тарас ушел в камыши и оттуда подстрелил пулеметчика на одном из катеров, но на этом его счастье закончилось. Катер басовито ухнул в ответ, зеленая илистая вода перед самым лицом Тараса встала стеной и ударила его мокрой тяжелой ладонью. Небо качнулось над ним, а потом надвинулась непроглядная чернота.

Но он не умер.

Он понял это, когда пришел в себя на дощатом полу сарая. Ребра отзывались острой колющей болью каждый раз, когда Тарас пытался вздохнуть, глаза заплаыли и почти ничего не видели.

Кто-то склонился над ним, взял за подбородок рукой в черной кожаной перчатке (кожа почему-то была очень холодной) и что-то пролаял по-немецки.

— Не понимаю, — хотел сказать Тарас, но только хрипло закашлялся. Ему показалось, что ребра по одному засовывают в мясорубку. Рука в перчатке брезгливо отдернулась.

— Он не понимает по-немецки, герр Доннер, — объяснил другой голос, жирный и вкрадчивый. — А по-русски ты понимаешь, большевистская сука?

Комната начала кружиться вокруг Тараса.

— Царицкий, — велел первый голос, — узнайте, что партизаны делали в Бондарях и зачем они пытались проникнуть в Коло-Михайливку.

— Слушаюсь, герр Доннер. Ты, гнида, очнулся? Отвечай, что вы забыли в Коло-Михайливке!

Тарас собрал все свои силы и постарался ответить четко:

— Маму твою мы там забыли, подкормыш немецкий... очень уж ей в последний раз со мной понравилось...

Очень тяжелый и очень твердый сапог врезался Тарасу в ребра, и спасительная тьма вновь накрыла его.

Второе возвращение к жизни было еще хуже. Теперь над ним стояли трое — потный толстяк в штатском, коренастый лысый амбал в военной форме гестапо и высокий костлявый офицер с серебряными молниями СС в петлицах. В руках у офицера был шприц.

— Сейчас вам станет лучше, — пообещал он и улыбнулся. — Намного лучше. Переведите ему, Царицкий. А когда вам станет лучше, мы поговорим, как хорошие товарищи.

Толстяк перевел, елеино улыбаясь. Улыбка не мешала ему с ненавистью смотреть на Тараса.

— Тамбовский волк тебе товарищ, — прохрипел Тарас. Этого Царицкий переводить не стал.

— Закатайте ему рукав, — велел офицер. Потные пальцы коснулись предплечья Тараса, и того передернуло от отвращения. Тарас дернулся, но Царицкий с неожиданной силой припечатал его к полу. В голове сразу же зашумело.

— Не бойтесь, — дружелюбно сказал офицер. — Это даже не больно.

Игла скользнула под кожу, безошибочно нашла вену. Руке стало жарко, будто в нее вливали расплавленный свинец. Потом Тарас почувствовал, как боль его отпускает — сначала нехотя, цепляясь за каждый сантиметр тела, как защитники города бьются с превосходящими силами противника за каждый дом. Потом боль схлынула, унесенная теплой волной, и Тараса охватило давно забытое чувство блаженства.

Офицер приподнял ему веко, поглядел на расширившийся зрачок, и остался удовлетворен увиденным.

— Also, — произнес он приятным баритоном, — мне кажется, наш друг готов к разговору. Для начала давайте познакомимся. Меня зовут доктор Эрвин Гегель. А как зовут вас?

— Тарас, — проговорил Тарас, удивляясь тому, как легко и свободно выговариваются слова. — Тарас... Иванович... Петренко. Старшина Петренко.

— Отлично, Тарас... э-э... Иванович! Вы член партии большевиков?

«А твое какое собачье дело?» — хотел ответить Тарас, но вместо этого неожиданно для себя ответил:

— Я беспартийный.

— Wunderbar! — воскликнул доктор Гегель. — Давно вы в партизанах?

И снова Тарас не собирался отвечать фашистской твари, и снова почему-то ответил:

— Год уже... с прошлого августа.

— Большой у вас отряд?

— Двести пятьдесят человек.

«Остановись! — кричал где-то в мозгу Тараса перепуганный до смерти старшина Петренко. — Они вкололи тебе какую-то дрянь, и ты теперь будешь отвечать на все их вопросы! Ты же расскажешь им, где искать партизан на болотах, и про все пароли, и про связников в деревнях! Немедленно остановись!»

— Видите, штурмбаннфюрер, — улыбнулся доктор Гегель, поворачиваясь к лысому амбалу. — Пентотал натрия творит чудеса. И не нужно этих ваших средневековых штучек.

— Прекрасно, друг мой, — вновь обратился он к Тарасу. — О вашем партизанском отряде мы еще поговорим. А сейчас меня интересует, откуда вы узнали о «Вервольфе».

— О чем? — в голосе Тараса прозвучала растерянность, и Гегель сразу понял свою ошибку.

— Что вы искали в Коло-Михайливке?

— Объект... — слова продолжали изливаться помимо воли Тараса. — Секретный немецкий объект. Мы не знали, что это.

— Если вы не знали, то зачем он вам понадобился?

— Это было задание... задание...

— Кто дал вам задание, Тарас? — вкрадчиво спросил Гегель.

«Кошкин, — хотел ответить Тарас. — Майор Кошкин, будь он проклят... А ему дал задание лично товарищ Берия. Лаврентий Павлович Берия, нарком внутренних дел, правая рука товарища Сталина... И сейчас я расскажу об этом немецкой гниде... А ведь я даже не знаю, остался ли жив Кошкин, мать его за ногу...»

— Мать вашу за ногу, — отчетливо выговорил Тарас Петренко.

Он широко, до хруста в скулах, раскрыл рот, высунул язык, словно дразня доктора Гегеля, и со всей силой, на которую только был способен, сжал челюсти.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Волк-оборотень

Ставка Адольфа Гитлера Wehrwolf под Винницей.

Июнь 1942 года

Фюрер не любил пиво.

Кроме того, он не любил вино и шнапс. Все знали, что фюрер — трезвенник, не доверяющий тем, кто может пропустить среди дня рюмку-другую. Шнапс — ладно, в конце концов, только русские способны пить водку в такую жару. Да и без вина Эрвин Гегель сумел бы обойтись, хотя бокал ледяного рейнвейна иногда вставал перед его мысленным взором. А вот о пиве он по-настоящему мечтал.

Холодная, запотевающая кружка светлого мюнхенского, с высокой снежной шапкой пены. Достаточно было чуть прикрыть веки, чтобы представить, как она стоит на картонном квадрате с изображением оскаленной волчьей пасти, сбоку от блокнота в кожаном переплете. Можно было представить даже, как посверкивающая толстым стеклом кружка отражается в лакированном зеркале столешницы. Но стоило только открыть глаза, как картина менялась самым драматическим образом: вместо кружки перед Гегелем стояла бутылочка минеральной воды. Несмотря на жару, Гегель к ней так и не прикоснулся. Да и другие участники совещания тоже не проявляли большого интереса к теплой солоноватой минералке. Фюрер, кажется, был единственным человеком в комнате, который пил минеральную воду.

Гегель замечтался и был немедленно за это наказан.

— Вы не слушаете меня, Гегель!

Голос Гитлера хлестнул его, словно кнут. Эрвин Гегель вски-

нул голову и бестрепетно встретил взгляд горящих черных глаз фюрера.

— Никак нет, мой фюрер! Вы говорили о необходимости усилить наше наступление на Кавказ, к нефтяным месторождениям Баку.

— Почему же вы сидели с закрытыми глазами?

Присутствовавшие за столом генералы смотрели на Гегеля с плохо скрываемым злорадством. Оберштурмбаннфюрер СС, да к тому же офицер Главного управления имперской безопасности¹ не мог рассчитывать на симпатии высшего генералитета. «Они все считают меня мясником, — подумал Гегель. — Конечно, сами они, эти надменные пруссаки, кровь не проливают. Для этого у них есть солдаты. Воевать, передвигая фигурки на штабных картах, легко — жизни тысяч людей превращаются в абстракцию. Но, господа в белых перчатках, что бы вы делали без тех, кому приходится выполнять грязную работу?»

— Я запоминал вашу речь, мой фюрер, — четко ответил он.
— Если вы мне не верите, я могу повторить ее слово в слово.

Гегель и в самом деле мог это сделать, несмотря на то, что не вслушивался в слова Гитлера, а думал о холодном пиве. Память оберштурмбаннфюрера была тренирована не хуже, чем его тело — поджарое, мускулистое тело спортсмена. С юных лет Гегель привык подниматься в пять утра и полтора часа посвящать силовой гимнастике. Он увлекался плаванием и боксом, но был равнодушен к фехтованию и конной езде — единственным видам спорта, которые прусские генералы считали достойными аристократов. Ну и плевать! Он, Гегель, не аристократ, кичащийся голубой кровью — его отец был простым почтальоном, а дед и вовсе крестьянином. Зато он не обязан своей карьерой никому, кроме своего собственного таланта и стремления делать свою работу как можно лучше.

¹ Reichssicherheitshauptamt, сокращенно РСХА.

— Я верю вам, Гегель, — Гитлер заметно смягчился. — Но на будущее, господа, имейте в виду, что гораздо проще делать пометки в блокноте. Не зря же мои секретарши положили перед каждым из вас чистый блокнот и отточенный карандаш!

Это, разумеется, была шутка, и генералы рассмеялись. Гегель ограничился вежливой улыбкой.

— Итак, господа! — голос фюрера зазвенел, как натянутая струна. — Кавказ — не только ключ к южной России, не только удобный плацдарм для проникновения в Иран и Турцию. Кавказ — это прежде всего нефть, горючее для наших танков и самолетов. Кавказ должен стать нашим еще до осени.

Гегель незаметно оглядел сидевших за столом. Начальник Генерального штаба ОКВ² фельдмаршал Вильгельм Кейтель возвышался в своем кресле, прямой, как отвес. Можно было подумать, что позвоночник фельдмаршалу заменяло древко от флага. Его длинные пальцы с пожелтевшими от никотина ногтями едва заметно постукивали по столешнице. Кейтель был завзятым курильщиком, но фюрер не позволял курить во время совещаний, и фельдмаршал страдал.

«Какая Турция, какой Иран? — казалось, говорил его взгляд. — Мы который месяц не можем взять Крым!»

Правая рука Кейтеля, генерал Альфред Йодль разглядывал стоявшую перед ним бутылочку с минералкой с едва скрываемым отвращением. Эмоции отражались на его лице ярко, словно кадры кинохроники на белом полотнище экрана. «Баварец, — подумал Гегель снисходительно. — Баварцы никудышные игроки в покер — чересчур несдержанные. Рано или поздно эта несдержанность не доведет Йодля до добра».

² Верховное командование вермахта (ОКВ от Oberkommando der Wehrmacht, ОКВ), было подчинено непосредственно верховному главнокомандующему страны Адольфу Гитлеру, и называлось ставкой фюрера. Верховным главнокомандующим вооруженными силами являлся Гитлер, начальником штаба Верховного главнокомандования вооруженными силами был назначен генерал (с 1940 — генерал-фельдмаршал) Вильгельм Кейтель. Оперативный отдел ОКВ возглавлял Альфред Йодль, управление военной разведки и контрразведки (Абвер) — адмирал Вильгельм Канарис. Помимо ОКВ, руководство отдельными родами войск осуществляло также Верховное командование сухопутных войск (ОКХ), ВМФ (ОКМ) и ВВС (ОКЛ). Все это вносило определенную неразбериху в руководство немецкими вооруженными силами.

Вчера на стол Гегелю легла расшифровка беседы Йодля и Кейтеля. РСХА позаботилось о том, чтобы при возведении ставки в комнатах генералов были установлены записывающие устройства. Генералы, очевидно, предполагали такую возможность, потому что разговаривали весьма осмотрительно. Но Йодль все же проговорился. «Черт бы побрал эти бесконечные совещания! — заявил он Кейтелю. — Мы тратим на них столько времени, что можно было бы уже дойти до Москвы!» Гегель подчеркнул эти слова красным. Особой крамолы в них не было, но никогда не мешает знать, как настроены твои подопечные. В ставке Wehrwolf оберштурмбаннфюрер отвечал за безопасность, а следовательно, обязан был вникать во все мелочи.

Герой Харьковского сражения, генерал-полковник Эвальд фон Клейст, быстро набрасывал что-то в своем блокноте. Со стороны могло показаться, что он конспектирует речь фюрера, но Гегель готов был держать пари, что Клейст рисует в блокноте шаржи. Серое, будто присыпанное порохом, лицо Клейста было сосредоточенным и даже хмурым: впрочем, про него говорили, что он умеет шутить, сохраняя самое серьезный вид. В досье, которое Гегель собирал на Клейста, приводилось изречение, которое генерал-полковник любил повторять в узком кругу: «Веселые люди делают больше глупостей, чем печальные, но печальные делают БОЛЬШИЕ глупости». При общеизвестной склонности фюрера к депрессиям эта фраза звучала довольно двусмысленно.

— Поскольку бакинская нефть нужна нам уже сегодня, — воодушевленно продолжал, между тем, фюрер, — я принял решение разделить группу армий «Юг» на две части. Первая — назовем ее группой «А» — усилит наступление на Кавказ. Вторая — группа «Б» — пойдет на Сталинград. Не позже сентября мы должны взять под контроль нефтяные промыслы Каспия и перекрыть русским дорогу на Кавказ. А единственная доступная для них дорога на Кавказ сейчас, когда мы гос-

подствуем в южнорусских степях — это Волга.

Гитлер потянулся к своей минералке, и Кейтель немедленно воспользовался мгновением тишины.

— Мой фюрер, — произнес он неприятным скрипучим голосом, — группа армий «Юг» недостаточно сильна, чтобы вести наступление на двух направлениях.

— Что? — Гитлер, казалось, не расслышал начальника Генерального штаба. — Что вы сказали, Вильгельм?

— У нас мало сил, — ответил Кейтель. — Мы с огромным трудом удержали русских под Харьковом. Если бы не Клейст, маршал Тимошенко уничтожил бы Шестую армию Паулюса, перемолов ее, как в мясорубке.

— Что за пораженческие настроения, Вильгельм? — черные глаза фюрера недобро сверкнули. — Мы нанесли азиатам страшный удар, от которого они если и оправятся, то не скоро. Тимошенко потерял под Харьковом почти триста тысяч человек! Если наш друг Иосиф не расстреляет его за это, я буду весьма удивлен.

— И все же фельдмаршал прав, мой фюрер, — перебил Гитлера Альфред Йодль.

Гегель усмехнулся краешком рта. Похоже, его прогноз в отношении Йодля сбывался даже быстрее, чем он ожидал.

— Мы слишком распыляем силы! — крепкая ладонь Йодля звонко хлопнула по столу, и сидевшие за столом генералы вздрогнули от неожиданности. — Позвольте напомнить вам, господа, что фон Бок до сих пор не взял Ленинград! На Волховском направлении наши части завязли, как муха в дерьме!

— Генерал Йодль, — ледяным тоном проговорил фюрер, — я призываю вас не выражаться подобным образом. Вы не в казарме. Здесь присутствуют дамы.

Он повернулся к своим секретаршам и галантно наклонил голову. По отношению к дамам фюрер неизменно вел себя по-рыцарски.

— Приношу свои извинения, — пробурчал баварец. Грета

Вольф, яркая брюнетка с сочными пунцовыми губами и прозрачными голубыми глазами, снисходительно кивнула. Младшая секретарша, фройляйн Трудль Юнге, взятая на работу всего три месяца назад, покраснела и уткнулась в бумаги. Одна лишь Эльза Герман, прозванная «ледяной красавицей» за абсолютное равнодушие к мужчинам, никак не отреагировала на извинения Йодля. Ее прекрасное лицо мраморной статуи оставалось непроницаемо.

«Благодарение Богу, что у фюрера есть секретарши, — подумал Гегель. — Без них эти совещания превратились бы в сущий кошмар...»

Ни для кого не было секретом, что личные стенографистки и помощницы Гитлера тщательно отбирались специальной службой РСХА. Однако лишь очень немногие знали, что три секретарши — Вольф, Герман и Тарановски — были кадровыми сотрудниками организации «Аненербе» («Наследие предков»). Этот порядок завела адъютант фюрера Мария фон Белов, считавшаяся правой рукой руководителя «Аненербе» доктора Зиверса. Объяснялось это тем, что женщины, постоянно находившиеся при фюрере, должны были быть не просто хорошенькими машинистками, но идеальными нордическими женщинами. А «Наследие предков» было той самой организацией, которая контролировала все проводящиеся в Рейхе исследования в области евгеники.

Во всяком случае, так выглядела официальная версия, которую Мария фон Белов скормила Генриху Гиммлеру. Птицелов³ поверил, потому что сам был повернут на евгенических проектах. Но Эрвин Гегель полагал, что у адъютанта фюрера могли быть и более серьезные соображения, которыми она не посчитала нужным делиться с могущественным шефом СС.

Грета Тарановски полгода назад вышла замуж за боевого ге-

³ Глава СС Генрих Гиммлер, в чьем ведении находилось «Аненербе», считал себя реинкарнацией саксонского короля Генриха Птицелова. Эта информация, разумеется, не предназначалась для широкой публики, но персонал «Аненербе» в частных беседах называл Гиммлера «Птицеловом».

нерала Кристиана, и получила разрешение покинуть группу личных стенографисток фюрера. На ее место взяли молоденькую Трудль Юнге, которую осторожно подвел к Гитлеру его заместитель по партии Мартин Борман. Гиммлер, по слухам, был этим очень недоволен: он считал, что Борман и без того имеет чересчур сильное влияние на фюрера. Но Юнге выглядела такой наивной простушкой, что Гегель не сомневался: Мария фон Белов вскоре приберет ее к рукам. Борман, отлично ориентировавшийся в мутной воде партийных интриг, был бессилен против ведомства Зиверса. «Во всяком случае, пока бессилен», — педантично уточнил про себя Гегель.

Между тем фюрер использовал секундное замешательство Йодля для того, чтобы перейти в наступление.

— Вы утверждаете, что наша армия не сможет разбить остатки азиатских орд на подступах к Волге? — в голосе Гитлера лязгнул металл. — Вы паникер, Альфред! Вы слишком засиделись за картами в штабе! Спросите генералов, которые били русских под Харьковом или под Орлом! Любой из них скажет вам, что мы уже сломали Сталину хребет, и что русским нечего противопоставить железным легионам вермахта! Сибирские резервы исчерпаны! Заводы на Урале еще дымят, но и они встанут, когда мы захватим кавказские нефтяные скважины. Туземцы Кавказа ждут нас, как освободителей, и немедленно поднимут восстание против Советов, стоит лишь ноге немецкого солдата коснуться их земли! Спросите хотя бы Клейста!

Эвальд фон Клейст оторвал взгляд от блокнота.

— Мой фюрер, вы, безусловно, правы, говоря о желании поработенных русскими народов Кавказа сбросить иго Москвы. Адмирал Канарис говорил мне, что агенты Абвера давно и плодотворно работают в тех краях. Я полагаю, что именно на Кавказе мы можем рассчитывать на искреннюю поддержку населения.

— Вот видите, Альфред! — Гитлер торжествующе поднял палец. — Это говорит не какая-то штабная крыса, а человек,

который каждый день видит войну в лицо!

«Опасный выпад, — озабоченно подумал Гегель. — Йодль и так сдерживается из последних сил. Как бы не сорвался прямо сейчас...»

Судя по налившемуся кровью лицу Йодля, он был близок к тому, чтобы наговорить фюреру дерзостей, но тут очень кстати вновь заговорил фон Клейст.

— Однако, — невозмутимо продолжал он, — я не могу поддерживать идею о разделении группы армий «Юг» для броска к Сталинграду. Фельдмаршал Кейтель прав — у нас недостаточно сил. Под Харьковом мы отправили русских в нокдаун, но хребет их армии все еще цел. Каждый день с Востока приходят все новые и новые подкрепления. Русские сейчас — это Лернейская гидра из мифа о Геракле. Стоит отрубить этой гидре одну голову — на ее месте тотчас же вырастает новая. Для того, чтобы победить гидру, мы должны бить ей в сердце.

— Куда же вы предлагаете бить, Клейст? — вкрадчиво спросил Гитлер.

— Сердце России — Москва, мой фюрер. Я полагаю, нам следует повторить прошлогоднее наступление, благо теперь мы в два раза ближе к Москве, чем в июне сорок первого.

Судя по тому, как зашептались между собой сидевшие вокруг стола генералы, фон Клейст выразил их общее мнение. Провал плана «Барбаросса» не давал покоя стратегам Генерального штаба. После того, как полгода назад «бог танков» Гудериан был вынужден отступить от самых ворот Москвы, взятие русской столицы стало их идеей-фикс. Сам же фюрер заметно охладел к этой идее, хотя причины такой перемены оставались для всех загадкой.

— Москва? — переспросил Гитлер насмешливо. — Это ловушка, которую русские приготовили для всех, кто хотел завоевать их страну. Поляки взяли Москву в семнадцатом веке. И что? Азиаты осадили их в Кремле, а потом гнали до самой Варшавы. Наполеон взял Москву в 1812. Русские отдали ему

город без боя. Он просидел в Москве до первых холодов и едва унес ноги. Мы сами едва не потеряли под Москвой лучшие части вермахта. Это ловушка, говорю я вам! Но я не собираюсь повторять ошибок прошлого. Мы не пойдем на Москву. Вместо этого мы сравняем с землей Ленинград и закрепимся на Волге. Тогда нам незачем будет тратить силы на бессмысленный штурм Москвы — она падет сама, отрезанная от хлебных житниц Украины и кавказской нефти. Но для того, чтобы этот план сработал, нам жизненно необходимо выбить русских с Кавказа.

— Я не возьму на себя ответственность за выполнение столь авантюрного плана, — глухо сказал Кейтель. При этом он смотрел не на фюрера, а на своего заместителя Йодля. Баварец одобрительно кивнул своему шефу.

— Даже если вы не хотите штурмовать Москву, мой фюрер, я бы настаивал на концентрации всех сил на одном направлении, — Клейст, как всегда, был корректен и сух. — Например, на кавказском. Группа армий «Юг» может прорваться к нефтяным месторождениям Азербайджана и взять их под контроль к концу лета — началу осени. Но только при условии, что она не будет раздроблена.

— Нам нет смысла тратить силы в боях на Северном Кавказе, — поднялся со своего места начальник генерального штаба сухопутных войск Франц Гальдер. — Если Сталинград падет, Кавказ сам свалится к нам в руки.

— Поддерживаю, — вставил Йодль.

— Я произвел необходимые расчеты, — Гальдер подошел к стене, на которой висела большая школьная доска и развернул длинный лист с графиками и таблицами. — Группе армий «Юг» потребуется два месяца, чтобы взять Сталинград и полностью закрепиться по обеим сторонам Волги. После этого, при условии, что линии снабжения будут функционировать без перебоев, нам понадобится еще три недели, чтобы подготовить прорыв к бакинским нефтяным полям с севера.

В этом случае нам можно будет избежать длительных и, без сомнения, кровопролитных боев на Северном Кавказе. К тому же я не стал бы преувеличивать степень лояльности местных народов. Мои расчеты показывают...

— Гальдер! — выкрикнул фюрер. Генерал вздрогнул и повернулся к Гитлеру. — Гальдер, вы похожи на бухгалтера! Где ваш боевой дух? Где священный огонь, который должен пылать в сердце каждого из нас? Вы *вычисляете* какие-то дни и недели, в то время, как речь идет о великом столкновении вселенских начал! Мы стоим у шарнира времени, господи! Еще одно усилие — и мы повернем его! Если понадобится, я пошлю на Сталинград все имеющиеся у нас резервы. Я перебросаю войска из Африки! Сталинград падет, это вопрос решенный. Но я хочу, чтобы вы поняли — взятие Сталинграда не будет иметь никакого значения, если одновременно с ним не падет Кавказ! Башни, на вершинах которых горит неугасимое пламя, должны быть соединены одной цепью!

Гегель открыл свой блокнот и аккуратно записал туда: «Башни. Упоминает третий раз. Проверить».

Глаза фюрера метали черные молнии. Теперь генералы уже не решались перебивать его. Стенографистки, не поднимая глаз, лихорадочно водили карандашами по бумаге.

— Нас ждет величайшее сражение в истории! Тьмы азиатских орд против сверкающего меча Севера! Для этого мы родились, для этого мы жили и вели нашу борьбу! Для этого, господи, вы совершенствовали свое воинское искусство. Мир не знал еще лучших стратегов, как не знал он и лучшей армии! И если вы в такой час, в час выбора, к которому вела нас судьба, отказываетесь от своего предназначения — вы недостойны не только своих постов и наград! Вы недостойны своей великой родины!

Гитлер распрямил узкие плечи, выставил вперед упрямый подбородок. Казалось, он даже стал выше ростом.

— Но я верю в вас, господи! Я расцениваю ваши колебания

как минутную слабость, не более. Тем не менее, чтобы избавить вас от дальнейших сомнений, я беру на себя командование группой армий «Юг».

Гегель ожидал, что генералы начнут протестовать, но все, включая задиру Йодля, угрюмо молчали. Напряжение, повисшее в комнате, напомнило Гегелю потрескивавшее в воздухе статическое электричество.

— Группа армий «А» продолжает наступление на Северный Кавказ. Руководство ей я поручаю Эвальду фон Клейсту⁴.

Невозмутимый Клейст коротко наклонил голову.

— Группа армий «Б» в составе Шестой армии Паулюса и Четвертой танковой армии Гота идет на Сталинград. Если вы считаете, что этого недостаточно, я укреплю группу «Б» итальянскими и румынскими частями.

— Это мусор, — довольно громко произнес Йодль.

Фюрер повернулся к нему.

— Да, Альфред, это мусор! Но этот мусор сгорит в топке войны, очистив дорогу нашим непобедимым дивизиям. Паулюс возьмет Сталинград к сентябрю. Я дам ему и Готу столько танков, сколько потребуется. На Сталинград обрушится вся мощь люфтваффе. А в сентябре, если мой храбрый Эвальд нас не подведет, в жилы вермахта польется черная кровь бакинских месторождений!

Гегель, которого не слишком интересовали вопросы стратегического планирования, внезапно ощутил необычайное воодушевление. Оно представилось оберштурмбаннфюреру красной теплой волной, поднимавшейся вверх по позвоночнику. Хотелось отбросить блокнот, схватить шмайссер и отправиться напрямик на Восточный фронт — туда, где, как грозовая туча, набухала готовым обрушиться на Сталинград огненным ливнем группа армий «Б».

⁴ Позже Гитлер изменил это решение и поручил руководство группой армий «А» генерал-фельдмаршалу Вильгельму Листу. Однако уже в сентябре возглавил группу армий «А» лично. Эвальд фон Клейст получил обещанное ему в июне руководство только в ноябре 1942 года.

— И это будет поворотный момент войны! — голос фюрера окреп и загремел. — Русские, отброшенные за Волгу, уже не смогут сопротивляться. Когда Япония нанесет удар по восточным окраинам Сибири, остатки русской армии будут искать спасения в дикой тайге. Пусть — там мы не станем их преследовать. Наша цель будет достигнута — мы получим жизненное пространство для будущих поколений Рейха! Опираясь на кавказскую цитадель, мы захватим Турцию. Мы накажем трусливого иранского шаха и получим доступ к нефти Персидского залива. А после этого наступит черед Англии!

Он говорил что-то еще, но оберштурмбаннфюрер уже не вникал в смысл произносимых фюрером слов. Перед его мысленным взором предстала необычайная, очень подробная и будто живая карта — рельефные горы Кавказа, изрезанное бухтами побережье Турции, сосновые леса Персии. Блестели на солнце маленькие озера, похожие на начищенные серебряные монетки, сверкали белоснежные вершины, по ниточкам дорог сновали черные муравьи машин. По всей площади карты расползались зеленые стрелы — это шли непобедимые части вермахта. А над всем этим раскинул черные крылья вцепившийся мощными когтями в свастику Орел Третьего Рейха.

— Хайль Гитлер! — воскликнул, вскакивая, кто-то из штабных. Вслед за ним поднялся, выбрасывая руку вперед, Эвальд фон Клейст, только что получивший под свое начало целую группу армий.

— Хайль Гитлер! — звучало со всех сторон. Гегель с удивлением обнаружил, что морщины на лбу фельдмаршала Кейтеля разгладились, а глаза горели неподдельным энтузиазмом.

— Под руководством нашего фюрера мы возьмем Сталинград! — возвестил фельдмаршал. — Уверен, что Паулюс нас не подведет!

Йодль, с лица которого не сходило скептическое выражение, пожал плечами.

— Ну, если только наступление на Кавказ возглавит фон

Клейст... возможно, это действительно неплохой план.

Даже педант Гальдер нерешительно снял с доски лист со своими расчетами и принялся сворачивать его в трубку. Он был похож на школьного учителя, которого неожиданно уличил в невежестве один из учеников.

«Как ему это удастся?» — подумал Гегель. Он не первый раз присутствовал при спорах Гитлера с его генералами, и привык к тому, что споры эти всегда заканчивались одинаково — победой фюрера. Но понять, каким образом фюрер добивался этой победы, Гегель так и не смог.

Ни для кого не было секретом, что генералы в своей массе недолго любили Гитлера. Прусская военная кость, голубая кровь, наследники вековых традиций касты воинов и полководцев, они готовы были признавать авторитет фюрера как вождя нации, но не могли допустить, чтобы он вмешивался в сферу их профессиональных интересов. Даже самые лояльные из них считали Гитлера дилетантом в военном деле, который способен своим вмешательством испортить хорошо подготовленную операцию. А нелояльные в частных беседах с проверенными друзьями называли фюрера безродным австрийцем с сомнительным прошлым.

Отношение несколько изменилось после череды блестящих побед, одержанных вермахтом в Европе: тогда Гитлер пошел наперекор своим генералам, опасавшимся открытого столкновения с войсками союзников, и неожиданно оказался прав. Даже самые отчаянные критики фюрера были вынуждены признать, что он обладает исключительной интуицией, позволяющей ему принимать отчаянные, но неизменно выигрышные решения.

И все же этого было недостаточно, чтобы раз за разом одерживать верх в спорах с упрямыми пруссаками. Гегель никогда не считал себя докой в стратегии — в конце концов, это было не его дело — но даже он догадывался, что любой из генералов, принимавших участие в совещании, мог по пунктам ра-

зобратъ нарисованную фюрером картину и не оставить от нее камня на камне. Мог бы — но никто даже не попытался. Кроме, пожалуй, бедняги Гальдера, которому Гитлер не дал даже рта раскрыть.

«В чем же здесь, черт возьми, дело?» — думал Гегель, разглядывая поднимавшихся с мест генералов. Кейтель нетерпеливо проталкивался к выходу — ему, очевидно, не терпелось закурить вожделенную гаванскую сигару. Йодль намеренно неторопливо собирал разложенные по столу бумаги. Гальдер продолжал сражаться со своими чертежами, фон Клейст дорисовывал что-то в блокноте. Ни у кого, по-видимому, не возникло желания пообщаться с фюрером наедине после совещания и в приватном порядке убедить его переменить свое решение.

«Ну и прекрасно, — сказал себе оберштурмбаннфюрер. — Мне лишние уши совсем не нужны, а ждать, пока очередной генерал будет изводить шефа просьбами о выделении ему дополнительных резервов, у меня нет времени».

Он взглянул на часы — на этот раз совещание длилось три часа и пять минут. Почти рекорд скорости: в прошлый раз не уложились и за четыре часа.

Эрвин Гегель закрыл блокнот, предварительно засунув в него карандаш — он уносил карандаши с каждого совещания у Гитлера. Поднялся и, обойдя стол, подошел к фюреру, который диктовал что-то фройляйн Юнге. Несколько минут фюрер не обращал на него внимания, и тогда глава службы безопасности «Вервольфа» позволил себе кашлянуть.

— Да, Гегель, — несколько раздраженно бросил Гитлер, оборвав диктовку. — Что у вас?

— Мой фюрер, — Гегель вытянулся во фрунт, прижав блокнот локтем. — Я подготовил доклад о безопасности ставки...

— Так передайте его моему адъютанту, — казалось, гнев фюрера, который он сдерживал во время совещания, сейчас прольется на ни в чем не повинного Гегеля. — У меня доста-

точно других забот!

— Прошу меня извинить, мой фюрер, — твердо сказал Эрвин. — Ситуация достаточно серьезная, и я просил бы уделить мне хотя бы пять минут для личного доклада.

— Не сейчас, — отрезал Гитлер. — Возможно, вечером. Или нет, завтра во время послеобеденной прогулки. Ваш доклад подождет до завтра?

Гегель поборол искушение ответить «нет» и кивнул головой.

— Да, мой фюрер.

— В таком случае, оставьте нас, — Гитлер повернулся к секретарше, мгновенно поменяв брюзгливое выражение лица на любезную улыбку. — Итак, на чем мы остановились?

Гегель отошел, мысленно кляня генералов, сопротивление которых привело фюрера в дурное расположение духа. Если бы они согласились с его планом сразу, Гитлер наверняка не отказался бы уделить ему пять минут своего времени. А информация, которую Гегель намеревался сообщить фюреру, была чрезвычайно важной.

Комната совещаний, между тем, почти опустела. В углу негромко переговаривались адъютанты майор Энгль и капитан фон Путткаммер, но и они, судя по всему, собирались уходить. «Ледяная красавица» Эльза Герман и роковая брюнетка Грета Вольф замерли на почтительном расстоянии от фюрера, ожидая, пока он закончит диктовать.

«Черт с ним, — подумал Гегель расстроено. — В конце концов, сейчас я имею полное право выпить кружку пива!»

Пивной на территории ставки, разумеется, не было, но в помещении так называемого «нового отеля», где останавливались прибывавшие из Берлина гости, имелся небольшой бар. Кельнер Вилли, состоявший на содержании у гестапо, всегда был рад угостить главу службы безопасности ставки за счет заведения.

Настроение Гегеля несколько улучшилось. Он вышел на

крыльцо и сразу же нырнул в удушливое облако табачного дыма. Заядлые курильщики Кейтель и Йодль дымили сигарами, не потрудившись отойти подальше от комнаты совещаний.

— Не понимаю, Альфред, — говорил Йодлю Кейтель. — Сейчас я готов выдвинуть десять контраргументов против этого плана. Но когда я слушаю фюрера, меня как будто наваждение какое-то охватывает. Он говорит так убедительно...

— Чертовски убедительно, Вильгельм, — согласился баварец. — У шефа есть какая-то способность завораживать. Кажется, греки называли это «харизмой»...

«И эти тоже ничего не понимают, — сказал себе оберштурмбаннфюрер. — Однако Кейтель нашел правильное слово — «наваждение». И я сегодня тоже почувствовал нечто, весьма похожее на колдовство...»

Тут он вздрогнул, потому что в конце улицы послышался страшный рев, сопровождаемый чиханием выхлопной трубы. На площадь перед домиком, где проходили оперативные совещания, вылетел сверкающий хромированными деталями мотоцикл, описал красивую дугу и остановился у крыльца. Стоявшие поблизости офицеры шарахнулись в сторону, а Кейтель едва не выронил свою сигару.

— Хайль Гитлер! — воскликнул лихач, прыгивая со своего «байера». Голос у лихача был женский.

Мотоциклист стянул с головы массивный шлем, и по плечам рассыпались пышные светлые волосы. В плотно облегающей фигуру черной кожаной форме личный адъютант фюрера Мария фон Белов смотрелась настоящей валькирией из «Песни о Нибелунгах».

— Где фюрер? — отрывисто спросила она у подвернувшегося под руку фон Путткаммера. Тот ошеломленно мотнул головой в сторону комнаты для совещаний. Мария фон Белов взбежала по ступенькам, грациозно прижимая шлем к бедру, и тут взгляд ее упал на не успевшего отойти далеко Гегеля.

— Эрвин! Вы-то мне и нужны!

— Весьма польщен, Мария, — галантно улыбнулся Эрвин, возвращаясь к крыльцу. — Я как раз собирался проинформировать фюрера о некоторых серьезных проблемах, которые возникли у службы безопасности «Вервольфа». Однако фюрер сказал, что сможет принять меня только завтра, и посоветовал передать мой доклад кому-нибудь из адъютантов. Полагаю, вы лучше других сможете оценить степень грозящей ставке опасности...

Мария фон Белов подняла руку и приложила тонкий палец к губам Гегеля.

— Тш-ш, Эрвин! Я постараюсь сделать все, чтобы фюрер выслушал вас лично, и, возможно, даже сегодня. Но прежде мне необходимо доложить ему о другой проблеме. Поскольку эта проблема также имеет непосредственное отношение к безопасности «Вервольфа», я полагаю, что вам следует быть в курсе дела.

Она убрала палец. Гегель стоял, как столб, все еще ощущая губами прикосновение ее нежной кожи.

— Однако у меня нет полномочий, чтобы посвящать вас в эту тайну лично, — продолжала Мария фон Белов. — Это может сделать только фюрер. Поэтому, Эрвин, я прошу вас подождать немного здесь, снаружи. Ни в коем случае не уходите, хорошо? Вы действительно очень нужны.

Прежде чем Гегель успел ответить, она повернулась и решительно толкнула дверь комнаты для совещаний. Эрвин Гегель снял фуражку и шелковым носовым платком вытер взмокший лоб.

Кружка пива, стоявшая перед мысленным взором оберштурмбаннфюрера, растаяла, как мираж в пустыне.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Раттенхубер

Ставка Адольфа Гитлера Wehrwolf под Винницей.

Июнь 1942 года

Оперативные документы

Тайная полевая полиция, группа имперской службы безопасности, охранная группа «Ост». Господину комиссару государственной службы безопасности СС оберфюреру и полковнику полиции Раттенхуберу.

Содержание: Докладная о деятельности службы «Ост» за период с 1 по 15 июня 1942 года.

1 июня 1942 года в 21 час господин полковник Нимейер из штаб-квартиры фюрера сообщил, что с 7 по 30 июня состоится пребывание фюрера в сооружении «Вервольф» и что я тотчас должен обеспечить соответствующую безопасность совместно с капитаном Михайлисом.

Особая охрана должна быть обеспечена у дома № 11 и в окрестностях сооружения «Вервольф». Я сделал все необходимое, чтобы обеспечить спокойное пребывание фюрера в сооружении «Вервольф». 7 июня 1942 года около 10 часов прибыл господин подполковник Штреве с 10 офицерами и 10 человек из личной кухни фюрера. В 15 часов состоялось прибытие фюрера. С этого момента и до сегодняшнего дня фюрер находился на территории сооружения «Вервольф».

12 июня начальник службы безопасности сооружения «Вервольф», оберштурмбаннфюрер Гегель получил сообщение о нападении партизан на деревню Бондари. Он поручил полковнику Доннеру возглавить армейскую операцию по уничтожению партизанского отряда. Операция была проведена быстро и успешно, двадцать партизан были ликвидированы, четверо, включая полевого командира Тараса Петренко, взяты в плен. Допрос пленных проводился вначале полковником

Доннером, затем к нему подключился оберштурмбаннфюрер Гегель. В допросе принимал участие тайный агент охранной группы «Ост», переводчик Царицкий. По словам Царицкого, оберштурмбаннфюрер Гегель применил при допросе полевого командира Петренко препарат «пентотал натрия», известный также как «сыворотка правды». Находясь под действием препарата, Петренко признался, что настоящей целью партизан было село Коло-Михайливка, в окрестностях которого находится сооружение «Вервольф». Затем допрос прервался, так как Петренко откусил себе язык и в скором времени скончался от потери крови. 13 июня оберштурмбаннфюрер Гегель выехал на своей служебной машине в Винницу, где, по данным наших осведомителей, имел беседу с лицами, подозреваемыми в связях с партизанским подпольем. Список лиц прилагается отдельно. На следующий день, 14 июня, состоялась встреча Гегеля с фюрером; о чем шла речь на этой встрече, неизвестно, так как на ней присутствовали только фюрер, Гегель и адъютант фюрера Мария фон Белов.

15 июня оберштурмбаннфюрер Гегель передал свои полномочия своему заместителю подполковнику Борну и вылетел в Берлин. Цель поездки неизвестна.

Командир охранной группы «Ост» обер-лейтенант Фогель.

Полковник Раттенхубер дочитал бумагу и положил ее на стол текстом вниз. Потер уставшие глаза тыльной стороной ладони. Глаза слезились.

Стрелки старенького будильника показывали десять минут четвертого. За окнами было уже светло — приближалась самая короткая ночь года.

Раттенхубер не спал уже десять дней. То есть, спал, конечно — урывками, по два-три часа в сутки, но этого явно не хватало. Хотелось закрыть двери, занавесить окна, поставить у крыльца ординарца с приказом никого не впускать, выпить стакан шнапса и завалиться в койку часов этак на двадцать. Выспаться за всю войну.

Конечно, это было нереально. Полковник прекрасно понимал, что выспаться ему удастся не раньше, чем война закончится. А когда это будет — знает один Бог.

Иоганн Раттенхубер верил в Бога. В окружении фюрера это

не приветствовалось, но своему любимцу Гитлер подобную слабость прощал.

В марте 1934 года тридцатисемилетнего капитана мюнхенской полиции Раттенхубера вызвал его начальник комиссар Форстер. Он объявил капитану, что его хочет видеть сам фюрер немецкого народа Адольф Гитлер и вручил приглашение на бланке имперской канцелярии. В приглашении значилось: «Отель «Кайзерхоф», 16.00»

По выработавшейся профессиональной привычке, Раттенхубер прибыл к гостинице «Кайзерхоф» в половине четвертого и, не торопясь, обошел ее со всех сторон. Фасад отеля выходил на широкую Вильгельмплац — с этой стороны располагались закрытая веранда, табачная лавка, цветочный магазин и парикмахерская. Еще один вход в гостиницу находился на улице Мауерштрассе, и был спрятан от глаз досужей публики. Именно у этого входа ровно в 16.00 остановился автомобиль фюрера. Первым на тротуар выскочил главный адъютант Гитлера Брюкнер, которого Раттенхубер немного знал. Он коротко кивнул капитану и распахнул правую заднюю дверцу «Хорьха». Невысокий подвижный человек с черными усиками, одетый в гражданский костюм, проворно выбрался из автомобиля и быстро прошел в двери гостиницы мимо Раттенхубера.

— Идемте, быстро, — бросил полицейскому Брюкнер и поспешил за фюрером.

Раттенхубер успел заметить, что никакой охраны у Гитлера не было — разве что шофер, который остался сидеть в «Хорьхе».

Вестибюль «Кайзерхофа» ничем не отличался от сотен других гостиничных холлов — здесь располагались газетные и цветочные киоски, витрина галантерейных товаров и сувениров — пивных кружек и фарфоровых пастушек — а также лифты для людей и багажа. Сновали портье и мальчишки-рассылные, предлагали свои услуги фотографы, слонялись без дела подозрительные типы в полосатых пиджаках и лакиро-

ванных ботинках, похожие на сутенеров (впрочем, одного из них Раттенхубер знал — это был мелкий жулик Пауль Клее, по прозвищу Пуцци, действительно промышлявший сводничеством).

Здесь Гитлер на мгновение замешкался, и адъютант почтительно тронул его за рукав.

— Господин канцлер (обращение «мой фюрер» еще не вошло в обиход), позвольте представить вам капитана Иоганна Раттенхубера, которому предложено возглавить вашу личную охрану...

Гитлер быстро и оценивающе взглянул на Раттенхубера. Капитан с удивлением обнаружил, что у фюрера разноцветные глаза — один был синим, второй отливал малахитовой зеленью.

— Капитан Раттенхубер, — сказал Гитлер отрывисто, — вы выполняли приказы бывшего правительства, и делали это хорошо. Теперь я ожидаю от вас и ваших подчиненных, что вы таким же образом будете выполнять и мои приказы. Пройдите, пожалуйста, со мной.

Раттенхубер последовал за фюрером в большой зал «Кайзерхофа», где многочисленные посетители отеля пили свой послеобеденный чай. Тут, наконец, к ним присоединились двое эсэсовцев из команды сопровождения — они, как понял капитан, приехали на другой машине. «Охраняют фюрера из рук вон плохо, — подумал тогда Раттенхубер. — Эти парни из СС самые обыкновенные дилетанты. Если уж браться за дело серьезно, то охрану первого лица надо поручать полиции».

По выражению лица Гитлера, по его отрывистым репликам, по тому, как он вел себя за чаем, Раттенхубер понял, что не слишком понравился канцлеру. Уже позже он узнал, в чем было дело — как многие люди с завышенной самооценкой, Гитлер не любил тех, кто был выше его ростом. Рост Раттенхубера — два метра и пять сантиметров — был исключительным даже для элитных частей СС, куда отбирали здоровяков.

Но Раттенхубер был спокоен и исполнительен, не лез в партийные интриги, старался держаться в тени и делал так, чтобы фюрер не замечал постоянно следовавшую за ним команду телохранителей. Постепенно он заслужил расположение фюрера, который, как видно, стал находить определенное удовольствие в том, что двухметровый гигант всегда стоит за его спиной, словно грозная и безмолвная тень.

Раттенхубер лично отобрал лучших полицейских-криминалистов Мюнхена, Берлина и Гамбурга, сформировав из них команду сопровождения Гитлера. Каждый из них был опытным сыскарем, умевшим определять намерения преступника по игре лицевых мышц и знавшим все бандитские повадки. Во времена, когда покушения на первых лиц государства еще не стали бизнесом профессиональных наемных убийц, этого было более чем достаточно. Кроме того, каждый полицейский из команды Раттенхубера имел свою собственную сеть осведомителей и агентов в криминальных кругах, что давало главе личной охраны Гитлера серьезный козырь в игре с руководителями могущественных ведомств Рейха. Именно Раттенхубер первым узнал о том, что вождь штурмовиков Рем готовит заговор против фюрера: его информаторы сообщили, что Рем втайне встречался с главарями наиболее отмороженных банд Гамбурга и Киля. Потянув за эту ниточку, Раттенхубер выяснил, что Рем планировал организовать нападение на машину фюрера во время его визита в Гамбург. Бандиты, вооруженные автоматами, должны были расстрелять Гитлера и его охрану — за это главарям банд был обещан миллион рейхсмарок. Потом, согласно плану Рема, штурмовики расстреляли бы убийц, а сам вождь СА стал бы главой государства.

Раттенхубер положил полученную информацию на стол Гитлера.

Он не знал — хотя и догадывался — что фюрер давно ищет повод для того, чтобы расправиться с чересчур возомнившими о себе СА. Даже если бы показания информатора Раттенхубе-

ра оказались бы пьяным бредом, к ним все равно отнеслись бы очень серьезно. А Раттенхубер собрал целое досье, из которого неопровержимо следовало, что Рем готовит настоящий заговор.

Гитлер решил сыграть на опережение. 30 июня 1934 года СС расстреляли и вырезали несколько сотен видных штурмовиков по всей стране. Рем, арестованный лично фюрером, был застрелен в тюремной камере. Разгром СА вошел в историю как «ночь длинных ножей». Всю грязную работу выполнили охранные отряды Гиммлера, но почву для «ночи длинных ножей» подготовили криминалисты Раттенхубера.

Поначалу фюрер относился к охранникам-криминалистам с подозрением: у него был зуб на полицию еще со времен разгрома «пивного путча». Но после того, как Раттенхубер и его люди раскрыли и предотвратили заговор штурмовиков Рема, Гитлер проникся к ним доверием.

Раттенхуберу же, напротив, так и не удалось до конца избавиться от снисходительно-презрительного отношения к костоломам из СС, которых он считал никудышными охранниками. Несмотря на хорошие отношения с шефом СС Генрихом Гиммлером, капитан — а теперь уже полковник — Раттенхубер — был убежден, что безопасность фюрера могут обеспечить только его криминалисты. Слишком свежа была память о растяпах — эсэсовцах, прибывших в «Кайзерхоф» спустя десять минут после приезда туда Гитлера...

Оберштурмбаннфюрер СС Гегель ничуть не походил на костолома, и уж конечно не был растяпой. Более того, формально и Гегель, и Раттенхубер служили в одной и той же организации — Главном управлении имперской безопасности. Но доверия к Гегелю глава личной охраны Гитлера не испытывал. То, что Гегель отвечал за безопасность ставки, или, как она именовалась в официальных документах, «сооружения «Вервольф»», дела не меняло.

Раттенхубер внимательно просмотрел список лиц, с которыми встречался Гегель 13 июня. Православный священник, школьный учитель, агроном. Все эти люди подозревались гестапо в связях с партизанами — но только подозревались, прямых улик не было, иначе их нужно было бы искать не в Виннице, а в Яме — огромном котловане за городом, куда свозили трупы расстрелянных евреев и комиссаров. Зачем оберштурмбаннфюреру понадобилось с ними встречаться?

Наиболее вероятный ответ: Гегель хотел побольше разузнать об атаке партизан на Бондари. Кстати, в донесении Фогеля ничего не говорится о потерях, а ведь если для отражения атаки потребовалось проводить армейскую операцию, это значит, что патрульные посты в Бондарях не справились с этой задачей сами. Раттенхубер написал карандашом на полях: «сколько человек погибло в Бондарях? Узнать».

А если ответ, лежащий на поверхности, не самый верный? Если Гегель ведет собственную игру, и вовсе не в интересах фюрера и Рейха? Что, если допустить, будто оберштурмбаннфюрер работает на Другую Сторону? Не обязательно на Москву — это было бы слишком невероятно. Но вдруг его купили американцы?

«Это не твоя компетенция, — твердо сказал себе Раттенхубер. — Для проверки подобных домыслов существует контрразведка. Твое дело — обеспечивать безопасность фюрера».

Но что делать, если для выполнения этой задачи ему раз за разом приходилось вторгаться в сферу ответственности контрразведки, которую в «Вервольфе» возглавлял оберштурмбаннфюрер Эрвин Гегель?..

Голову как будто набили ватой. Надо бы проверить всех, с кем контактировал Гегель в Виннице, пройти по их связям... Может быть, и удастся раскопать что-нибудь интересное. Конечно, оберштурмбаннфюрер наверняка выполнял свою непосредственную работу — обеспечивал безопасность ставки. И в том, что он не считал нужным делиться своими соображе-

ниями с начальником личной охраны фюрера, тоже не было ничего необычного — в конце концов, Гегель не был подчиненным Раттенхубера, он отчитывался лично перед Гиммлером. Но и Раттенхуберу никто не может запретить делать его работу. А его работа требовала, чтобы он не доверял никому. Никому, кроме человека, которого он охранял.

Раттенхубер с тяжелым вздохом собрал бумаги в черную кожаную папку, завязал тесемки и поднялся со стула. При этом он, как обычно, слегка ссутулился, чтобы не задеть затылком потолок. Помещения «Вервольфа» не были рассчитаны на людей такого роста. Наземные сооружения ставки возводились очень быстро и особенными удобствами «Вервольф» похвастаться не мог. Легкие щитовые домики, плохо приспособленные к суровым российским зимам. Можно было бы удивиться, куда ушли двадцать миллионов рейхсмарок, выделенных на строительство ставки, но Раттенхубер не удивлялся. Он знал, что львиная доля этой суммы была потрачена на строительство бункера.

Бункер был главной тайной «Вервольфа». Его начал возводить любимец фюрера доктор Фриц Тодт, глава огромной военизированной строительной фирмы «Организация Тодта». Строительство велось в обстановке глубочайшей секретности — Раттенхубер знал, что все документы, касающиеся бункера, печатались только в двух экземплярах — один ложился на стол Гитлеру, другой — Гиммлеру. Работы были закончены к февралю 1942 года, а спустя несколько дней Фриц Тодт погиб в загадочной авиакатастрофе¹. После его гибели строительство «Вервольфа» было поручено Альфреду Шпееру, влюбленному в фюрера архитектору, но Шпеер занимался лишь наземными постройками. Он, конечно же, знал о бункере, но не имел доступа к технической документации. Да что там Шпеер — даже

¹ Самолет Тодта, «Хейнкель-111», был снабжен механизмом саморазрушения на случай, если придется совершить посадку на территории противника. Пилот Тодта якобы перепутал кнопки и включил этот механизм, когда самолет находился в воздухе.

сам начальник личной охраны фюрера имел весьма приблизительное представление о том, как устроен построенный доктором Тодтом бункер.

Раттенхубер положил папку с документами в массивный сейф, закрыл дверцу и повернул колесико цифрового замка. С делами на сегодня покончено, теперь можно поспать до семи утра. Немного, но все же лучше, чем ничего...

Некоторое время он раздумывал, не выпить ли перед сном стакан молока, чтобы лучше спалось. Молоко — плохая замена шнапсу, но личный врач фюрера доктор Морель уверял, что если пить его регулярно, можно прибавить себе несколько лишних лет жизни. А украинские коровы давали на удивление вкусное и жирное молочко...

Он не успел принять решения, потому что в этот момент в дверь его дома негромко постучали.

«Не слишком ли поздно для визитов?» — подумал полковник, вытаскивая из расстегнутой кобуры пистолет. Вряд ли советские диверсанты станут просить разрешения войти, но осторожность не повредит никогда. Раттенхубер бесшумно подошел к двери, прижался спиной к стене и, протянув руку, откинул щеколду. Дверь медленно начала распахиваться в душистую июньскую ночь.

На крыльце стояла девушка.

Иоганн Раттенхубер обладал прекрасной памятью на лица, но и ему понадобилось несколько секунд, чтобы распознать в своей ночной гостье новую секретаршу фюрера Траудль Юнге. Девушка была одета в серую женскую форму, ее светлые волосы были аккуратно убраны под пилотку. Прежде полковник видел Юнге только в штатском, но его мгновенное замешательство было вызвано вовсе не этим. В облике Юнге появилось что-то новое, она как будто повзрослела на несколько лет, не потеряв при этом юного очарования и красоты. На лице — никакой косметики, но в голубых глазах какой-то необычный блеск. Юнге смотрела на Раттенхубера так, словно

ее сжигало желание поделиться с ним огромной радостью. И это было более, чем странно.

— Фройляйн Юнге? — церемонно осведомился Иоганн. — В столь поздний час?

— Господин полковник, — девочка явно волновалась, — фюрер хочет вас видеть. Немедленно.

Раттенхубер, стоя к ней боком, незаметно вернул пистолет обратно в кобуру.

— Почему же фюрер не прислал ординарца? — ворчливо осведомился он. — Это обычный порядок. Зачем понадобилось тревожить вас?

— Я счастлива выполнить приказ фюрера, — сияние голубых глаз стало еще ярче. — К тому же фюрер хотел, чтобы об этом визите никто не знал.

Раттенхубер рассердился.

— Фройляйн, — сказал он сухо, — вы полагаете, что ординарцы фюрера хранят тайны хуже, чем его секретарши?

Юнге ничуть не смутилась.

— Я знаю только, что есть вещи, о которых фюрер может рассказать только нам. Прошу прощения, господин полковник, но фюрер вас ждет.

«Только нам, — продолжал ворчать про себя Раттенхубер, выключая в домике свет и закрывая дверь на ключ. — Не слишком ли много о себе воображают эти дамочки?»

Как начальник личной охраны фюрера, он не мог не видеть, как секретариат Гитлера медленно, но верно набирает собственный вес — к неудовольствию Бормана, привыкшего быть незаменимым. Сами по себе секретарши, по мнению Раттенхубера, были всего лишь марионетками — но за их спинами маячило таинственное ведомство доктора Зиверса, зловещее «Аненербе». До поры до времени эта ситуация не мешала Раттенхуберу исполнять свои обязанности, но кто знает, как все обернется в будущем?

Резиденция фюрера, отличавшаяся от других домиков толь-

ко наличием камина, находилась в двух минутах ходьбы от жилища Раттенхубера. У крыльца обычно дежурили двое эс-совцев, подчинявшихся полковнику либо его заместителю, майору Шмитту, но сейчас их не было видно.

— Где охрана, фройляйн? — ледяным голосом спросил Раттенхубер.

— Фюрер приказал майору Шмитту снять пост, — беззаботно ответила Юнге.

«Черт возьми, — подумал полковник. — Даже фюрер не имеет права отдавать такие приказы! А Шмитт не имел права такой приказ выполнять! Ну, завтра я устрою ему головомойку!»

Он перешагнул порог дома фюрера, преисполненный самых мрачных предчувствий. И предчувствия эти его не обманули.

Гитлер сидел в глубоком, обитом кожей кресле, которое доставили в «Вервольф» специальным рейсом из Италии. Это был подарок Муссолини — если верить дуче, то кресло принадлежало какому-то князю из рода Борджиа. Раттенхубер, недолюбливавший итальянцев, подозревал, что кресло было попросту экспроприировано из какой-нибудь антикварной лавки.

Начищенные до блеска сапоги фюрера лежали на деревянном столике, расписанном диковатыми славянскими узорами. Столик преподнесли Гитлеру благодарные жители Винницы, которых он избавил от ига жидов и москалей.

Фюрер занимался странным делом: рассматривал через увеличительное стекло маленькую фигурку из серебристого металла, изображавшую раскинувшего крылья орла.

А вокруг Гитлера замерли три белокурые валькирии — Грета Вольф, Эльза Герман и затянута в черную форму СС Мария фон Белов.

— А вот и старина Иоганн, — рассеянно произнес фюрер, не отрывая взгляда от фигурки. — Присаживайтесь, присаживайтесь.

вайтесь. У нас будет долгая беседа.

Раттенхубер, однако, остался стоять.

— Мой фюрер, прежде всего, я должен высказать свое глубокое неудовольствие вашим решением снять охрану у домика. Я не смогу в должной мере обеспечивать вашу безопасность, если вы будете отдавать подобного рода приказы.

Гитлер досадливо махнул рукой.

— Мой добрый Иоганн, — сказал он тоном, каким обычно говорят с маленькими детьми, — я позвал вас, чтобы поговорить о вещах, более важных, нежели моя охрана.

— Для меня, — каменным голосом проговорил полковник, — нет и не может быть более важных вещей.

Гитлер отложил в сторону увеличительное стекло и с любопытством взглянул на Раттенхубера.

— Это только потому, что вы недостаточно информированы, Иоганн. Сейчас мы поговорим вот об этом.

И он поднял над головой серебряную фигурку орла.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Хозяин

Ставка Верховного Главнокомандования.

Июнь 1942 года

1

В кабинете царил полумрак — окна плотно занавешены тяжелыми портьерами, уютный свет лампы под зеленым абажуром рассеивался в двух шагах от массивного стола — и в этой полутьме кралась вдоль стен с книжными шкафами чуть сгорбленная тигриная тень.

Хозяин расхаживал по кабинету своей обычной, чуть шаркающей походкой, держа левую — сухую — руку за спиной. Невысокий, сутуловатый, пожилой и очень уставший человек. Но тень его, скользящая по портьерам, была тенью тигра. Тень отражала истинную сущность Хозяина куда лучше его зримого облика.

Сталин был в бешенстве.

За долгие годы работы с Хозяином Берия досконально изучил его привычки, реакции, мельчайшие детали, указывавшие на перемены в настроении. «Дрожание моей левой икры есть великий признак!» — говорил Наполеон, и был в чем-то прав. У великих людей даже банальный тик приобретает особое значение. У Сталина подергивалось левое веко и неприятно кривился скрытый пышными усами уголок рта — тоже левый. Верное свидетельство того, что вождь едва сдерживает прорывающийся наружу гнев.

— Ничего нельзя было сделать, Иосиф Виссарионович, — горько сказал Берия, указывая карандашом в центр разло-

женной на дубовом столе карты. — Мы бросили туда все наши резервы. Те, кто выжил, говорят, что это была настоящая мясорубка. Конечно, с этого *маймуно виришвили* Тимошенко никто не снимает вины. Но даже если бы на его месте был Жуков...

Он специально обращался к Сталину с едва различимым намеком на фамильярность, которую мог себе позволить на правах младшего товарища. Употреблял грузинские ругательства, словно подчеркивая: «мы же с тобой одной крови, ты помнишь?». Но сейчас эта тактика, похоже, успеха не принесла.

— Лаврентий, — негромко проговорил Сталин, и Берия немедленно замолчал. Сталин, однако, не стал продолжать. Он кружил возле стола, бросая на карту острые взгляды. Было в нем что-то от заядлого бильярдиста, выбирающего, по какому шару ударить.

Молчание затягивалось. И в этом молчании Берия почувствовал, как по спине стекает липкая струйка пота.

— У меня нет других полководцев, Лаврентий, — веско произнес, наконец, Сталин. Берия облегченно выдохнул. Когда Хозяин бывал в таком настроении, всесильный шеф госбезопасности выходил от него, шатаясь, как после морской качки.

— Я понял, товарищ Сталин, — это был подходящий момент, чтобы перейти от легчайшей фамильярности, к официальному тону. — Мы не будем трогать маршала.

— Других надо трогать! — голос вождя был тихим и злоеющим. — Тех, кто поверил, что после зимних побед мы можем делать с Гитлером, что захотим! А у него по-прежнему лучшая в мире армия, и лучшие в мире фельдмаршалы! Вот и бьют нас и в хвост, и в гриву!

Хозяин любил русские идиомы. Берия каждый раз мысленно кривился — он не понимал этой русофилии. Русские — полезный народ, и при умелом руководстве из них может получиться толк. Но зачем к месту и не к месту цитировать

сомнительные максимы, придуманные сиволапыми мужиками лет двести назад? Впрочем, вслух он, разумеется, ничего такого не говорил.

— Кого именно? — спросил Берия. — Мехлиса?

— Нет! — рявкнул Сталин таким ужасным голосом, что у шефа госбезопасности мгновенно взмок лоб. — ГлавПУР тут не при чем! Они всего лишь выполняли наши указания. А Мехлиса если за что и надо судить, то за бездарное руководство в Крыму! За Харьков нас с вами надо трогать, товарищ Берия! Мы виноваты в том, что полководцы нашей армии заболели головокружением от успехов! И мы несем за это всю полноту ответственности!

«Тебе-то хорошо говорить, — подумал Берия. — Ты себя поругаешь-поругаешь, да и простишь. Хотя кто, как не ты, требовал стоять на Изюмском выступе до последнего? Кто орал на Василевского, обзывая его трусом и паникером? Я? Нет, это был ты, Сосо. А что делать мне? Судить себя Особым совещанием?»

— Я не снимаю с себя ответственности, товарищ Сталин, — сказал он холодно. — Но мне казалось очень важным поднять моральный дух в войсках, воодушевленных разгромом немцев под Москвой. Возможно, я перестарался...

— Перестарался! — передразнил его Хозяин. — Ты поверил в то, что немецко-фашистской гадине перерубили хребет, как на картинках Кукрыниксов! А ей только дали хорошего пинка, отбросили на несколько шагов, а она тут как тут — снова кусается! И скоро вновь окажется у ворот Москвы!

Сталин замолчал, и тяжелым взглядом посмотрел на Берия. Наступило время оправдываться.

— Не думаю, что немцы рискнут повторить прошлогоднее наступление, — покачал головой шеф госбезопасности. Разговор следовало осторожно переводить на вопросы стратегии, в которых хозяин считал себя непревзойденным специалистом. — Они слишком выдохлись под Харьковом. К тому же их силь-

но сковывает продолжающаяся блокада Ленинграда...

— Лаврентий, — произнес Сталин уже совсем другим, насмешливым тоном, и Берия понял, что на этот раз гроза миновала. — Ты у нас теперь стратег, да? Александр Македонский? Ты думаешь, если они хотят взять Ленинград, Москва им уже не нужна?

— Так считают многие наши маршалы, Иосиф Виссарионович, — Берия пожал округлыми плечами. — Я только привожу их точку зрения...

— А надо своей головой думать! Ты представляешь, что у Гитлера за полководцы? Это же прусская военная аристократия, гордецы и упрямцы! Мы дали им отлуп под Москвой, заставили их бежать, как собак с поджатым хвостом! Ты думаешь, они об этом забыли?

— Вряд ли, Иосиф Виссарионович, — осторожно сказал Берия. — Но наши источники в Берлине сообщают, что Гитлер не собирается в ближайшее время возобновлять наступление на Москву.

— Какие это у тебя источники в Берлине? — прищурился Сталин. — Ты завербовал кого-то из ближнего окружения Адольфа?

— К сожалению, нет, — покачал головой Берия. — Но наш резидент в Берлине нашел подход к любовнице астролога Гитлера.

— И что, она знает, что собирается предпринять Адольф? Не заставляй меня думать плохо о нашей разведке, Лаврентий!

Берия позволил себе легкую улыбку.

— Она ничего не знает, Иосиф Виссарионович. Но она сумела выкрасть из кабинета своего любовника гороскопы, которые он составлял для Гитлера. Гороскопы и эти, как их... космограммы.

Сталин подозрительно посмотрел на шефа госбезопасности.

— Это же антинаучная чушь!

— Разумеется, товарищ Сталин. Но безумный Адольф свято верит колдунам и астрологам. У нас нет оснований сомневаться в том, что он поступит так, как велят ему звезды. А звезды велят ему не предпринимать наступление на Москву до следующего года. Напротив, гороскопы рекомендуют ему усилить натиск на южном направлении, то есть на Кавказ...

— Ты так хорошо разбираешься в астрологии, Лаврентий? — Сталин все еще недоверчиво смотрел на Берия, но тон его заметно смягчился. — Или твой резидент подрабатывает гаданием на кофейной гуще?

«А хорошо бы сейчас выпить кофе, — подумал нарком. — Крепкого, такого, как варят в Сухуми, очень сладкого... глядишь, и голова бы заработала лучше...»

— Нет, конечно. Но у нас есть эксперт, доктор Гронский. Два года назад я докладывал вам о нем. Вот он — профессиональный астролог, учился, а потом преподавал в Берлине, в институте, занимавшемся всякой магией... Теперь он у нас, очень полезный сотрудник. Он и расшифровал гороскопы Гитлера...

— Гронский, — повторил Сталин, будто пробуя эту фамилию на вкус. — Да, припоминаю. Из дворян?

— К сожалению, — не стал возражать Берия, — классово чуждый элемент, но очень хороший специалист. К тому же лично знает Зиверса, а он, как докладывает наша разведка, в последнее время приобрел значительное влияние на Гитлера.

Сталин хмыкнул, помотал головой. Вернулся к карте и ткнул своей трубкой в самый ее центр, в переплетение синих и красных стрелок.

— Если у вас такие хорошие эксперты, почему же они не могут сфабриковать какой-нибудь нужный нам гороскоп, а потом подsunуть его Адольфу через его личного астролога? Заплатите этому астрологу, в конце концов! Пусть Гитлер делает какую-нибудь глупость! Причем глупость, о которой мы будем осведомлены заранее!

— Это замечательная идея, Иосиф Виссарионович, — Берия наклонил голову. — Я дам распоряжение немедленно заняться подготовкой этой операции...

О том, что ни один уважающий себя астролог, скорее всего, не станет подсовывать заказчику откровенную дезинформацию, он предпочел не говорить. В конце концов, может быть, на этого парня можно надавить и другим способом. Деньги решают многое, но не все. Люди охотнее идут на сотрудничество, если знают, что им самим или их родным угрожает серьезная опасность.

— И все же это бред! Гитлер, конечно, может верить всяким шарлатанам, но его фельдмаршалы — люди неглупые. — Сталин презрительно встопорщил рыжие усы. — Говорю тебе, Лаврентий — весь Генеральный штаб Адольфа только и мечтает о взятии Москвы!

— Гитлер пойдет на Кавказ, — упрямо возразил Берия. — Он не считается со своими фельдмаршалами со времен победы над французами. Москва пока что в безопасности, товарищ Сталин.

Сталин, задумавшись, ходил по кабинету, привычно заложив сухую руку за спину.

— Хорошо бы, — проговорил он, прищелкивая пальцами правой. — Рано или поздно Адольф сделает ошибку, и тогда мы его уничтожим.

— Если раньше его не уберут свои же, — сказал Берия. — Я не исключаю возможности военного переворота во главе с кем-нибудь из наиболее авторитетных фельдмаршалов.

— Почему ты так думаешь? — мгновенно насторожился Хозяин. Он, как всегда, примерял ситуацию на себя. И мысль о том, что генералы могут восстать против главы государства и лидера партии — пусть даже врага и людоеда, каким был Гитлер — явно ему не нравилась.

— Так считают мои умники, — «умниками» Берия называл несколько десятков ученых, живших в комфортабельном за-

ключении на дачах в Серебряном Бору и ежедневно анализирувавших данные, полученные разведкой. Хлопот с ними было много, но и польза порой тоже бывала ощутимая. — Они прогнозируют высокую вероятность выступления военных против Гитлера до весны следующего года. Правда, в зависимости от положения на фронтах...

— Твои умники? А где они были год назад? — опять завелся Сталин. — Почему не предупредили о том, что Гитлер начнет эту проклятую войну?

— Они предупреждали, Иосиф Виссарионович. Просто тогда вероятность нападения на Англию была выше.

— Какого ж черта ты их кормишь! — лицо Сталина побагровело, собралось злыми складками, и Берия понял, что то, чего он так боялся, все же произошло — гнев Хозяина, ничем более не сдерживаемый, вырвался наружу. — Расстрелять их всех надо за такие предсказания! Кассандры хреновы!

«Я знаю, почему ты так разозлился, — подумал Берия с чувством легкого превосходства. — Потому что это ты не поверил тогда предупреждениям о приближающемся вторжении, и предпочел отмахнуться от них. А вот почему ты это сделал — вопрос другой...»

Со стороны это действительно выглядело необъяснимым. Каждый день Берия клал на стол Хозяину записки и донесения агентов советской военной разведки, дипломатов и нелегалов НКВД, в которых назывались даты нападения Германии на Советский Союз. Даты различались между собой, причем весьма значительно — правда, среди них пряталась и настоящая, 22 июня 1941 года. Но расхождения в датах не могли скрыть главного — в том, что Гитлер нападет на Советский Союз, не сомневался практически никто.

Кроме Сталина.

Хозяин пребывал в твердой уверенности, что Гитлер не посмеет объявить ему войну. Он полагал, что достаточно напугал Адольфа аккуратной подбрасываемой ведомству Канариса

информацией о забитых боевыми самолетами аэродромах и танковых армадах, сосредоточенных на границе с Польшей. О «линии Сталина» в лесах Белоруссии, которую невозможно ни взять в лоб, ни обойти с флангов. О строящихся на Урале новых военных заводах, призванных полностью обеспечить Красную армию боевой техникой даже в случае затяжной войны.

22 июня прошлого года выяснилось, что Гитлер почему-то не испугался.

Берия отлично помнил, каким шоком стало для Сталина известие о начале войны. Разбуженный в половине четвертого утра звонком Жукова, Хозяин приехал в Кремль с Ближней дачи в Кунцево. Сидел на заседании Политбюро бледный, растерянный — таким шеф госбезопасности не видел его никогда. Вертел в руках пустую трубку, время от времени поднося ее ко рту, и тут же опуская руку. Когда Жуков и Тимошенко доложили обстановку — немецкая армия начала наступление на всем протяжении западной границы, сотни наших самолетов уничтожены на аэродромах, люфтваффе бомбит Севастополь, Киев и Минск — Сталин, мучительно выговаривая каждое слово, спросил:

— Вы уверены, что это не провокация немецких генералов?

Сидевшие за столом онемели от неожиданности. Берия отчетливо вспомнил резолюцию Хозяина на донесении одного из лучших агентов советской разведки — офицера люфтваффе, предупреждавшего о том, что война начнется в промежутке с 22 по 25 июня. «Товарищу Меркулову. Можете послать ваш источник из штаба германской авиации к такой-то матери! Это не источник, а дезинформатор» — написал тогда Сталин и подчеркнул написанное красным карандашом.

Тимошенко, побагровев, поднялся из-за стола.

— Немцы бомбят наши города на Украине, в Белоруссии и Прибалтике! Какая это провокация?

Некоторое время Сталин молчал, разглядывая свою трубку. Потом негромко сказал:

— Если нужно организовать провокацию, то немецкие генералы будут бомбить и свои города. Гитлер наверняка не знает об этом. Нужно срочно позвонить в германское посольство.

«Он сошел с ума», — подумал тогда Берия с ужасом. Воображение у него всегда было хорошим, и он отчетливо представил себе, какой хаос начнется в стране, если Хозяин выпустит из рук рычаги управления.

Почти час ждали Молотова, отправившегося на встречу с немецким послом. Мучительно медленно тянулись минуты, в комнате висело вязкое, тягостное молчание. Потом двери раскрылись, вошел Молотов с синевато-белым лицом. Сталин поник на своем стуле, сгорбился и опустил голову. Трубку он положил на стол — не хотел, чтобы собравшиеся видели, как у него дрожат руки.

Драгоценные минуты, когда еще можно было организовать сопротивление, нанести ответный удар, уходили, как песок сквозь пальцы, а Хозяин не мог решиться даже на то, чтобы отдать внятный приказ Жукову и Тимошенко.

— Гитлер все знал, — проговорил он чуть слышно. — Он все знал с самого начала...

Смысл этих слов Берия понял гораздо позже.

2

Они встретились 17 октября 1939 года во Львове.

Стояла светлая, теплая, прозрачно-голубая галицийская осень. Золотые чеканные листья каштанов и кленов кружились в хрустальном воздухе. Лязг колес литерного состава бесцеремонно врывается в утреннюю тишину замершего в ожидании древнего города.

Сталин никогда прежде здесь не был.

Львов стал советским меньше месяца тому назад. Зажатый

между частями вермахта и 6-й армией РККА, польский гарнизон оборонялся отчаянно, но был вынужден капитулировать, сдав город русским. Сейчас Львов был нашпигован военными, как добрая домашняя колбаса — перцем. Красноармейцы, пограничники, энкавэдешники стерегли покой утопавшего в багряных волнах Высокого замка. С другой стороны границы застыли в грозном молчании бронированные танковые корпуса немецкой армии. Договор, подписанный Молотовым и Риббентропом, хранил это зыбкое равновесие, но Сталин прекрасно понимал: настоящие гарантии мира могут быть получены только если договорится он сам — с Гитлером.

Гитлер интересовал его давно. И Троцкий, и Каменев с Зиновьевым почему-то считали, что Коба не вникает в международные дела, полностью сосредоточившись на внутрипартийной борьбе. Чуть, конечно: еще с середины двадцатых годов Сталин завел себе в ведомстве Литвинова специального человечка, который еженедельно готовил ему подробные обзоры происходивших в мире событий. В Кремле человек не появлялся, обзоры передавал через Поскребышева. Поскребышев же, верный и молчаливый, как пес, сообщил ему в тридцатом году настоящее пожелание Хозяина: собирать отдельные материалы на Адольфа Гитлера и Бенито Муссолини. Муссолини Сталин не уважал, считал его болтуном и позером, но интуиция подсказывала ему, что этот выскочка-журналист может стать одной из ключевых фигур грядущей большой войны. В том, что такая война скоро начнется, Сталин не сомневался, как не сомневался и в том, кто ее развяжет; главный вопрос — удастся ли ему избежать втягивания Советского Союза в войну хотя бы на первых порах. Поэтому он и сидел ночами, по десять раз перечитывая материалы на Гитлера: пытался представить себе его психологию, искал подходы, размышлял о том, как подвести к нему своих людей. Потом начальник разведки Меркулов доложил ему, что один такой свой в окружении Гитлера уже имеется; некто Альфред

Розенберг, из прибалтийских немцев, в 1918 пытался вступить в ВКП(б), но не сумел заручиться необходимыми рекомендациями. Позже эмигрировал в Германию, вступил в национал-социалистическую партию, стал доверенным лицом Гитлера.

— С чего вы взяли, что он будет на нас работать? — спросил тогда Сталин.

— У нас на него кое-что есть, Иосиф Виссарионович, — Меркулов положил на край стола тонкую серую папку. — Достаточно для того, чтобы он стал нашим агентом влияния...

Сталин работу с Розенбергом санкционировал; через несколько лет неудавшийся большевик издал в Берлине толстенную книгу «Миф двадцатого века», в которой, среди прочего, доказывал, что славяне — младшая ветвь арийской расы, а следовательно, никакие не унтерменши. На Гитлера «Миф» вроде бы произвел впечатление — вскоре после этого германский МИД начал нащупывать контакты с СССР, германские концерны стали искать сотрудничества с советской индустрией, началось *сближение*. Когда глава люфтваффе Геринг обратился к Ворошилову с просьбой разрешить тренировки немецких летчиков на советских базах ВВС, Сталин внутренне ликовал: Третий Рейх становился союзником СССР. Потом был Мюнхен, на котором западные демократии сдали Гитлеру Чехословакию. А потом Адольф неожиданно вторгся в Польшу, и закованные в броню гиганты — РККА и вермахт — впервые оказались лицом к лицу.

К этому моменту Сталин уже знал о Гитлере достаточно, чтобы рассчитать каждый свой шаг в предстоящей большой игре. Он послал фюреру предложение о личной встрече: знал, что умеет быть обаятельным, очаровать собеседника, подчинить его своей харизме. Приглашал Гитлера в Москву — тот отказался, сославшись на то, что не имеет права в дни войны покидать пределы Рейха. В Берлин же не хотел ехать Сталин. Такой визит мог повредить его репутации в глазах лидеров западного мира, а с ними все еще приходилось считаться. В

конце концов, договорились встретиться на пограничной территории и в обстановке глубокой секретности.

В Кремле Сталин оставил своего двойника, Дзарасова — осетина из того же села, откуда происходили его собственные предки. Внешнее сходство было абсолютным, только акцент у Дзарасова был выраженнее, гуще. Но на 17 октября важных встреч запланировано не было, членов Политбюро Хозяин распорядился не принимать, а остальные видели его не так часто, чтобы заметить разницу.

Берия, конечно, был в курсе — ведь именно ему предстояло обеспечивать безопасность всего мероприятия. Больше о встрече не знал никто — ни нарком иностранных дел Молотов, ни даже начальник разведки Меркулов.

Литерный Сталина прибыл во Львов на полчаса раньше поезда Гитлера, замаскированного под синий венгерский экспресс. Сталин вышел из вагона и неторопливо прошелся по пустому перрону. На сером жестяном репродукторе сидела большая жирная ворона. Сталин нацелился в нее черенком трубки, произнес «пуф!». Ворона равнодушно отвернулась.

Вокзал был оцеплен тремя сотнями офицеров НКВД из Управления охраны железных дорог. В полукилометре за первым кольцом оцепления располагалось второе — тысяча красноармейцев 6-й армии. Командиры частей получили приказ не допускать в зону отчуждения ни одного человека — пусть даже с документами, подписанными самим наркомом внутренних дел. О том, кто должен был прибыть на львовский вокзал, они могли только догадываться.

Когда на горизонте показалась темная точка приближающегося экспресса, Сталин, не торопясь, вернулся к своему вагону и, оттолкнув ординарца, ловко забрался по металлической лесенке.

Гитлер появился у него в салоне через пятнадцать минут — энергичный, очень подвижный, выглядящий заметно моложе своих лет. Зеленая форма вермахта сидела на нем, как вли-

тая, и Сталин с легкой завистью отметил, что она идет фюреру больше, чем ему самому — любимый френч.

Гитлер шагнул к нему, протягивая руку.

— Камрад Сталин! Я счастлив, что мы наконец-то встретились!

За спиной фюрера стояли двое — невысокий худой мужчина в очках и красивая блондинка с льдистыми голубыми глазами. Мужчина был в штатском, блондинка — в черной форме СС с рунами в петлицах. Сталин с удивлением понял, что охрана Гитлера в вагон не поднялась.

— Геноссе Гитлер! — произнес он заранее подготовленное обращение. — Рад приветствовать вас на советской земле!

По лицу Гитлера скользнула быстрая, как змея, улыбка.

— Этот старый австрийский город напоминает мне о том, что нам есть что делить в Европе. Но я верю, что мы сможем решить все спорные вопросы миром, так, как мы поделили Польшу...

Прозвучало это двусмысленно: Сталину докладывали, что во время боев за Львов части РККА несколько раз входили в огневой контакт с вермахтом, и Гитлер, без сомнения, помнил об этом. Но если фюрер собирался спровоцировать его на резкость с первых же минут встречи, то просто не знал, с кем имеет дело.

— Прошу вас, геноссе, — Сталин широким жестом указал на накрытый в глубине салона стол. Бело-голубой фарфор, крахмальные салфетки с острыми — порезаться можно — краями. Серебряные ведерки с черной и красной икрой в колотом льду, свежайшая осетрина, балык, нежная ветчина и почти прозрачная буженина, пирожки с вязигой, малосольные огурчики и розовые крымские помидоры. В хрустальных бокалах искрилось пурпурное грузинское вино. В досье Гитлера, разумеется, указывалось, что он был трезвенником, однако Сталин надеялся, что уговорит гостя выпить хотя бы стаканчик. — Вы, вероятно, устали в дороге. Пусть этот скромный стол

скрасит тяготы вашего путешествия!

Штатский в очках торопливо переводил. Блондинка с ледяными глазами тонко усмехалась, рассматривая роскошное убранство салона. Гитлер порывисто шагнул к столу, охватил его цепким взглядом — жесткая щеточка усов забавно встопорщилась — потом обернулся к Сталину, развел руками и одновременно смешно надул щеки.

— Вундербар! Камрад Иосиф — вы позволите себя так называть? — я восхищен вашим гостеприимством!

— Будьте как дома, геноссе Адольф, — Сталин тепло улыбнулся. — Нашу первую встречу надо как следует отметить...

К делам перешли только после того, как покончили с закусками, и вышколенные адъютанты внесли горячий, только что с углей, шашлык по-карски — розовые кольца лука венчали истекающее соком мясо. Фюрер поцокал, разглядывая шашлык — не еда, а истинное произведение искусства, повар был специально выписан Сталиным из Тбилиси — и горестно качая головой, отказался.

— Я вегетарианец, камрад Иосиф, уже много лет не ем мясного...

Сталин, конечно же, знал об этом, но, сделав вид, что впервые слышит, сыграл разочарование и даже легкую обиду. Впрочем, повар был заранее предупрежден: через пять минут Гитлеру подали фаршированные зеленью перцы с гранатовым соусом. Блондинка, не проронившая за все время ни слова, с удовольствием рвала крепкими белыми зубами шашлык. Смотреть, как она расправляется с едой, было приятно.

— Я хочу сообщить вам кое-что очень важное, камрад, — сказал Гитлер, аккуратно вытирая тонкие губы льняной салфеткой. — Кое-что, что продемонстрирует вам всю степень моего доверия...

Сталин мгновенно посерьезнел, отложил вилку. Он готовился к этому разговору несколько недель, продумывал каждую

свою фразу, но теперь неожиданно обнаружил, что волнуется, словно когда-то в юности на экзамене в семинарии.

— Весной следующего года я намерен объявить войну Франции, — произнес фюрер веско. — Это будет не только реванш за несправедливый мир, навязанный нам плутократами Запада — это будет естественный прорыв молодой германской расы в новое жизненное пространство. Lebensraum, вы понимаете?

— А что вы собираетесь делать с Англией?

Очкарик перевел. Гитлер улыбнулся доброй, располагающей улыбкой.

— Если Англия не попросит мира, то вслед за Францией придет и ее черед.

— Рискованно вести войну с двумя крупнейшими военными державами Европы одновременно, — покачал головой Сталин.

— Англии нет смысла воевать в Европе! — возразил фюрер убежденно. — У них 16 миллиардов долга еще с прошлой войны! Готовы ли они тратить деньги, чтобы защитить своих европейских союзников? Нет! Буржуа способен на подвиг, как только протянешь руку к его кошельку! У Англии останутся две возможности: уйти из Европы и удерживать Восток, то есть Индию, или наоборот: и то, и другое удержать невозможно! Правительство Чемберлена неминуемо уйдет в отставку. А те, кто придет ему на смену... что ж, в Англии есть люди, которые захотят использовать ситуацию для того, чтобы избавиться от своей зависимости от Соединенных Штатов. Как только это случится, Англия станет нашим другом — когда я говорю «нашим», я имею в виду не только Германию, но и Советский Союз, камрад.

— Моя страна была и остается надежным союзником Германии, — медленно проговорил Сталин. — Мы готовы помогать вам и средствами дипломатии, и экономически. Но давайте говорить откровенно, геноссе Адольф: немецкая армия нача-

ла боевые действия не во Франции или Бельгии, а у западных рубежей Советского Союза. Это порождает определенное беспокойство у наших военачальников. К тому же существуют области, где наши стратегические интересы пересекаются. Например, Балканы...

— Вы хотите гарантий? — Гитлер поднял бокал с вином, отсалютовал им Сталину, но пить не стал, поставив рядом со своей тарелкой. — Разумно, я бы на вашем месте тоже бы их потребовал. Что же, камрад, мы с вами — два величайших правителя двадцатого века, и друг с другом должны играть честно. Я дам вам такие гарантии...

Он отложил салфетку и сунул руку за отворот кителя. Сталину показалось, будто Гитлер сжал в пальцах какой-то предмет, и на мгновение его охватил панический страх — а вдруг там пистолет? Но приступ страха тут же прошел, потому что фюрер извлек на свет божий изящный батистовый платок и слегка промокнул им лоб. Потом убрал платок обратно, но руку не вынул, продолжая держать за отворотом.

— Германия никогда не нападет на Советский Союз. Ни при каких обстоятельствах. Германия всегда будет искренним, преданным другом Советского Союза. Вы должны мне верить, камрад Иосиф. Я, фюрер германской нации, торжественно обещаю вам — Германия никогда не объявит войну Советскому Союзу. Ни-ког-да. Верьте мне, камрад!

Глаза Гитлера с неестественно расширенными зрачками горели темным пламенем. Глядя в эти сумасшедшие глаза, Сталин вдруг почувствовал приступ дурноты. Ледяная волна прошла вниз по позвоночнику, перехватило дыхание. Бешено заколотилось сердце, пальцы закололо так, словно он сунул руку под иглу швейной машинки. Его шатнуло в сторону, багряное вино выплеснулось из бокала на белоснежную скатерть. Подскочивший адъютант немедленно промокнул пятно салфеткой.

— Все в порядке, товарищ Сталин?

Приступ закончился так же неожиданно, как и начался. Сталин зло посмотрел на адъютанта, застывшего с грязной салфеткой в руке.

— В порядке! Вы свободны, товарищ.

Адъютант испарился. Сталин заставил себя улыбнуться, отпил из бокала.

— Что же, я очень рад, геноссе. В таком случае дружба наших народов будет развиваться и крепнуть день ото дня...

За десертом обсуждали детали: поставки нефти, леса и зерна из СССР в обмен на немецкое оборудование для новых советских заводов. Договорились и о поставках новых военных судов для советского флота — фюрер, судя по всему, к ВМФ относился снисходительно, во главу угла ставил танки и авиацию, так что крейсерами был готов поделиться.

Когда доели мороженое — Гитлеру оно очень понравилось, в нарушение дипломатического протокола попросил вторую порцию — блондинка вдруг наклонилась к фюреру и что-то быстро проговорила. Очкарик эту фразу не перевел, и Сталин недовольно нахмурился — он не любил, когда в его присутствии шептались.

— Вы должны простить мою очаровательную помощницу, фрау фон Белов, — улыбнулся Гитлер, — она напомнила мне о своей просьбе, о которой я, разумеется, позабыл в ходе наших важных переговоров. Фрау фон Белов сотрудничает с одним институтом в Берлине, ее сфера интересов — история. Она просит разрешения провести научную экспедицию в районе вашего озера Рица, это, кажется, на Кавказе.

Сталин постарался не продемонстрировать своего удивления.

— С такими просьбами надо обращаться в нашу Академию Наук, — сказал он, раскуривая трубку. Гитлер едва заметно

поморщился, но Сталин сделал вид, что ничего не заметил. — Но ваша помощница так юна и прелестна, что ей совершенно невозможно отказать. Я обещаю, что заявка ее института будет рассмотрена в кратчайшие сроки и одобрена президиумом Академии.

— Danke schoen, герр Сталин, — произнесла блондинка, пристально глядя ему в глаза. — Это чрезвычайно любезно с вашей стороны...

— А чем вас заинтересовало озеро Рица? Кроме того, что это самое красивое место в Грузии?

— Наш институт ищет прародину Ариев. Многие легенды связывают ее с Кавказом. Мы считаем, что миф о Прометее — это символическое отражение истории древних арийцев, их войн с более многочисленными низшими расами...

— Стоп-стоп-стоп! — фюрер поднял ладони вверх. — Мария, я приказываю вам замолчать из соображений гуманизма! Пожалейте нашего любезного хозяина! Давайте поговорим о чем-нибудь легком, например, об искусстве, об архитектуре! Камрад Иосиф, я восхищен гением зодчих Советского Союза. Мне показывали проект Дворца Советов — это грандиозно! Когда-нибудь я перестрою Берлин в подобном духе. Мы должны вернуть Европе титанический дух архитектуры Древней Греции и Рима. Наши страны обречены на исторический союз, в нас живет божественный дух древних героев...

Вернувшись в Москву из Львова, Сталин приказал — разумеется, негласно — ввести жесткую цензуру на все упоминания о «немецкой угрозе». Особи́стам в войсках предписывалось строго пресекать разговоры о возможной войне с Германией, об антинемецких настроениях среди личного состава — немедленно докладывать руководству; некоторых злостных германофобов из числа командиров РККА арестовали и судили как английских шпионов. В разговорах со своими — в том числе и с Берией — Сталин мог ругаться на немецкую воен-

щину, в том числе, на генералов-пруссаков — но о Гитлере ничего дурного не говорил и не хотел слышать.

Генштаб, конечно же, продолжал рассматривать сценарии войны с «вероятным противником» — слово «Германия» больше не употреблялось — и командование РККА наращивало группировки войск у западных границ СССР. К лету 1941 г. силы Красной Армии, сосредоточенные в Белоруссии, Прибалтике и на Украине, превосходили вермахт по количеству танков и самолетов, а Балтийский и Черноморский флоты были сильнее немецких ВМС. Все это превосходство было потеряно за несколько утренних часов 22 июня: люфтваффе уничтожило тысячи стоявших на аэродромах самолетов, танковые армации Гудериана взламывали оборону РККА на протяжении трех тысяч километров и рвались вглубь советской территории. Директива, которую Жуков и Тимошенко, наконец, *вымолили* у Сталина, предписывала обеспечить защиту границ Советского Союза, но военные действия на территорию Рейха не переносить — Хозяин все еще надеялся, что Гитлер сдержит свое слово...

3

Лаврентий Павлович Берия не даром ел свой хлеб.

Его умение угадать невысказанное желание Хозяина было сродни телепатии: так читал мысли знаменитый Вольф Мессинг, попросивший убежища в СССР незадолго перед войной. В НКВД Мессингом занимались тщательно: его обследовали и гражданские профессора-психиатры, и немногие выжившие после чисток тридцатых годов специалисты из отдела Бокия. Заключение у всех было одно: гражданин Мессинг действительно умеет читать мысли, ни о каком мошенничестве или фокусах речи идти не может; обладает мощным даром внушения, иначе «суггестии»; иногда способен предсказывать будущее. Берия будущее предсказывать не умел, суггестией не

владел — но искусство предугадывать желания Сталина изучил в совершенстве. Когда Хозяин завел разговор о Гронском и окружавших Гитлера астрологах, он сразу понял, к чему тот клонит; быстро просчитал в уме последовательность шагов, которые следовало предпринять, и споткнулся лишь на одном — о встрече во Львове Сталин никогда больше не говорил, будто ее и не было, а следовательно, копать в данном направлении нельзя. Выходил из кабинета Верховного подавленный, даже злой, но уже на пороге Сталин его окликнул.

— Вот еще что, Лаврентий...

— Слушаю, товарищ Сталин!

— Перед войной, где-то в сороковом... немцы работали у нас на Кавказе, около Рицы. Что-то искали.

— Так точно, товарищ Сталин! Экспедицией руководил профессор Гюнцлер из Берлинского музея, к ней также была прикомандирована группа военных строителей из ведомства Тодта, по согласованию с нашим наркоматом горной промышленности прокладывавшая дорогу вдоль северного берега озера.

— Вот видишь, Лаврентий, — довольно усмехнулся Сталин, — какая у тебя память отличная... Выдающаяся, можно сказать, память! Так вот, эту экспедицию курировала личная помощница Адольфа, некая фон Белов. Я ее видел — красивая стервь, эсэсовка. Ты проверь, чем именно она Адольфу помогает, кто вообще такая... Все понял?

— Все понял, товарищ Сталин! — ответил Берия, едва сдерживая охватившее его волнение. Он все просчитал правильно! Слова «я ее видел» могли означать только одно — Хозяин давал ему санкцию на *разработку* встречи во Львове. Встречи, с которой, как они оба чувствовали, началось зловещее наваждение, едва не обернувшееся гибелью страны.

Наконец-то!

Берия понимал: Хозяин не может признаться ему в том, что во время встречи с Гитлером стал объектом психологической

манипуляции, это равносильно политическому самоубийству. И никакая экспедиция профессора Гюнцлера, конечно же, его не интересует — он просто хочет прощупать эту самую фон Белов, не гипнотизерша ли она, этакий Мессинг в юбке. А что, если вдруг выяснится — да, гипнотизерша? Что делать? Доложить Хозяину, что его, как простофилю в цирке, заставили поверить, будто он сидит на стуле, в то время как стул из-под него давно вынули? А не лишишься ли ты за такое головы, Лаврентий, спросил себя Берия, и сам себе ответил: нет, не лишишься, если сумеешь правильно подать информацию. Это ведь тоже своего рода искусство — не обязательно со всех ног бежать к правителю, рассказывая ему обо всем, что удалось узнать, нет, гораздо мудрее сделать так, чтобы несколько человек добыли каждый свой кусочек правды — среди них, возможно, окажется и горький кусочек, но ты за это будешь уже не в ответе...

Поэтому, выйдя от Сталина, Берия вызвал к себе своего заместителя Меркулова и поручил ему разработку двух фигурантов — личного переводчика Гитлера Пауля Шмидта и помощницы фюрера фон Белов; интересовало все — связи, степень доверия фюрера, образование, пристрастия и увлечения, компрометирующие материалы, слухи и сплетни. Второму своему заместителю, Абакумову, курировавшему контрразведку, приказал поднять материалы по кавказской экспедиции Гюнцлера и особенно по инженерным работам в районе Рицы — вдруг обнаружится что-либо интересное. Сам же занялся свидетелями львовской встречи из числа *наших* — охраной Хозяина, его адъютантами, проводниками спецпоезда и даже поваром. Проще всего было с охраной — офицеры НКВД в звании не ниже майора, приказ на каждого в свое время подписывал он сам, Берия. Проблема заключалась в том, что никто из них ничего не видел и не слышал — Хозяин приказал им не появляться в салоне во время переговоров, и все три часа, пока продолжалась встреча, волкодавы сидели в

служебном купе, контролируя только коридор между салоном и кухней. Об этом говорилось в рапорте, который подал шефу госбезопасности старший офицер охраны сразу по возвращении спецпоезда в Москву. Но тогда Берия не интересовался деталями.

Теперь он ругал себя за это — все-таки прошло почти три года, многие важные моменты наверняка были упущены. С охранниками, несмотря на хроническую нехватку времени, беседовал сам, по-доброму, как умел это делать в случае необходимости: парни напрягались, старались вспомнить каждую мелочь. Постепенно вырисовывалась подробная картина: кто, как и сколько раз ходил по коридору мимо купе охраны. Официанты — семь раз, старший смены проводников — дважды, адъютант Сталина — три раза, один раз вернулся из салона с салфеткой, на которой расплывалось красное пятно, охранники встрепонулись — не кровь ли, но адъютант только махнул рукой — вино. Лицо у него при этом было, как выразился один из охранников, «перекошенное».

Вот оно, понял Берия, и приказал своему доверенному порученцу Саркисову доставить адъютанта к нему — не на Лубянку, а на конспиративную квартиру у Курского вокзала.

Адъютанта, тридцатилетнего красавца Алексея Шляхова, взяли в Серебряном Бору, где он купался с друзьями после тренировки; налеты этим летом были редки, и москвичи потихоньку возвращались в излюбленные места отдыха. Когда Шляхов вышел из воды, к нему подошли двое крепких молодых людей в просторных серых брюках и белых рубашках с коротким рукавом. Один из них быстро провел перед носом адъютанта красным удостоверением, второй крепко взял Шляхова под локоть.

— Эй, в чем дело, Лешка? — закричал один из друзей Шляхова, отрываясь от игры в волейбол.

— Недоразумение какое-то, — досадливо отмахнулся Шляхов и обернулся к молодым людям. — Вы что себе позволяете?

Вы знаете, кто я такой? Я — адъютант самого товарища Сталина!

— В машину, — безразлично сказал тот, что показывал удостоверение. — И не кричи, а то больно сделаем...

Адъютанта в одних трусах запихнули в ЗИС с затемненными стеклами и отвезли на Земляной Вал. Там, в большой квартире, окна которой были плотно занавешены шторами, к нему вышел человек в известном всей стране пенсне на мясистом носу.

— Здравствуй, Леша, — приветливо сказал он. — Узнаешь меня?

— Так точно, товарищ народный комиссар внутренних дел, — четко ответил адъютант. Он уже обсох, но без одежды чувствовал себя полным идиотом.

— Ну и прекрасно, — усмехнулся Берия. — Я здесь для того, чтобы ты понял — дело, о котором мы будем говорить, имеет чрезвычайную государственную важность. Таковую, что даже адъютанта самого товарища Сталина можно вытащить из реки и привезти на допрос.

— Я на допросе, товарищ народный комиссар внутренних дел?

Берия ласково посмотрел на Шляхова.

— Нет, ты в постельке у своей подружки Танечки Лисичкиной. Неужели не видишь?

И вдруг заорал, брызгая слюной:

— Конечно, ты на допросе, капитан! И отвечать ты должен подробно и абсолютно искренне, иначе из этой комнаты живым ты не выйдешь!

— Я вас не понимаю, товарищ Берия, — Шляхов пытался отвечать твердо, но зубы его выбивали крупную дробь. — В чем меня обвиняют?

Берия неожиданно расхохотался.

— Обвиняют? Да ни в чем пока, сынок. Мне нужно только, чтобы ты вспомнил — посекундно — все, что происходило в

салон-вагоне Иосифа Виссарионовича 17 октября 1939 года во Львове между девятью и двенадцатью часами утра.

— Это государственная тайна, — мужественно выпятив челюсть, сказал Шляхов. — Я не имею права рассказывать об этом даже вам, товарищ народный комиссар внутренних дел.

Шеф госбезопасности снял пенсне, протер стекла бархатной тряпочкой.

— Послушай, сынок, у меня очень мало времени. Ты все равно расскажешь мне об этих трех часах, поверь. Но для тебя же лучше будет, если ты расскажешь это сейчас, здесь, добровольно, а не в подвале, измазанный кровью и дерьмом. Я не злой человек, сынок, и мне не хочется умножать боль этого мира. Товарищ Сталин сам дал мне санкцию на твой допрос — хочешь, я сейчас наберу его номер, и он сам попросит тебя рассказать мне все? Вот только хорошо ли отрывать от дел такого занятого человека, а, сынок?

Шляхов опустил глаза.

— Ладно, — произнес он сдавленным голосом, и вдруг заплакал. — Я все расскажу... если товарищ Сталин... сам... я, конечно, все расскажу...

— Ну, вот и отлично, — повеселел Берия. Протянул адъютанту бархатную тряпочку, которой протирали пенсне. — На, утрись, сынок. Сейчас тебе дадут халат, принесут чай и ты вспомнишь все, что видел и слышал в том вагоне...

Из показаний капитана Алексея Шляхова:

«...А потом Гитлер сунул руку за отворот кителя — вот так — и словно бы сжал там что-то. А эта блондинка наклонилась к нему и начала говорить ему что-то — по-русски. А Гитлер повторял, очень четко, правда, с сильным немецким акцентом. И все время смотрел прямо на Иосифа Виссарионовича, и повторял по-русски: вы должны мне верить, товарищ Сталин, вы должны мне верить... Я стоял за дверью, и все это видел. А потом товарищ Сталин пошатнулся, и пролил вино на скатерть. Я подумал, что ему, наверное, плохо, подбежал, чтобы промокнуть пятно, спрашиваю — вы в порядке, товарищ Сталин?

А он так на меня посмотрел... как будто первый раз в жизни видел... и говорит — да, вы свободны, товарищ... Мне за него очень страшно стало, но нужно было отнести грязную салфетку на кухню, и что дальше было, я не видел. А эсэсовка эта по-русски говорит, как мы с вами, она Гитлеру нашептывала, как суфлер актеру в театре, а он только повторял, и было видно, что он даже не очень понимает, что говорит. Но вот что я точно запомнил — что все это время Гитлер держал правую руку за отворотом кителя...»

Да, это след, сказал себе Берия. Ниточка, которая торчит наружу из очень запутанного клубочка. Конечно, потянуть за нее нужно было еще три года назад... но, как говорят русские, лучше поздно, чем никогда.

Адъютант Сталина капитан Алексей Шляхов в тот же вечер подал рапорт об отправке на фронт. Его просьба была немедленно удовлетворена.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Мушкетер

Париж, июнь 1942 года

Встречу с Пикаром Жером назначил в маленьком безымянном баре на углу улицы Дюпти-Туара и рю Перре. В баре подавали дрянное пиво, да и вино, честно говоря, было не лучше; если что и имело смысл в нем заказывать, то арманьяк, а его Жером не любил. Но недостатки бара с лихвой окупались его достоинствами, одно из которых заключалось в стеклянной стене — с высокого крутящегося табурета у стойки просматривалась вся рю Перре. Вот Жером и сидел на табурете, потягивая водянистое пиво и незаметно изучая улицу в ожидании агента.

Пикар должен был прийти в шесть; в половине шестого напротив дверей бара появилась маленькая цветочница с большой плетеной корзиной. Спустя десять минут в конце улицы остановился грузовик с брезентовым тентом. Из него выпрыгнули двое молодых парней в комбинезонах электромонтеров. Один полез на фонарный столб, другой остался стоять на асфальте, держа в руках толстый провод.

В самом баре свободных мест не было — всего пять столиков да четыре табурета у стойки занимали завсегдатаи из окрестных домов. Это, с точки зрения Жерома, было вторым достоинством заведения — посадить сюда *своих* гестапо не смогло бы при всем желании.

Пикар пришел вовремя — это было подозрительно, потому что обычно он безнадежно опаздывал. Широкоплечий, с перебитым носом, он всегда наряжался франтом — черные брюки, белоснежная сорочка, кремовый пиджак с гвоздикой в петли-

це. В заднем кармане у него наверняка лежит «бульдог», подумал Жером, вон как пиджак оттопыривается... А во внутреннем кармане пиджака — кастет.

— Салют, — сказал Пикар, подходя к стойке. — Ты что, уезжаешь?

У ног Жерома, между табуретом и барной стойкой, стоял желтый кожаный саквояж. Да и сам Жером производил впечатление человека, отправляющегося в дорогу: несмотря на жару, на нем был длинный плащ, а мягкая шляпа с широкими краями ждала своего часа на обитой цинком стойке, рядом с недопитым бокалом пива.

— Уезжаю. Что будешь пить?

— Виски, — бросил Пикар и скептически огляделся. — Только я не люблю пить стоя.

— Крошка, — Жером ущипнул за бок расплывшуюся на соседнем табурете толстуху, — пришел мой друг. Помнишь, мы договаривались?

Толстуха подняла осоловевшие глаза от своего стакана с вином — бог знает, какого по счету.

— Помню ли я? Красавчик, да я такое помню, что тебе и не снилось...

Уговор у них был простой — выпивка за счет Жерома, зато толстуха освобождает место по его первому требованию. За те полтора часа, которые Жером провел в баре, тетка выжала из их соглашения максимум возможного — он даже начал беспокоиться за ее здоровье.

— Удачи вам, голубки, — пропыхтела толстуха, стекая с табурета, как студень. Пикар дождался, пока она вывалится из бара, извлек из кармана батистовый носовой платочек и безгласно протер кожаную обивку.

— Как представлю, что у такой квашни наверняка есть муж, сразу же хочется уйти в монахи...

Для профессионального сутенера, не брезгующего заказными убийствами, заявление было довольно смелое, но Жером

уже привык к выходкам своего агента.

— Какие новости?

Пикар повел бровью в сторону бармена, cedившего виски из квадратной бутылки.

— Здесь будем говорить?

— Используй метафоры, — посоветовал Жером. — Он их точно не поймет.

— Я бы предпочел менее людное местечко, — проворчал Пикар. — Как насчет подвальчика на рю Рошмор?

— У меня мало времени. Итак, новости.

— Ну, что сказать, — Пикар поскреб переносицу желтым от никотина ногтем. — Старик последние дни пребывает в дурном расположении духа. Мыши слишком расплодись, а его коты плохо знают... гм... дом. Поэтому он решил набрать команду из местных... помойных.

Под «Стариком» следовало понимать Карла Оберга, обергруппенфюрера СС и личного представителя Гиммлера во Франции. «Мыши» — бойцы Сопротивления, а «коты» — гестаповцы, действовавшие независимо от французской полиции. «Дом» — Париж. А вот что это за «местные помойные»? Вряд ли французская полиция...

— Вот с этого места поподробнее, — Жером, сделав вид, что отхлебывает из своего бокала, бросил изучающий взгляд на улицу — там вроде бы ничего не изменилось. У маленькой цветочницы дела шли не очень-то бойко: в оккупированном Париже спрос на фиалки был невелик.

— Есть такой Лафон, — понизив голос, сообщил Пикар. — На самом деле никакой он не Лафон, а вовсе Шамберлен, из легавых, только ссученных. Сидел в лагере, еще перед войной. Боши помогли ему бежать, вот теперь он и выслуживается. У него есть la taule¹ на рю Лористон, 93... я сам там не был, но

¹ Игра слов: на французском аргю la taule — одновременно и «хата», и «тюрьма». Впрочем, в русском уголовном жаргоне ситуация такая же.

ребята, которые были, рассказывают всякие ужасы. Вроде как боши разрешили ему набирать из тюрем отморожков для охоты на... мышей. У него там целые пыточные комнаты оборудованы, а стены обиты специальными подушками, чтобы криков слышно не было.

— А какая ему с этого выгода?

— Не понимаешь? — Пикар прищурился. — У них же ксивы такие, что ни один... кот к ним не подъедет, сам Старик подписывал. А они под шумок потрошат дома разных богатеев, думаешь, кто-то будет вникать, *мышь* там живут или добропорядочные граждане?

Теперь в голосе его явно слышалась зависть — вон как люди устраиваются, не то, что мы. Жерому стало противно, будто он проглотил тухлую устрицу. «И с таким материалом приходится работать», — подумал он, разглядывая озабоченную морду Пикара. «Ну а чего ты ждал? Пришли одни бандиты, крутые, в черной форме с серебряными стрелами... и взяли к себе в подручные таких же бандитов, только калибром помельче».

Вслух он сказал:

— Имя Рюди де Мерод тебе что-нибудь говорит?

Пикар побледнел. Черные глаза его забегали быстро-быстро.

— Ну, может и говорит... тебе он на что?

— Надо подвести к нему кого-нибудь из твоих парней. Аккуратно. Так, чтобы мог в любой момент входить в дом и выходить из него.

Сутенер покачал головой. Показал бармену на опустевший бокал — повторить. Развернулся на своем табурете к Жерому, перегородив широкими плечами почти весь обзор.

— Не выйдет, приятель. Мерод мне не по зубам. Лафон по сравнению с ним — щенок.

— А ты постарайся, — сказал Жером, вытаскивая из кармана плаща толстый конверт. — Мне нужны две вещи: во-первых, свой человек в доме Мерода, во-вторых, контакт, через который он общается со Стариком.

— А содержимое ночного горшка Старика тебе, случаем, не пригодится? — хмыкнул Пикар, но конверт взял. Помял его в толстых пальцах, пожевал губами. — Ладно, попробую что-нибудь сделать... Это все?

— Нет.

К маленькой цветочнице подошел высокий господин, одетый совершенно по-летнему — свободные белые брюки, мягкие мокасины, рубашка-апах. Начал придирчиво выбирать букет, внимательно рассматривая каждый цветок. Жером скосил глаза — монтер, сидевший на столбе, уже спустился вниз, теперь они с товарищем стояли на тротуаре, изучая какой-то чертеж на большом куске миллиметровки.

Жером почувствовал легкий укол беспокойства — уже не первый за сегодняшний вечер. Первый был, когда Пикар явился вовремя. Второй — когда агент, словно бы случайно, повернулся так, чтобы закрыть от него окно. Третий укольчик каким-то образом был связан с высоким господином, выбирающим цветы. Что-то в нем было неправильное. Вот только что?

«Я его где-то видел?» — спросил себя Жером. Нет, непохоже. Господин стоял спиной, но у него была довольно характерная фигура — долговязая, с широкими плечами и длинными руками. Жером бы такую запомнил. Одежда висит на нем, как на пугале? Стоп, вот это уже ближе к истине. Ну-ка, ну-ка... а если взять этого господина, мысленно раздеть, а потом снова одеть... например, в военную форму... а на голову ему надеть фуражку... волосы у него, кстати, по-военному коротко стрижены... вот тогда он будет смотреться естественно. А так — пугало и пугало, ряженный. Есть люди, которые в штатском выглядят полными идиотами, любитель фиалок, похоже, как раз из них...

— Так что еще? — нетерпеливо спросил Пикар.

Жерому позарез требовалась информация о зондеркоманде «Паннвиц», которая — это он знал совершенно точно — была недавно прислана из Берлина специально для охоты на аген-

тов «Красной капеллы» во Франции. Пикар, с его выходами на бандитов, имевших, в свою очередь, выходы на Карла Оберга, мог разнюхать кое-какие важные подробности... вот только Жером уже начал сомневаться, что хочет узнавать их через сутенера.

— Поговорим на улице, — Жером бросил на цинковую поверхность стойки несколько купюр — достаточно, чтобы оплатить и бездонную толстуху, и два виски Пикара, и собственный бокал пива. — Пошли, быстро.

Он подхватил желтый саквояж, нахлобучил шляпу и подтолкнул растерявшегося агента к выходу. Пикар вдруг зацепился полкой пиджака за металлическую спицу, торчавшую из табурета, проворчал: «Мерде!» и жестом показал, что пропускает Жерома вперед.

— Выходишь первым, — ледяным голосом скомандовал Жером. — Идешь налево, не оборачиваешься. Встречаемся на набережной, напротив Музея Человека.

— Как знаешь, — буркнул агент. Он быстро двинулся к двери, на ходу задевая шаткие столики. Жером шел за ним, стараясь держаться так, чтобы массивная фигура сутенера закрывала его от наблюдателей с улицы.

В дверях Пикар на мгновение замешкался — слева от него, в той стороне, куда велел ему идти Жером, стояли двое электромонтеров, справа высилась глухая стена Церкви Всех Святых. В конце концов он решился и юркнул направо, и в эту секунду Жером окончательно уверился в том, что Пикар сдал его гестаповцам.

«Электромонтеры» выхватили из карманов своих комбинезонов черные «Вальтеры» и, крича: «Хальт!», бросились к дверям бара. Высокий господин, которому не шла штатская одежда, рывком вытащил из плетеной корзины маленькой цветочницы автомат с коротким дулом и направил его в грудь Жерома.

— Стойте на месте, месье, — на хорошем французском приказал он. — Вы арестованы.

Время для Жерома остановило свой ход — как бывало всегда, когда на него направляли оружие. Он начал поднимать руки — в правой по-прежнему был желтый саквояж — и, когда саквояж оказался на уровне груди, спиной прыгнул в не успевшую закрыться стеклянную дверь бара.

Грохнула автоматная очередь. Пули прошли первую стальную пластину, вшитую в кожаный бок саквояжа, потеряли свою инерцию в его содержимом и увязли во второй стальной пластине. Сила удара, однако, была такова, что Жерома спиной вперед швырнуло почти через весь бар. Он больно ударился головой о деревянную полку с пузатыми бутылками с разноцветными наклейками и под звон стекла нырнул в неприметную дверцу слева от барной стойки.

Это было третье, самое главное достоинство маленького безымянного бара на рю де Жарден — черный ход, выводящий в лабиринт узеньких улочек старинного квартала Сен-Мартен.

За спиной слышалась немецкая ругань и крики насмерть перепуганных пьянчужек. Завсегдатаи сейчас наверняка бестолково метались по тесному заведению, мешая преследователям. Жером мельком пожалел их — кому-нибудь обязательно достанется рукояткой «Вальтера» по голове. Гестапо — не парижская полиция, церемониться не привыкло.

Он пронесся по темному коридору, выбил плечом деревянную дверь (на то, чтобы откинуть щеколду, ушло бы секунды две — такой роскоши он себе позволить не мог) и врезался в какого-то велосипедиста. Велосипедист, взвизгнув от неожиданности, грохнулся на тротуар. «Удачно», — успел подумать Жером, подхватывая падающий велосипед и прыгая в седло. Ему продолжало везти — улица шла под уклон. Неудобно только было вести велосипед, сжимая в одной руке саквояж. Велосипед, немилосердно дребезжа, вилял из стороны в стороны, распугивая немногочисленных прохожих. Выстрелы раздались, когда Жером уже заворачивал за угол.

Брызнула над ухом кирпичная крошка. Жером инстинктив-

но уклонился, велосипед повело влево, переднее колесо воткнулось в бордюрный камень. Будь транспортное средство покрепче, все ограничилось бы обычной «восьмеркой», но нечаянный трофей был таким дряхлым, что вполне мог помнить времена Наполеона III. Жером почувствовал, как его железный конь разваливается прямо под ним и нырнул головой вперед, выставив для страховки левую руку. Шляпа — хорошая велюровая шляпа фасона «борсалино» — слетела и осталась лежать в уличной пыли. Жером перекатился через голову, вскочил и, не теряя темпа, бросился бежать, петляя, как заяц. Он выигрывал у преследователей метров шестьдесят — вполне достаточно, если не принимать во внимание тот факт, что они были вооружены, а он — нет.

За те годы, что Жером жил в Париже — а он приехал сюда летом 1936 — он успел неплохо изучить город. Марэ был идеальным кварталом для ухода от погони — при условии, что есть четкое представление, куда именно следует бежать. Жером надеялся оторваться от гестаповцев на улице Шапон — он знал там чудесный старинный дом, из подвалов которого можно было спуститься в знаменитые парижские Катакомбы. Для этого нужно было преодолеть еще метров двести, но не по прямой, а по изломанным, как эсэсовские молнии, переулкам.

Тут-то судьба и показала Жерому длинный красный язык.

В переулке, куда он влетел на крейсерской скорости, стояла карета «Скорой помощи». Двое дюжих санитаров тащили носилки с накрытым простыней телом. А за ними, закрывая узкий проход между машиной и стеной дома, возвышались два здоровенных полицейских — старый и молодой. Это были французские полицейские, не гестаповцы, и ждали они явно не Жерома. Но вид выскочившего прямо на них растрепанного человека в плаще их заинтересовал. Старший полицейский, грузный, с большим пивным животом и вислыми усами, удивленно поднял густые брови.

— А ну-ка, парень...

Жером не стал дожидаться, пока полицейский договорит фразу до конца. Он метнулся в сторону, едва не сбив с ног санитаров, и ворвался в подъезд, из которого только что вынесли носилки.

— Мсье! — пискнула ошеломленная консьержка.

— Полиция! — крикнул на бегу Жером. — Закройте дверь, быстро!

Восемь лестничных пролетов — по двадцать ступенек каждый — он проскочил на одном дыхании. Взлетел по лестнице, ведущей на чердак, молясь, чтобы не оказалась закрыта на замок дверь на крышу. Молился не зря: замок кто-то вырвал из двери вместе со стальными ушками. Пинком распахнул дверь, выкатился наружу. Крыша была крутой, как и у большинства старинных парижских домов. Жером, балансируя на скользкой черепице, побежал по коньку крыши. Тяжелый саквояж больно бил его по бедру.

Когда крыша кончилась, он швырнул саквояж вперед и прыгнул.

Воздух ударил в лицо, как боксерская перчатка.

С ловкостью акробата Жером приземлился на крыше дома напротив, подхватил зацепившийся за металлическое ограждение саквояж и, пригибаясь, рванулся вперед. Париж вздымался вокруг серыми, розовыми и ржавыми волнами. Дом, на который он перепрыгнул, был крыт жостью; жость грохотала под ногами, но, по крайней мере, не была такой невыносимо скользкой. Жером добежал уже до обрывавшегося в пустоту края, когда сзади снова затрещали выстрелы.

Должно быть, преследователи начали стрелять, еще не выбравшись из слухового окна, и не могли как следует прицелиться: пули прошли значительно выше и левее его плеча. Жером ухватился за край крыши и бросил тренированное тело в зияющий провал. Мгновение раскачивался под козырьком, потом сгруппировался и приземлился на небольшом, увитом плющом балконе. Сквозь полуоткрытые стеклянные двери видна была

мансарда, завешанная разноцветным бельем. В пребывавшей в художественном беспорядке постели прижались друг к другу чрезвычайно напуганные вторжением Жерома лысоватый тип лет сорока и юная полненькая брюнетка.

— Прошу прощения, — сказал им Жером. — Вы пока продолжайте, а я скоро уйду.

Он вернулся на балкон и вскочил на жалобно скрипнувшее ограждение, держась рукой за стену. Жесть наверху грохотала под сапогами преследователей. Потом грохот затих, и прямо над головой Жерома показалось сосредоточенное розовое лицо одного из «электромонтеров», перегнувшегося посмотреть, куда исчезла жертва. Их глаза встретились. Прежде, чем гестаповец успел крикнуть, Жером схватил его за волосы и рывком сдернул с крыши.

— Жан-Поль! — пискнула полненькая брюнетка. — Там что-то упало! Мне страшно! Ты обещал меня защищать!

Поскольку лысоватый Жан-Поль явно находился в замешательстве, Жером очаровательно улыбнулся брюнетке.

— Мадемуазель, не покажете, где у вас дверь на лестницу?

Как ни странно, на этот раз лысый среагировал очень быстро — видимо, в мансарде жил именно он.

— Там, месье! — с готовностью показал он и тут же натянул одеяло чуть ли не до бровей. Жером метнулся к двери, путаясь в развешенном повсюду мокром белье. Краем глаза заметил прислоненную в углу железную кочергу, наклонился и схватил ее. Выскочил на подозрительно тихую лестницу: первым побуждением было скатиться вниз и уйти проходными дворами, но именно этого от него и ждали преследователи. Жером снял ботинки, аккуратно поставил их у стены и в одних носках начал подниматься к чердачной двери.

Там-то и выяснилась причина странной медлительности гестаповцев: эта дверь была заперта на огромный висячий замок. Мгновение Жером размышлял, как ему воспользоваться таким подарком судьбы, но только мгновение: в следующую

секунду тишину разорвали оглушительные выстрелы, и дверь слетела с петель. Второй «электромонтер» шагнул через порог, сжимая в правой руке пистолет, а левой прикрывая лицо от повисшей в воздухе древесной трухи.

Прижавшийся к стене Жером взмахнул кочергой, как клюшкой для гольфа. Грохот выстрела заглушил треск перебитого запястья — «Вальтер» с металлическим лязгом запрыгал вниз по ступенькам. Следующий удар пришелся «электромонтеру» по мясистому затылку. «Шайзе», — отчетливо выговорил гестаповец, падая на колени. Жером вцепился в воротник его комбинезона, рывком поставил на ноги и, заслоняясь, словно живым щитом, потащил вниз, туда, где лежал пистолет. Однако «электромонтер» оказался парнем крепким и попробовал вывернуться из захвата: пришлось сломать ему палец на левой руке. Таща за собой завывающего от боли немца, Жером подобрал «Вальтер» и принялся осторожно спускаться по лестнице: он не был уверен, что третий гестаповец не затаился где-нибудь в подъезде. Если их вообще было трое, педантично уточнил он.

— Проклятый ублюдок, — сквозь стоны проговорил «электромонтер», — тебе все равно не уйти... квартал оцеплен... тебя пристрелят, как бешеную собаку...

Жером посмотрел на него, как на заговоривший шкаф.

— Кто руководит операцией? — спросил он на чистом хойдче. — Быстро, назови имя, и останешься жить.

— Штурмбаннфюрер Бреннер, — без малейшей запинки ответил гестаповец. — Оставь мне жизнь, пожалуйста!

— Болван, — сказал ему Жером. — Я вхожу в группу Лафона и действую по личному заданию обергруппенфюрера Оберга, ясно?

Гестаповец заскулил.

— Не может быть! Осведомитель сказал, что ты британский агент... Обергруппенфюрер сам подписал приказ об операции...

— Везде бардак, — пожал плечами Жером. — При случае передай это милашке Бреннеру.

Он аккуратно ударил пленника рукояткой пистолета в основание черепа. Очень хотелось убить нацистскую сволочь, но соблазн бросить тень подозрения на Лафона и его бандитов оказался сильнее. Быстро стянул с потерявшего сознание немца голубой комбинезон и переоделся, запихнув плащ во вместительную сумку «электромонтера». Теперь, по крайней мере, в него не начнут стрелять сразу же, как только он выйдет из подъезда.

Стрелять не начали вообще. Куда подевался высокий автоматчик, которому не шла штатская одежда, оставалось только гадать. Возможно, он не любил бегать по крышам. Прохожих на улице видно не было: всех распугала стрельба. Полицейские, впрочем, тоже запаздывали. Никто не помешал Жерому заглянуть за угол дома, где в маленьком грязном проулке валялось изломанное, как у тряпичной куклы, тело первого гестаповца. Метрах в трех от труп лежал его желтый саквояж. Жером поднял его, отряхнул от пыли и быстрым шагом удалился в сторону улицы Шапон.

Тем же вечером, сидя в своей дешевой меблированной комнате на рю де Бюффон, Жером, активно пользуясь содержимым желтого саквояжа, составил объявление в газету. Выглядело оно так: *«Молодой журналист с хорошими манерами (старинная аристократическая семья из Лиможа) будет рад знакомству с образованной, начитанной и немеркантильной барышней, интересующейся историей древней Финикии, Рима и Карфагена. Владение машинописью приветствуется. Совместная работа с 10 до 18.00, вечерами — обсуждение дальнейших творческих планов под сенью уютных кафе и ресторанов Парижа. Возможны поездки на море (Нормандия). Связь по телефону номер 5-16-77. Раймон».*

В желтом саквояже находились самые обычные книги — «Восстание ангелов» Анатоля Франса, «Саламбо» Флобера, «Деньги» Золя и «Тартарен из Тараскона» Альфонса Доде. Правда, некоторые из них были пробиты пулями господина,

которому не шла штатская одежда, но в остальном они ничем не отличались от тех, что можно было купить в любой книжной лавке Парижа. Однако, зная определенную последовательность абзацев, слов и слогов, объявление, составленное Жеромом, можно было прочитать так:

«Мушкетер — Центру. Оберг недоволен низкой результативностью работы гестапо во Франции. Немцы активно привлекают к работе в Париже бывших уголовников, связи с которыми поддерживают через агентов полиции. Агент Пикар перевербован гестапо. Была предпринята попытка моего ареста, операцией руководил штурмбаннфюрер Бреннер. Меня считают британским агентом. В связи с этим прошу разрешить мне уехать из Парижа до конца июля в Нормандию. Связь по резервному каналу. Мушкетер».

На следующий день Жером отнес это объявление в редакцию газеты «Франс Суар» и заплатил в кассу шестнадцать франков. На протяжении следующих двух дней он почти не покидал своей комнаты, лежал на кровати и перечитывал «Опасные связи» Лакло.

На третий день, выйдя за хлебом в булочную напротив, Жером купил вечернюю газету. На последней странице, в разделе объявлений, он прочел следующее:

«Молодая женщина с прекрасными манерами, приехавшая с острова Маврикий, ищет работу гувернантки в семье со старинными аристократическими традициями. Писать на адрес Жюльетт Сорель, до востребования».

С помощью романа «Красное и черное» (издательство Лафон, 1927 г.) это невинное объявление читалось следующим образом: *«Центр — Мушкетеру. Отъезд из Парижа не разрешаю. Удвойте бдительность и ждите дальнейших распоряжений».*

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Взгляд Орла

Ставка Адольфа Гитлера Wehrwolf под Винницей.

Июнь 1942 года

Фюрер протянул орла Раттенхуберу.

— Возьмите, мой добрый Иоганн.

Полковник шагнул к столу, и в этот момент Эльза Герман произнесла напряженным голосом:

— Мой фюрер, это слишком опасно. Вы не должны...

— Я лучше вас знаю, милая Эльза, что и кому я должен. Иоганн, возьмите.

Орел упал в ладонь Раттенхубера.

— Что это за вещица? — спросил полковник. Он предпочел не реагировать на странную фразу «ледяной красавицы», ограничившись тем, что сделал пометку в своем воображаемом блокноте. Орел был тяжелым — металл, показавшийся Раттенхуберу в первый момент серебром, походил, скорее, на платину, но блестел гораздо ярче.

— Это не вещица, — недовольно поморщился Гитлер. — Это ключ к человеческим душам.

Начальник охраны удивленно поднял брови, ожидая объяснений.

— С помощью этого орла можно заставить человека сделать все, что вам в голову придет. Любого человека, понимаете, Иоганн?

Раттенхубер увидел, как блеснули в полумраке глаза Марии фон Белов.

— Нет, мой фюрер, не понимаю.

— Крепко сожмите орла в руке, — приказал Гитлер. — Те-

перь сосредоточьтесь и отдайте какое-нибудь распоряжение.

— Кому, мой фюрер?

— Например, мне!

— Я не имею права отдавать вам распоряжения, мой фюрер.

— Полковник совершенно прав, — заметила Мария фон Белов. — Пусть отдаст распоряжение кому-нибудь из нас, например, фройляйн Юнге.

— Тогда опыту не будет хватать чистоты, — возразил Гитлер. — Фройляйн Юнге слишком молода и неопытна, она и без орла может выполнить приказ полковника. А вы можете ему подыграть. Я хочу, чтобы Иоганн убедился в том, что игра ведется по-честному.

Он нетерпеливо похлопал ладонью по столешнице.

— Ну же, Иоганн, не будьте таким тугодумом! Я позволяю вам нарушить субординацию и отдать мне любое распоряжение — вы же и без того любите тиранить меня своими мелочными придирками!

Происходящее не слишком нравилось Раттенхуберу, но ему хотелось понять, что кроется за странным поведением секретарш фюрера. Он сжал орла в ладони и посмотрел прямо в глаза Гитлеру.

Глаза Гитлера были разного цвета.

За восемь лет, проведенных рядом с фюрером, Раттенхубер не раз замечал, что его глаза удивительным образом меняют цвет. Обычно они были ярко-голубыми, как воды весеннего озера. Но порой — особенно поздно вечером или ночью — один глаз становился изумрудно-зеленым. Сейчас он отливал темно-малахитовым.

— Мой фюрер, — сказал полковник и вдруг закашлялся, — мой фюрер, я бы хотел... чтобы вы не отменяли впредь моих распоряжений, касающихся организации вашей безопасности. Вы приказали майору Шмитту снять посты охраны вокруг вашей резиденции. Это безответственно, мой фюрер, и не должно больше повториться.

Краем глаза полковник заметил, как расслабились внимательно следившие за ним секретарши-валькирии. Неужели они ожидали, что я прикажу фюреру совершить что-нибудь плохое? Какими же ограниченными курицами нужно быть, чтобы предполагать подобное...

— Вы правы, полковник, — медленно проговорил Гитлер. — Я действительно пренебрегаю вопросами безопасности. Можете не сомневаться — я не стану больше подводить вас.

Раттенхубер опешил. Он не привык к тому, что фюрер соглашался с его замечаниями, и заподозрил подвох. Но сейчас Гитлер говорил вроде бы искренне.

«В любом случае, это очень скоро можно будет проверить», — подумал Иоганн. Мелкие стычки между ним и фюрером возникали постоянно, причем очень часто полковнику приходилось расплачиваться за чужие ошибки. «Ваше чрезмерное усердие только играет на руку террористам! — кричал Гитлер. — Как только объявляется, что я должен прибыть в какой-нибудь городок, туда тут же приходит одетый в парадный мундир шуцман, и с важным видом начинает «очищать улицы»! А что в результате? Собирается столько народу, что я лишь с огромным трудом могу проехать через толпу на машине, боясь, что кто-нибудь попадет под колеса! А кроме того, из-за этих толп я постоянно опаздываю на митинги, и в народе идут разговоры, что фюрер тоже несобран и расхлябан»!

Раттенхубер пытался объяснить шефу, что его команда не имеет отношения к действиям местной полиции, и что глупые шуцманы таким образом пытаются поднять свой престиж в глазах обывателей, но Гитлер не желал слушать. Больше всего фюрера раздражало то, что неусыпный контроль службы Раттенхубера не давал ему возможности вести частную жизнь. «Навестить даму в Мюнхене или вообще где-нибудь с частным визитом совершенно невозможно! — кипятился он. — Уже за час у двери дома торчит дюжина ваших полицейских, а затем постепенно собирается толпа! И все

это из-за вашего рвения, Иоганн!»

— Я очень рад, мой фюрер, — сказал он, недоверчиво глядя на Гитлера. Тот откинулся в кресле, прикрыв свои разноцветные глаза, и массировал пальцами витки. — Но что с вами? Вы плохо себя чувствуете?

— Голова немного кружится, — слабым голосом отозвался фюрер. — Это побочный эффект, о котором я уже успел забыть...

— Полковник, немедленно отдайте орла фюреру!

Раттенхубер медленно перевел взгляд на Марию фон Белов. Рука адъютанта Гитлера лежала на расстегнутой кобуре.

— Мария, — спокойно произнес Иоганн, — вы не имеете права командовать мной. Я начальник охраны фюрера, и подчиняюсь только ему.

Позже, восстанавливая в памяти делали этой странной ночи, Раттенхубер пришел к выводу, что произнес эти слова автоматически, желая поставить зарвавшуюся женщину на место. Он допускал, что Марию может возмутить его спокойный тон, и был готов продолжать спор. Но чего он совершенно не ожидал, так это того, что гордая Мария фон Белов покорно склонит голову и признает свою неправоту.

— Да, полковник, — пробормотала валькирия, — вы подчиняетесь только фюреру... Простите мою несдержанность, прошу вас.

— Платок, — резким голосом произнесла Эльза Герман.

Стоявшая ближе всех к Раттенхуберу фройляйн Юнге встала на цыпочки и приложила к его губам свой тоненький пальчик.

— Больше ни слова, полковник, — скомандовала «ледяная красавица». — Иначе нам придется применить силу.

Раттенхубер улыбнулся, но ничего не сказал. Чувствовать прохладный пальчик Трудль Юнге у своих губ было приятно.

— Девочки, — проговорил Гитлер, — прекратите этот балаган... Полковник предан мне до мозга костей, от него не сто-

ит ждать неожиданностей... Бедняжка Мария подставилась сама.

Юнге убрала руку. Раттенхубер протянул орла фюреру.

— Нет, нет, Иоганн, подождите... Юнге, вы все равно почти обнимаете доброго Иоганна, посмотрите, пожалуйста, какого цвета у него глаза!

На этот раз Раттенхубер подыграл секретарше, наклонившись к ее милому личику. Пушистые ресницы фройляйн Юнге испуганно затрепетали.

— Они... они разные, мой фюрер! Серый и зеленый!

«Не может быть, — подумал полковник. — У меня всегда были серо-стальные глаза, с чего бы это один вдруг позеленел?»

— Можно мне посмотреть в зеркало? — спросил он.

— Дайте ему зеркальце, — Гитлер почему-то выглядел очень довольным, — пусть мой недоверчивый Иоганн убедится во всем сам.

Грета Вольф протянула Раттенхуберу маленькое квадратное зеркало. Полковник повернул его к свету и долго рассматривал свое лицо.

Один глаз действительно был ярко-зеленым.

— Это какой-то фокус?

— Нет, полковник, только демонстрация возможностей Орла. Теперь можете отдать его мне.

Раттенхубер с облегчением положил металлическую фигурку на стол перед Гитлером. Рука фюрера дернулась, будто он хотел поскорее схватить Орла, но застыла в нескольких сантиметрах от фигурки.

— Орел — это магический предмет, дающий своему хозяину непреодолимую силу убеждения. Владея Орлом, вы легко могли бы уговорить меня, например, заключить мир со Сталиным. Или, того хуже, заставить есть мясную пищу!

Лицо Гитлера исказила брезгливая гримаса.

— Правда, тут многое зависит от того, как быстро Орел к

вам привыкнет. Он может вовсе не принять вас как хозяина, и в этом случае скоро вас покинет. Поэтому я без колебаний позволил вам воспользоваться его магической силой, зная, что Орел будет верен мне — господину, которого он избрал сам, человеку, которому суждено изменить ход истории!

— Однако фрау Белов меня, кажется, послушалась, — осторожно сказал Раттенхубер.

— Да, и глаза у вас стали разноцветными! — оживленно подхватил Гитлер. — Это говорит о том, что Орел благосклонно отнесся к вам, мой верный Иоганн. И это прекрасно, потому что вам предстоит важная и чрезвычайно ответственная миссия, которая была бы не по плечу человеку, отвергнутому Орлом.

— Позвольте задать вам один вопрос, мой фюрер, — полковник обвел взглядом настороженно наблюдавших за их беседой секретарш. — Кто еще знает о существовании этого предмета?

Гитлер задумался и начал загибать пальцы.

— Фрау Белов, фрау Вольф, фройляйн Герман и фройляйн Юнге... Доктор Зиверс. Генерал Хаусхоффер. Шесть человек, не считая меня, разумеется. Вы, Иоганн, седьмой.

— Мой фюрер, — подала голос притихшая Мария, — вы забыли упомянуть Эрвина Гегеля.

При упоминании главы Службы безопасности «Вервольфа» Раттенхубер почувствовал себя борзой, сделавшей охотничью стойку.

— Отнюдь, — мотнул головой Гитлер. — Гегель знает о предметах, но не посвящен в тайну Орла. И это совсем не случайно. Возможно, я буду излишне откровенен сейчас, но я не доверяю доктору Гегелю так, как моему доброму Иоганну.

В других обстоятельствах Раттенхубер, несомненно, обрадовался бы такому признанию, но в этот момент его волновали совсем другие вопросы.

— Вы сказали «о предметах», мой фюрер? — спросил он. — Су-

ществуют и другие предметы, обладающие магическими свойствами?

— Да, Иоганн, — фюрер поднялся с кресла и нервной, слегка подпрыгивающей походкой, прошелся по комнате. От его недавней расслабленности не осталось и следа. — Вы поняли совершенно правильно. Предметов на самом деле довольно много. Никто не знает в точности, сколько. Моя милая Мария уже несколько лет разыскивает их по всему свету, но даже ей неизвестно ни их общее число, ни их происхождение.

Фон Белов молча кивнула.

— Среди предметов, в существовании которых мы уверены, есть один, представляющий серьезную угрозу для моей безопасности, — продолжал, между тем, Гитлер. — Это змейка, сделанная из того же металла, что и Орел. Не спрашивайте меня, что это за металл — наши химики не в состоянии определить его состав. Змейка еще более удивительна, чем Орел. Она позволяет своему хозяину перемещаться в пространстве — практически по всей территории земного шара.

— Существуют некоторые ограничения, — негромко заметила Мария.

— Да, но они, в общем, несущественны. Важно то, что в настоящий момент змейка находится не у нас.

— У кого же? — спросил Раттенхубер. — Надеюсь, не у русских?

Гитлер невесело рассмеялся.

— К счастью, нет. Насколько мы знаем, змейка у японцев. Несколько дней назад гестапо пыталось задержать садовника японского посольства, который, по данным наших агентов, пользовался змейкой для перемещения между Берлином и Токио. К сожалению, все кончилось провалом. Японец скрылся, и теперь наверняка утроит бдительность.

— Если все это правда, — проговорил Раттенхубер, — то ваша безопасность, мой фюрер, находится под угрозой. Следует незамедлительно принять меры для ее укрепления...

— Вот, дамы, — Гитлер победоносно взглянул на своих секретарш, — именно поэтому я и настаивал на том, чтобы посвятить Иоганна в тайну! Он не стал задавать лишних вопросов, как делал этот ваш любимчик Гегель! Откуда, что и почему! Кто сделал эти предметы — атланты или гиперборейцы. Как будто сейчас это имеет значение! Иоганн сразу перешел к сути дела — безопасность! Вот что действительно важно!

Лицо фюрера покраснелось, он постоянно жестикулировал. В таком экзальтированном состоянии он обычно выступал на митингах, заряжая массы своей энергией.

— Потому-то, полковник, я и посвятил вас в величайшую тайну Рейха! Если бы я просто сказал вам: знаете, Иоганн, рядом со мной в любой момент может появиться убийца, который незамеченным пройдет через все ваши кольца охраны и всадит мне нож в спину, вы бы подумали, что я сошел с ума. Ведь ваша служба сопровождения так хорошо натренирована, так прекрасно вооружена, что никакие террористы не смогут просочиться сквозь ее заслоны! Но вы своими глазами видели, как действует Орел, и сами, своим умом, пришли к выводу, что другие предметы могут угрожать безопасности фюрера германской нации!

Раттенхубер невольно обвел глазами комнату. «Теперь мне будет казаться, что убийца прячется за шкафом или за шторами», — мысленно усмехнулся он.

— Если Орел так усиливает ваш дар убеждения, мой фюрер, почему вы просто не заставили меня поверить вам на слово?

По тому, как переглянулись между собой секретарши, полковник понял, что такой вариант наверняка обсуждался.

— Потому что я собираюсь поручить вам ответственное задание, Иоганн, — Гитлер подошел к висевшей на стене большой карте Евразии и ткнул в нее указкой. — Открою вам еще один секрет — наше наступление на Кавказ вызвано не только стремлением захватить бакинские нефтяные месторождения. Безусловно, каспийская нефть очень нужна нашей армии, но

мы могли бы еще год спокойно продержаться и на румынской. Хотя, разумеется, важно отрезать от бакинских вышек русских. Однако есть и еще один важный момент. В глубоких пещерах Кавказа спрятаны магические предметы, подобные Орлу или Змее! Русские, к счастью, об этом не знают. Иначе они уже давно использовали бы их в своей звериной борьбе за выживание.

«Где, интересно, Орел?» — неожиданно подумал Раттенхубер. В одной руке фюрера была зажата указка, второй он то и дело отбрасывал со лба волосы. Фигурку, вероятнее всего, он убрал в карман кителя.

— Мария фон Белов, которая, как вам, вероятно, известно, является не только моим адъютантом, но и заместителем доктора Зиверса в «Аненербе», потратила немало времени, разыскивая предметы на Кавказе. Ей удалось точно установить местонахождение тайника, но извлечь из него предметы она не успела. Между тем, среди них находился один, способный нейтрализовать действие Змеи.

— Мангуст? — наудачу спросил Раттенхубер.

Гитлер захлопал в ладоши.

— Bravo, Йоганн! Вы опять попали в точку! Да, это Мангуст. Тот, кто владеет им, может не опасаться хозяина Змеи — Мангуст не подпустит его близко.

— В чем же будет заключаться мое задание?

— Вы должны добыть мне Мангуста, — Гитлер повернулся к Раттенхуберу, его разноцветные глаза лихорадочно блестели. — Знаю, что вы мне возразите: мол, ваше место рядом со мной, поскольку вы отвечаете за мою безопасность. Это так, Йоганн, и я не намерен брать назад свои слова о том, что впредь не стану вас подводить. Но прошу вас подумать вот о чем: для моей безопасности нет сейчас ничего более важного, чем отыскать нейтрализующего Змею Мангуста. Вы можете оставить вместо себя кого-нибудь из своих заместителей, и я обещаю, что не стану относиться к его рекомендациям пренебрежительно. К

тому же это вряд ли займет много времени...

— Но я ничего не смыслю в археологии, — возразил полковник. — Толку от меня в подобном деле немного.

Фюрер подошел к Раттенхуберу вплотную. Гигант почувствовал себя неуютно — Гитлер был ниже его на две головы.

— Вы ошибаетесь, Иоганн! Я и не собираюсь делать из вас археолога. Этой стороной вопроса займется Мария фон Белов. Ваша задача — охранять ее так же, как вы охраняете меня, и даже лучше — все-таки вам предстоит работать в зоне боевых действий. Вторая ваша задача — что бы ни случилось, доставить предметы мне. Вы идеальный охранник, Иоганн, я не сомневаюсь в том, что вы сумеете сохранить то, что найдет в кавказских дебрях фрау Белов.

— Возможно, — Раттенхуберу было неловко возражать Гитлеру, когда он с такой надеждой смотрел на него снизу вверх, — но я решительно не понимаю, кого я могу оставить вместо себя во главе службы сопровождения.

— Оставьте хотя бы майора Шмитта, — досадливо отмахнулся фюрер. Полковник покачал головой.

— После того, как майор выполнил ваш сегодняшний приказ и оставил свой пост, я считал бы такой выбор крайне неразумным.

— В любом случае, у меня есть команда Штемпке! Я знаю, что вы недолюбливаете друг друга, но будем беспристрастны — Штемпке отличный профессионал в своем деле!

— Он не полицейский, — возразил Раттенхубер.

— И что с того? Все его люди прошли отличную подготовку, умеют стрелять из всех видов оружия и могут голыми руками убить медведя! Впрочем, если хотите, я распоряжусь, чтобы офицер, которого вы оставите вместо себя, действовал бы независимо от Штемпке.

Раттенхубер почувствовал легкое головокружение, которое, впрочем, тотчас прошло.

— Разумеется, я выполню ваш приказ, мой фюрер, — сказал

он, пристально глядя на руку Гитлера, засунутую за отворот кителя.

— Но я хочу, чтобы вы знали: мне он не по душе. Я давал присягу охранять вас, а не..., — тут он замялся и бросил короткий извиняющийся взгляд на Марию фон Белов, — а не какой-то магический предмет.

Гитлер ободряюще похлопал его по плечу.

— Эти предметы помогут Германии сокрушить русские орды, Иоганн. Орел уже помог мне объединить нацию, избавиться от маловеров и скептиков. Масса, Иоганн, женственна по своей природе. Ее нужно постоянно держать в узде, подобно тому, как хороший муж держит в строгости свою жену. И Орел помогает мне натягивать вожжи. Представьте, что будет, когда у нас в руках окажется два, три, пять таких предметов! Но главное сейчас — это Мангуст. Вы же сами понимаете, как он важен для моей безопасности!

— Да, — глуховато ответил Раттенхубер, — я полностью отдаю себе в этом отчет.

— Возможно, вы спрашиваете себя, не использовал ли я Орла, чтобы убедить вас в необходимости выполнения задания? — с лукавой усмешкой спросил Гитлер. — Так вот вам мой ответ: нет!

Фюрер протянул полковнику руку, которую держал за отворотом кителя. Ладонь Гитлера была пуста.

— Орел лежит в кармане брюк, Иоганн. Ваше решение было полностью самостоятельным.

— Я не сомневался в вашей порядочности, мой фюрер, — с облегчением сказал полковник.

— В таком случае, мы договорились, — Гитлер по-прежнему держал свою руку протянутой, и Раттенхубер пожал ее. Ладонь фюрера была влажной и вялой. — Начинайте готовиться к экспедиции. Вы с фрау Белов вылетите на Кавказ, как только танки фон Клейста прорвутся на Кубань и отсекут горную грядку от возможных прорывов Советов с севера.

— Слушаюсь, мой фюрер, — Раттенхубер вытянулся во фронт и отдал Гитлеру честь. — Позвольте задать вам один вопрос.

— Разумеется, Иоганн, — Гитлер был явно настроен благодушно. — Можете задать даже больше, теперь вы имеете право знать все.

— Разный цвет глаз... вы сказали, что это побочный эффект действия предмета. Однако ваши глаза обычно ярко-голубого цвета. Почему?

— Сначала глаза становятся разноцветными только когда ты притрагиваешься к предмету. Но чем дольше им владеешь, тем реже они приобретают свой первоначальный цвет. Я называю это «взглядом Орла». Чтобы не смущать массы, а также тех, кто привык к моим голубым глазам, я приказал доктору Мореллю разработать специальные глазные капли на основе кокаина. Мой камердинер каждое утро закапывает мне их, и, таким образом, «взгляд Орла» никого не смущает. Что же касается вас, дорогой Иоганн, вы держали Орла в руках так недолго, что ваши глаза уже вернули себе стальной цвет. Вы удовлетворены?

— Благодарю вас, — кивнул Раттенхубер. — Вполне.

— В таком случае, Иоганн, возвращайтесь к себе и отдохните. На вас просто лица нет от усталости!

«А теперь забот у меня прибавится», — мрачно подумал полковник. Вслух он сказал:

— Сначала, мой фюрер, я распоряжусь выставить посты около вашей резиденции.

Когда дверь за Раттенхубером закрылась, Гитлер упал в кресло и закинул руки за голову с видом человека, закончившего тяжелую и нудную работу.

— Итак, дамы, нашего медведя удалось уговорить. Теперь я спокоен за вас, Мария — Иоганн оторвет голову любому, кто вознамерится причинить вам вред.

— Прекрасно, — со вздохом ответила фон Белов. — Однако остается еще одна нерешенная проблема, и она волнует меня ничуть не меньше.

— Этот ваш русский ученый? — брюзгливо спросил фюрер. — Почему вы так уверены, что он знает что-то о предметах?

— Я разговаривала с человеком, который своими глазами видел у него предмет.

— Если не ошибаюсь, вы имеете в виду...

— Да, мой фюрер, — быстро сказала Мария. — Хаусхоффер полностью доверяет этому человеку, и я не вижу оснований сомневаться в его словах. Русский ученый действительно нашел предмет, и, более того, он нашел его в одной из Черных башен. Нам необходимо во что бы то ни стало добраться до него.

Гитлер похлопал рукой по карману, где покоился Орел.

— Хорошо, хорошо. Мы до него непременно доберемся. Вы, Мария, сосредоточьтесь на поисках Мангуста, а русского ученого оставьте Эрвину Гегелю.

Оперативные документы

Срочно! Секретно!

Начальнику Управления «Абвер-Заграница»
Адмиралу Вильгельму Канарису

Содержание: о встрече и.о. начальника Шестого Управления РСХА Вальтера Шелленберга с оберштурмбаннфюрером СС Эрвином Гегелем.

16 июня Вальтер Шелленберг встретился с прибывшим из ставки фюрера «Вервольф» на Украине оберштурмбаннфюрером СС доктором Эрвином Гегелем. Встреча прошла в парке Тиргартен, куда Гегеля привез встречавший его на аэродроме ординарец Шелленберга майор Шафт.

Полагая, что такое место встречи было выбрано Шелленбергом специально для того, чтобы не допустить прослушивания, и выполняя Ваше распоряжение от 10

марта (номер документа 3547/03), я принял решение послать в район парка специальную техническую команду, оснащенную высокочувствительной звукозаписывающей аппаратурой.

Команда прибыла на место спустя пятнадцать минут после начала беседы. Запись велась с расстояния 300 метров, кроме того, на качество записи негативно повлиял сильный северо-западный ветер. Тем не менее, расшифрованные отрывки разговора между Шелленбергом и доктором Гегелем представляют значительный интерес для Управления «Абвер-Заграница».

Расшифровка беседы Шелленберга (в тексте документа — Ш.) и оберштурмбаннфюрера СС доктора Гегеля (в тексте документа — Г.) прилагается.

Начальник Отдела Абвер-3 (контрразведка)

Генерал-лейтенант Франц Бентивеньи

16.06.42, 12.17

Г. — ... вопрос, имеющий первостепенное значение для судьбы Рейха.

Ш. — Почему вы обратились именно ко мне? Диверсионная работа в тылу противника — компетенция штаба «Валли»¹.

Г. — Фюрер не хочет подключать к этому делу военную разведку. Крайне важно, чтобы об операции не узнали люди из ОКВ. В случае, если этим займутся люди Канариса, утечек информации не избежать.

Ш. — *(смеется, неразборчиво произносит что-то вроде «хитрецы»)*.

Г. — Кроме того, у вас есть Скорцени.

Ш. — Вы полагаете, ему нечем заняться, оберштурмбаннфюрер?

Г. — Я далек от мысли посылать в Ленинград самого Скорцени. Все, что мне от него нужно — это команда высококлассных диверсантов, которые смогут проникнуть в Ленинград и вывезти оттуда этого типа.

Ш. — Ленинград задыхается в стальном ошейнике блокады. Там люди едят людей. Туда невозможно проникнуть. И уж тем более невероятно выбраться оттуда живым.

Г. — Следовательно, нужно совершить невозможное. Это приказ самого фюрера.

¹ Штаб «Валли» — специальный орган Управления «Абвер-Заграница», действовавший на Восточном фронте. Штаб «Валли» подчинялся соответствующим отделам Управления «Абвер-Заграница» и отделу по изучению иностранных армий ОКВ Восточного фронта. Начальником штаба «Валли» являлся подполковник Гейнц Шмальшлегер (он же «Инженер Доцлер»), возглавлявший также контрразведывательный отдел «Валли-З».

Ш. — Хотелось бы знать, чем так ценен этот *(15 секунд записи — неразборчиво)*... рисковать жизнью лучших солдат Рейха...

Г. — К сожалению, я не посвящен в детали, штандартенфюрер — все, что мне известно — это то, что он обладает информацией, в которой нуждается мой шеф.

Ш. — *(смеясь)* Вы обладаете удивительным талантом отвечать на вопросы, ничего не сообщая по существу.

Г. — Хорошо, Вальтер, будем считать, что вы толкнули меня на должностное преступление. *(25 секунд записи — неразборчиво)*. ...что «Аненербе» уже несколько лет работает по плану «Кольцо Нибелунгов». Эти работы курирует заместитель доктора Зиверса Мария фон Белов.

Ш. — А! Мария! Черт возьми, Гегель, французы правы — во всех запутанных ситуациях всегда надо искать женщину!

Г. — Мария убедила фюрера в том, что результаты ее поисков могут коренным образом повлиять на исход войны. Однако то, что ищет «Аненербе», находится на территории России.

Ш. — В Ленинграде?

Г. — Не только. Но в Ленинграде находится человек, который очень хорошо осведомлен о *(10 секунд записи — неразборчиво)* и их местонахождении. Это и есть тот самый тип, которого предстоит вывезти вашим людям.

Ш. — То есть людям Скорцени.

Г. — Вы совершенно правы.

(Минуто 20 секунд на пленке слышны только порывы ветра и шелест листвы).

Ш. — Ладно, Гегель. Откровенность за откровенность. У меня есть свой человек в Ленинграде.

Г. — Действительно?

Ш. — Нет, я, разумеется, шучу! Это «спящий» агент, он был внедрен еще в тридцать шестом. Теоретически он легко мог бы отыскать вашего историка, но проблема заключается в том, что *(15 секунд записи — неразборчиво)* ... нет связи. Поэтому людям Скорцени придется устанавливать с ним контакт прямо на месте, а это, разумеется, осложнит проведение операции и значительно увеличит ее сроки.

Г. — И тем не менее, это прекрасные новости!

Ш. — Не знаю, не знаю. Мне чертовски жаль рисковать таким ценным агентом, не говоря уже о команде Скорцени, ради каких-то сомнительных гешефтов чокнутых ученых из «Аненербе». Впрочем, если в этом заинтересован сам фюрер...

Г. — Чрезвычайно заинтересован.

Ш. — Ну, хорошо. Я свяжусь со Скорцени и попробую вытащить его в Берлин, скажем, к завтрашнему вечеру...

Г. — А где он сейчас?

Ш. — В Альпах, тренирует своих *(20 секунд записи — неразборчиво)*. Как у вас со временем, Гегель?

Г. — Как обычно, штандартенфюрер. То есть его фактически нет. Однако ради дела я могу задержаться в Берлине еще на сутки.

Ш. — Отлично. Завтра вечером поужинаем вместе в кабачке «У Михеля». Вы знакомы со Скорцени?

Г. — Нет, не имел чести быть представленным.

Ш. — Потрясающий человек! *(25 секунд — неразборчиво)* Ну, впрочем, увидите сами. Кстати, Гегель, вы уже думали над тем, какое название дать этой операции?

Г. — Нет, Вальтер. Я полагал, что это можно сделать после того, как будут согласованы все детали.

Ш. — Ошибаетесь, старина. Правильное название — половина дела. Я предлагаю назвать операцию «Кугель»².

Г. — «Кугель»? Что ж, я не против.

Ш. — В таком случае, мы договорились *(10 секунд — неразборчиво)*... отвезет вас в отель.

Г. — Благодарю вас, штандартенфюрер.

(Слышно, как хлопает дверца автомобиля. Заводится мотор).

Ш. — Завтра я позвоню вам после полудня.

Г. — Хайль Гитлер!

(Слышен звук отъезжающего автомобиля).

Ш. *(задумчиво, видимо, сам себе)* — Хотел бы я знать, что за игру затеял шеф...

(Конец записи).

² Kugel — пуля (нем).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Семь башен, семь огней

Париж, июнь 1942 года

1

— Что вы перед собой видите? — требовательно спросил старик в черном котелке, пристально глядя на Жерома. — Отвечайте, не раздумывая!

— Столик, бутылку арманьяка, два бокала. В одном — вашем — арманьяка уже нет, в другом осталось грамм пятьдесят... Вижу салфетку, свернутую трубочкой. Тарелку с остатками трапезы — судя по всему, это были фаршированные яйца и сыр... Вилку, довольно грязную. Что-нибудь еще?

— Вы идиот, — прошипел старик, грозно шевеля кустистыми бровями. — Вы обыкновенный идиот!

— Может быть, постараемся обойтись без оскорблений? — ровным голосом спросил Жером.

Старик с присвистом втянул в себя воздух. Его черные, без единого седого волоса, усы задорно встопорщились.

— Вы, молодой человек, наверняка прогуливали в лицее уроки греческого! А были бы поприлежнее, знали бы, что по-гречески «*идиотес*» означает просто «частное лицо». Ты — идиот, я — идиот, Господь Бог, между прочим, тоже идиот! Так зачем обижаться?

Непринужденность, с которой старик перешел с ним на «ты», позабавила Жерома. По-французски его собеседник говорил бегло, но с ужасным восточным акцентом.

— Хорошо, — сказал он, улыбаясь. — Допустим, мы с вами идиоты. Но вы так и не объяснили мне сути вашего метода.

— А это невозможно, — надменно произнес старик. — Люди, которые хотят познать мой метод, учатся у меня годами. Приезжают ко мне из других стран, платят, между прочим, большие деньги. Помогают в хозяйстве, не гнушаются самой черной работой — только чтобы я их чему-то научил. А ты, молодой идиот, приходишь со своим дурацким письмом от моего дурня-ученика и хочешь сразу же узнать все тайны Вселенной? Ну, не дурак ли ты после этого?

— Нет, — ответил Жером. — Вы только не обижайтесь, месье Гурджиев — я же не оккультист и не теософ, я просто историк. У меня и времени-то, чтобы обучаться у вас, нет: через месяц я уезжаю в экспедицию в Бразилию. Все тайны Вселенной — это, конечно, очень интересно, но мне, право же, сейчас не до них. У меня есть несколько вполне конкретных вопросов, с ними я к вам и пришел. А вы мне устраиваете какой-то непонятный экзамен, спрашиваете, что я перед собой вижу...

Произнеся эту фразу, Жером *замотивированно* осмотрелся. Кафе было полупустым. За мраморными столиками курили две потрепанные жизнью проститутки, обсуждали что-то вполголоса трое унылых мужчин с внешностью мелких рантье, разглядывал что-то на дне стакана задумчивый краснолицый пьяница. За стойкой скучала пышнотелая хозяйка заведения в парике и с усами. Полуденный ветерок лениво трепал сероватые занавески. Место было отчаянно неинтересным, и Жером спросил себя, что заставляет его собеседника ходить сюда уже который год подряд.

— Ты видишь перед собой сгустки иллюзий, — проворчал старик. — Ты спишь, так же, как и все вокруг. Спишь, и тебе снится, что ты видишь меня, эту забегаловку, бокал с арманьяком...

Произнеся эти слова, он потянулся к бокалу Жерома и ухватил его крепкими узловатыми пальцами.

— Иллюзия, мой бедный идиот, всего лишь иллюзия...

Старик сделал быстрое движение рукой. На жилистой шее дернулся мощный кадык.

— Теперь ты видишь, что в бокале ничего нет? Полагаешь, мир изменился?

Жером пожал плечами.

— От того, что вы выпили мой арманьяк — вряд ли...

Месье Гурджиев по-птичьи склонил голову на плечо и насмешливо посмотрел на собеседника.

— Так чего же ты хочешь, идиот, если не способен отличить иллюзию от реальности?

— Ответов на свои вопросы.

Старик ухмыльнулся и отставил пустой бокал.

— Ты полагаешь, что способен их понять?

— Давайте попробуем.

— Зряшная трата времени. Хорошо, у меня есть еще минут десять. Задавай свои вопросы.

Жером напрягся, как перед броском на противника. Вопросы, полученные накануне из Центра, были странными — и это еще мягко сказано. За всю свою карьеру ему не приходилось иметь дело с такими вопросами. Правда, и человек, с которым ему приказали встретиться, сильно отличался от обычных контактов Жерома — он не был ни военным, ни разведчиком, ни бандитом. Какой-то старый шарлатан из эмигрантов, именующий себя магом. До войны он был известен и успешен, ездил в Америку, выступал там с лекциями и без зазрения совести тратил деньги своих богатых поклонников. Потом организовал в поместье под Парижем школу, где обучал доверчивых французов своей философской доктрине (Жером проглядел пару книг, написанных его учениками, но ничего в ней не понял). С приходом немцев маг осмотрительно поутих: нацисты таких, как он, обычно не жаловали. Но его почему-то не тронули. Старик продолжал жить в своей квартире на рю Колонель Ренар, ходил обедать в расположенное неподалеку скромное кафе и изредка встречался с бывшими учениками.

Там к нему Жером и подошел: представился археологом из университета Пантеон Сорбонна, и передал письмо от одного из американских поклонников мага. К письму прилагался чек на сумму в тысячу долларов САСШ — Жером полагал, что если бы не это обстоятельство, вздорный старик попросту не стал бы с ним разговаривать.

— Что вам известно о древних тайниках на берегу озера Рица?

Вопрос, казалось, совсем не удивил старика.

— Не о тайниках, а о тайнике, молодой идиот. Он там один.

— Хорошо, — не стал спорить Жером. — Пусть один. И что же в нем спрятано?

— Пламя ада, — ответил маг, не задумываясь. — А также вода рая.

«Отлично, — подумал Жером. — Так мы далеко зайдем».

— Нельзя ли поподробнее?

— Нет, — отрезал старик. — Ты задал вопрос и получил ответ. Еще вопросы будут?

— Что вы можете рассказать о замке Кахтице в Трансильвании?

И на этот раз ответ последовал незамедлительно.

— Там жила любовница Сатаны.

— И это все?

— А этого мало? — удивился маг.

— Действительно, — пробормотал Жером. — А о монастыре Тце-Лунг в Тибете?

— Там оживляли мертвых.

— Простите?..

— Это было давно, — добавил старик, как будто это что-нибудь объясняло.

— Понятно, — вздохнул Жером. — Ну, и наконец, можете ли вы предположить — чисто теоретически — что ищет человек, который побывал во всех этих местах?

Во взгляде его собеседника впервые промелькнула искра интереса.

— Предположить могу. Но ты должен сказать мне, кто этот человек.

В послании Центра, расшифрованном Мушкетером с помощью романа «Человек, который смеется», ничего не говорилось о том, кто именно посетил озеро Рица, замок Кахтице и монастырь Тце-Лунг. Жером решил идти ва-банк.

— Один немецкий археолог. Настоящего имени его я не знаю.

Старик скорчил скептическую гримасу, как бы говоря: «Поверил я тебе, держи карман шире!».

— Хочешь бесплатный совет, парень? Кто бы это ни был, держись от него подальше.

— Почему?

Вместо ответа месье Гурджиев обернулся к усатой хозяйке заведения и помахал ей рукой.

— Кики, радость моя, еще два бокала арманьяка. За счет молодого человека, разумеется.

— Разумеется, — подтвердил Жером, хотя его никто и не спрашивал. Он с радостью купил бы старику бутылку его любимого напитка, но для прижимистого уроженца Гаскони, за которого ему приходилось себя выдавать, такой широкий жест был нехарактерен.

— Пожалуй, я расскажу тебе историю Семи башен, — проговорил Гурджиев, поглаживая усы. — Но после этого ты оставишь меня в покое раз и навсегда. У меня, знаешь, и без тебя хватает забот.

Жером понимающе кивнул, но ничего не сказал.

— Миллион лет назад, — начал старик, краем глаза следя за приближающейся с подносом хозяйкой, — а может, и больше, это решительно неважно, Сатана зажег на земле свои огни.

— Зачем? — удивился Жером.

— Можешь спросить у него, когда встретишь. Огней было

семь. Они вырывались из глубоких трещин в земле — трещин, которые доходили до самой преисподней. Когда на земле появились люди, они стали приносить огням жертвы. Бросали в пламя растения, животных, других людей. Богов они еще не знали, и поклонялись только дьявольскому пламени.

— Вот как, — пробормотал Жером. Старик не заметил его иронии.

— Потом люди придумали себе благих богов, и отвернулись от огней Сатаны. Они стали строить храмы из белого камня и сжигать на жертвенниках зерно и фрукты. Верность огням сохранили немногие жрецы, не пожелавшие отступать от древних традиций. Они возвели рядом с огнями семь черных башен, чтобы посеять в сердцах непосвященных страх и трепет. На верхушках этих башен селились огромные грифы, а многоэтажные подвалы их уходили глубоко в недра земли. Проходили века, а служители адских огней каждый вечер перед закатом поднимались на крыши черных башен и провожали солнце ужасными проклятиями.

Гурджиев взял бокал с арманьяком и осторожно, с видом знатока, повел носом.

— У мамыши Кики отменный арманьяк, — заявил он. — Другого такого не найдешь во всем квартале. Потому-то я к ней и захоживаю.

— Значит, они не любили солнце, — вежливо подтолкнул собеседника в нужном направлении Жером. — Чем же оно им так насолило?

— Придет время, и Солнце вступит в борьбу с Луной, — важно изрек маг. — Ты знаешь, что Луна — живая?

— Нет, — честно признался Жером. — Я всегда полагал, что Луна — это холодное и мертвое небесное тело, огромная скала, вращающаяся вокруг Земли.

— А все потому, что ты идиот, — сказал Гурджиев добродушно. — Ты спишь, потому что Луна высасывает из тебя мозговую энергию. Да ты не волнуйся, не только из тебя. Вы все

спите, замороженные Луной. Цивилизация лунатиков. На всем земном шаре не спят, может быть, двести или триста человек. Один из них сидит сейчас перед тобой.

— Получается, вы мне снится? — усмехнулся Жером. — Но вы-то, как я понимаю, один из этих двухсот? Как же объяснить, что вы разговариваете со мной в реальности, в то время, когда я разговариваю с вами во сне?

— А кто тебе сказал, что я сейчас разговариваю с тобой? — удивился Гурджиев. — Ты ведь у нас французский археолог Жером, правильно? Во всяком случае, так тебе снится. А я — наяву — беседую с молодым осетинским парнем, которого, кстати, зовут так же, как и меня — Георгием. Ну-ка, проснись, лялу¹, и поговори со мной на своем родном языке...

Он быстро перегнулся через стол и с силой ущипнул Жерома за бицепс. Жером не почувствовал боли — он был слишком ошеломлен тем, что услышал. Его французский был превосходен, а едва заметный акцент оправдывался гасконским происхождением. Как этот вздорный старик смог за полчаса раскусить его легенду, которая была не по зубам даже профессионалам из гестапо? И откуда он узнал его, Жерома, настоящее имя?

— Боюсь, вы меня с кем-то путаете, — медленно произнес он. — Луна, стало быть, живая?

Гурджиев рассмеялся.

— Напекаешь на то, что я сошел с ума? Послушай, парень, я самый нормальный человек в этом городе. Пусть все остальные верят, что ты гасконец, но я-то вижу, кто ты такой на самом деле!

«А вдруг он на самом деле маг? — мелькнула у Жерома безумная мысль. — Но ведь это чушь, магии не существует... А откуда же тогда он смог узнать, кто я?»

— Не бойся, я никому не скажу, — продолжал веселиться

¹ Парень (осетинск).

старик. — Ты же, наверное, работаешь на советскую разведку, да? На Гэ-Пэ-У?

«Какое, к черту, ГПУ, — едва не поправил его Жером. — Уже семь лет как НКВД». Впрочем, старик имел право не разбираться в таких тонкостях².

— Я французский археолог, — терпеливо повторил он. — Никакого отношения к разведке — ни нашей, ни тем более, советской — я не имею. Да и какая разведка станет интересоваться этими вашими огнями Сатаны?

— Ты же сам только что мне сказал, — удивился Гурджиев. — Немецкая.

Он пригубил арманьяк и важно погладил усы.

— Немцы давно ищут Черные башни. Они хотят править миром, не понимая, что иллюзией править нельзя. Правда, я знал одного неглупого немецкого идиота, который, кажется, догадывался, что к чему. Но, поскольку ты продолжаешь мне врать, я не стану рассказывать тебе, кто это был.

«Не очень-то и хотелось», — подумал Жером раздраженно. Ясно было, что разговор не удался. Строго говоря, сразу же после того, как старик обратился к нему по-осетински, надо было вставать и уходить. Прокол, конечно, причем прокол совершенно необъяснимый. Интересно, как отреагирует на него Центр? Особенно учитывая тот факт, что ни по одному из вопросов старик не сказал ничего вразумительного...

— Что ж, месье Гурджиев, — Жером поднялся со стула и церемонно поклонился магу. — Весьма приятно было познакомиться. Надеюсь, я не отнял у вас слишком много времени...

— Уже уходишь? — старик отнюдь не казался расстроенным. — А как же твой арманьяк?

— Можете выпить за мое здоровье, — усмехнулся Жером. — Прощайте.

² Три русские буквы — ГПУ — производили неизгладимое впечатление на иностранцев. Даже аккуратисты-немцы за год до войны сняли фильм «GPU», в котором аббревиатура уже несуществующей организации расшифровывалась как «Гибель, Паника, Ужас» (Grauen, Panik, Untergang)

Он уже выходил из кафе, когда старик негромко сказал ему в спину:

— Надумаешь дослушать историю до конца, приходи. Я расскажу.

2

Донесение Мушкетера положил на стол Берии Абакумов.

«Осторожничай Всеволод, — подумал Берия, пристально разглядывая молодого красавца-офицера. — Сам в это дело лезть не хочет, Виктора прислал».

Меркулова он недолюбливал, считал его слишком хитрым. С такой биографией, как у Всеволода, наркоманами госбезопасности не становятся: сын офицера царской армии, учился в Петербургском университете, откуда был изгнан после какой-то темной истории, поступил в школу прапорщиков в Оренбурге, потом ушел на фронт, воевал, по слухам, отважно. В собранных Берия материалах говорилось, что революцию прапорщик Меркулов встретил холодно, уехал в меньшевистскую Грузию, где кормился случайными заработками и дружил с тифлисскими кинто³. Потом устроился учителем в школу для слепых. Как он попал на работу в ЧК, Берия так и не сумел выяснить. Вроде бы его порекомендовал кто-то из знакомых — в органах тогда отчаянно не хватало грамотных сотрудников. Но сам этот знакомый то ли куда-то подевался, то ли напрочь забыл о своих рекомендациях. Спокойный, молчаливый, всегда обдумывающий свои слова Меркулов произвел впечатление на тогдашнего начальника Тифлисской ЧК. Да что там — он даже ему, Берии ухитрился понравиться, а это было совсем не просто. Написал о нем книжку — «Верный сын партии Ленина — Сталина». Берия оценил рвение сотрудника, сделал его своим ближайшим помощником, потом перетащил на работу в Мос-

³ Кинто – вор, мелкий бандит (груз).

кву. Но постепенно понял, что, приближая Меркулова, играет с огнем — такой человек способен хладнокровно уничтожить своего благодетеля, если сочтет это выгодным. Поэтому, когда в феврале сорок первого Хозяин возвысил Меркулова, сделав его наркомом госбезопасности, Берия приложил все усилия, чтобы заблокировать усиливающегося *товарища*. Подвел к нему своего заместителя Абакумова: красавец, орел, силищи немеряной, но простоват, интриговать не любит. Меркулову объяснил это так: ты теперь нарком, и я нарком, приказывать друг другу не можем, а договариваться как-то надо. Так пусть Витя между нами курсирует, как пакетбот, ни тебе, ни мне не обидно, а парень заодно опыта поднаберется. На самом деле Абакумов исправно докладывал шефу обо всех телодвижениях Меркулова, хотя формально никаким шпионством не занимался. От Абакумова Берия узнал о том, что Меркулов собирается дать ход паническим запискам начальника внешней разведки Фитина — тот был уверен, что Германия нападет на СССР не позднее конца июня. Тогда Берия крепко задумался: с одной стороны, подставить Меркулова было соблазнительно, Хозяин почти наверняка разгневается, услышав очередное пророчество о начале войны. С другой стороны, гнев Сталина мог обрушиться не на Меркулова, а на Фитина, и тогда комбинация выстрелила бы вхолостую. В конце концов, он решил сыграть роль доброго дядюшки — позвал Меркулова к себе на дачу, накрыл роскошный стол, и за бокалом коньяка доверительно шепнул: «Павел слишком паникует, Хозяину это не нравится. Мне поручено поднять его старые дела, беспокоюсь, к чему бы это. Как бы тебе, Сева, не остаться без лучшего спеца по разведке...»

Меркулов намек понял правильно: записки Фитина к Сталину не попали. А когда война все-таки началась в *один из предсказанных* разведкой дней, заплатился за это креслом наркома — Хозяин приказал объединить НКГБ и НКВД, и Меркулов опять стал подчиненным Берии. Абакумов, однако, продол-

жал «курсировать» между ними — только теперь Берия уже не был так уверен, что он выполняет его задание. С некоторых пор красавец-генерал, начальник Управления Особых отделов НКВД, стал любимчиком Хозяина: тот принимал его едва ли не каждый день, внимательно выслушивая длинные доклады о настроениях командующих фронтами. Зная подозрительность Сталина, шеф госбезопасности не исключал, что Абакумов присматривает не только за Меркуловым, но и за ним самим.

— Ты знаком с содержанием документа? — безразличным тоном спросил он.

Абакумов кивнул.

— Просмотрел мельком... честно говоря, ничего не понял. Какие-то черные башни. Бред, по-моему.

— Возможно, — Берия взял со стола остро отточенный карандаш и принялся вертеть в пальцах. — Ну а если не бред? Читал Шекспира?

На красивом лице Абакумова проступила печать задумчивости.

— Смотрел. В театре.

— Да, я все забываю, ты же у нас театрал...

Щеки генерала слегка порозовели. Он действительно отличался страстью к молоденьким актрисам — тут, впрочем, Берия не видел ничего предосудительного.

— Помнишь «Гамлета»? «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам...» Так вот, я не считаю, что все, чего мы не понимаем, обязательно должно быть бредом. К тому же этот старик-эмигрант каким-то образом ухитрился раскусить нашего опытного агента. Ты же у нас специалист по контрразведке, объясни мне, как это могло случиться?

— Возможно, Мушкетера сдал кто-то из его контактов, — предположил Абакумов. — Он же недавно сообщал нам, что его агент был перевербован гестапо.

Берия презрительно скривил тонкие губы.

— Его агент понятия не имел, что имеет дело с советским разведчиком. И уж тем более не мог знать, как его зовут и откуда он родом. Двойка тебе, генерал! К тому же если бы старик работал на гестапо, Мушкетера арестовали бы прежде, чем он успел выйти с нами на связь.

— Тогда не знаю, товарищ народный комиссар внутренних дел! — Абакумов пожал широченными плечами. — Мистика какая-то, а я, извините, в мистику не верю...

— Я тоже, — жестко сказал Берия. — Но если мы чего-то не можем объяснить, это еще не значит, что мы имеем дело с мистикой.

Абакумов промолчал.

— Мысль о гипнозе тебе в голову не приходила?

— О гипнозе? — озадаченно переспросил генерал.

— Слышал про Вольфа Мессинга? — Берия вытащил из ящика стола пухлую папку, бросил ее перед Абакумовым. — Польский еврей, гипнотизер. Сбежал к нам, когда фашисты вошли в Польшу. Я своими глазами видел, как он работает. Товарищ Сталин приказал ему выйти из моего кабинета, спуститься на улицу и вернуться обратно. Он прошел через все посты охраны! Ни один человек его не видел, понимаешь? А потом еще получил в Госбанке сто тысяч рублей, предъявив кассиру клочок старой газеты!

— Я слышал про Госбанк, — осторожно сказал Абакумов. — Но думал, что это только слухи.

— Какие слухи? Я лично отдал ему такое распоряжение! Вот это, Виктор, и называется гипноз. А теперь подумай, что, если этот старик-эмигрант тоже гипнотизер вроде Мессинга? Мушкетер мог сам ему все рассказать — и где родился, и когда женился, и на кого работает. И никакой мистики, сплошной материализм.

Абакумов поскреб переносицу.

— Лаврентий Павлович, если не секрет — а где сейчас этот ваш Мессинг?

— Секрет. Но тебе, так уж и быть, скажу. Он теперь работает в разведшколе, отбирает и тренирует самых способных к гипнозу курсантов. А тебе зачем?

— Да просто... любопытно. Такой человек и... на свободе.

— Не о том думаешь, — Берия постучал ребром ладони по столу. — Думать надо о том, что нам делать с Мушкетером.

— Что тут думать? — удивился Абакумов. — Мушкетер зашвечен, это ясно. Надо выводить его, пока гестапо не накрыло.

— Как у тебя все просто, — недовольно нахмурился Берия. — Выводить — значит, терять нашего резидента в Париже. Вот скажи мне, Виктор — у тебя много в Париже резидентов?

— У меня там вообще никого нет, товарищ народный комиссар внутренних дел, — обидевшись, ответил Абакумов. — Мое хозяйство здесь, я к заграничным играм отношения не имею.

— Тогда почему ты мне это принес? — Берия потряс в воздухе листками с донесением Мушкетера. — Почему мы с тобой сейчас все это обсуждаем, а не с Меркуловым или на худой конец, с Фитиным? Может, объяснишь?

Абакумов угрюмо молчал. Да и что он мог ответить? Что Меркулов попросил его передать шефу полученное от Мушкетера двусмысленное сообщение, чтобы прикрыть свою задницу, а он согласился, потому что преследовал собственный интерес? С Меркуловым-то все понятно, тот всегда был осторожной лисой, а вот какой такой интерес в этом деле у тебя, товарищ Абакумов?

— Ладно, — смилостивился Берия, выдержав зловещую паузу. — Я разберусь, что с этим делать. А ты, Виктор, поезжай в Лесной Дом, поговори с Гронским. В конце концов, он подсунил нам этого эмигранта, пускай теперь расхлебывает...

Абакумов не понял, о чем ему нужно разговаривать с Гронским, но уточнять не решился.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Звездочет

Москва, июнь 1942 года

Лесным Домом называлась одна из «шарашек» НКВД, находившаяся на окраине дачного поселка Ильинка. Там Берия еще в тридцать девятом собрал ученых, занимавшихся, по мнению Абакумова, бессмысленной и даже вредной ерундой — лечением травами, биоэнергетикой, системой индийских йогов и даже передачей мыслей на расстоянии. Возглавлял «шарашку» астролог Сергей Гронский, убедивший Берия в том, что подобные исследования могут принести пользу — не зря же рациональные немцы создали целый институт «Аненербе» и тратят на его содержание огромные средства. Питомцы Гронского исправно получали спецпайки, подопытных животных и даже лабораторное оборудование, но была ли от их работы какая-нибудь польза, понять было невозможно. У Абакумова, которому подчинялись все Особые отделы страны, разумеется, имелись свои люди в Лесном Доме, да что толку? Читая их донесения, Абакумов только брезгливо морщился. *«С 16.00 до 18.30 из лаборатории проф. Селезнева доносились странные звуки, напоминающие завывания и плач». «Из двенадцати морских свинок, доставленных по заказу доктора Ляхмана, выжило пять. Семь морских свинок умерло от неизвестных причин». «В столовой во время обеда проф. Зубаревич поспорил с проф. Брауде о китайской алхимии. Почему китайцы считали ртуть целебной? В споре проф. Брауде обозвал проф. Зубаревича кретином, а тот швырнул в него макаронами».* И так далее, все в том же духе. На месте шефа Абакумов уже давно перестал бы церемониться с этой ученой шушерой, но Берия отчего-то доверял Гронскому.

Сергей Гронский, наследник старинного белорусского шляхетского рода, аристократ и авантюрист, был словно рожден для мира тайных операций. Отцом Гронского был начальник шифровального отдела Генерального штаба Российской империи — по тем временам, вторым человеком в разведке. Его расстреляли сразу после революции, но Гронский-младший, которого родственники вывезли в безопасную Латвию, казалось, не таил зла на Советскую власть. Он начал работать на ГПУ еще при Менжинском: сам пришел в консульство и предложил свои услуги в качестве агента. После недолгих колебаний Гронского решили использовать втемную: перевели на его счет некоторую сумму денег и настоятельно посоветовали отправиться на учебу в Германию. Там молодой граф некоторое время изучал медицину в Берлинском университете, вел светскую жизнь, боксировал и брал призы на автогонках. Одним из его увлечений была авиация: он с отличием окончил летную школу и время от времени зарабатывал деньги, катая на самолете богатых любителей острых ощущений. Как-то в Мюнхене после очередного полета к нему подошел высокий господин с военной выправкой, представившийся Рудольфом Гессом.

— У вас прекрасное чувство воздуха, юноша, — сказал Гесс Гронскому. — Черт возьми, когда вы делали иммельман, я даже аплодировал вам. Вы уверены, что у вашего пассажира сухие брюки?

— Не знаю, — беззаботно ответил Гронский. — В кабине убирает механик. А вы разбираетесь в авиации?

— Немного, — скромно сказал Гесс.

Гесс был профессиональным летчиком, во время Первой мировой служившим в легендарной эскадрилье «Рихтгофен» под командованием Германа Геринга. Отчаянный русский ему понравился — Гесс любил людей с сумасшедшинкой.

— Загляните как-нибудь, — он протянул Гронскому визитную карточку. — Это клуб, где собираются люди, влюбленные в небо.

Любопытный граф не стал откладывать, и появился в клубе «Валькирия» в ближайшую субботу. Клуб оказался закрытым заведением, но визитка, подаренная Гессом, произвела на швейцара должное впечатление. К некоторому огорчению Гронского, многие члены клуба были влюблены не только в небо, но и друг в друга — то тут, то там он натыкался на обнимающихся мужчин в военной форме. Граф слышал, что гомосексуализм популярен среди немецких военных, но видеть это воочию было странно. Прежде, чем кто-либо из завсегдатаев «Валькирии» успел предложить ему познакомиться поближе (и заработать хороший хук в челюсть), из клубов табачного дыма материализовался улыбающийся Гесс.

— Что вы стоите, как Лотова жена? Пойдемте наверх, здесь вам делать нечего...

Наверху собиралось гораздо более приличное общество — во всяком случае, здесь никто никого не обнимал. Присутствовали седовласые генералы, которые, на взгляд Гронского, вышли в отставку еще до изобретения самолета, уважаемые господа, похожие, скорее, на банкиров, чем на авиаторов, и даже несколько дам — все, как на подбор, блондинки с длинными прямыми волосами. Вид блондинок слегка успокоил графа.

Гесс представил Гронского своим друзьям. Один из седовласых, назвавшийся Карлом Хаусхоффером, оценивающе оглядел графа.

— Говорят, вы лихой пилот. Не хотите принять участие в большой войне?

Гронский пожал плечами.

— Почему бы и нет? Вопрос лишь в том, с кем придется воевать.

Хаусхоффер поморщился.

— Разве это имеет значение? Сейчас идет война в Южной Америке, там нужны хорошие летчики. Южная Америка — чертовски интересное место, я влюблен в нее. К тому же наем-

никам там прилично платят. Я могу дать вам рекомендации. Хотите?

Гронский улыбнулся генералу.

— Хочу. До сентября у меня каникулы.

Он был уверен, что Хаусхоффер шутит, но тот говорил вполне серьезно. Через неделю граф отбыл в Южную Америку с рекомендательными письмами от генерала, оказавшегося к тому же профессором географии Мюнхенского университета. Письма были адресованы начальнику Генерального штаба Боливии Гансу Кундту, сражавшемуся в годы Первой мировой в одном полку с Хаусхоффером.

Боливия в те годы воевала с Парагваем за нефтяные месторождения в пустынной местности Гран Чако. Оснащенная новейшей боевой техникой боливийская армия сражалась с бедными, плохо вооруженными парагвайскими силами, но почему-то терпела поражение за поражением. Прибыв на место, Гронский понял, почему: на стороне Парагвая воевали сотни офицеров-белогвардейцев, нашедших убежище в Южной Америке. С этими профессионалами войны ничего не могли поделать ни наемники, которым щедро платило боливийское правительство, ни немецкие военные инструктора. Проливать русскую кровь графу не хотелось, и он попросил командование определить его в воздушную разведку. Гронский летал над равнинами Гран Чако три месяца, а в сентябре вернулся в Берлин, увозя с собой кругленькую сумму и очередное рекомендательное письмо — на этот раз от генерала Кундта Хаусхофферу.

— Старина Ганс пишет, что вы демонстрировали чудеса храбрости, забираясь на своей «Веспе» далеко в тыл противника, но всячески избегали огневого контакта, — задумчиво проговорил генерал, прочитав письмо. — Почему?

Гронский ответил, тщательно взвешивая каждое слово:

— Если бы моего отца не убили большевики, он мог бы сейчас оказаться в Парагвае. И тоже сражался бы против боливийцев.

Хаусхоффер покачал головой.

— Да, я могу это понять. Нация, расколотая надвое... Революция, потрясшая Россию — трагическое событие. Если бы не она, нам было бы намного легче заключить союз.

— Нам? — переспросил Гронский вежливо.

— Да, нам, двум самым могущественным континентальным державам Евразии — Германии и России. Только вместе мы можем противостоять державам моря, носителям торгашеского духа древней Финикии. Я имею в виду Англию и Соединенные Штаты. Я рассказываю об этом своим студентам на лекциях, но есть кое-что, не предназначенное для ушей профанов. Хотите узнать больше?

— Разумеется, — искренне ответил граф. Хаусхоффер кивнул, как будто и не ожидал иного ответа.

— В Южной Америке вы доказали свою храбрость, мой молодой друг. К тому же вы нравитесь Гессу, а Руди обладает большим политическим влиянием. Я приглашаю вас вступить в ряды общества Туле. Это тайное общество, поэтому, если вы по каким-то причинам решите отказаться, мне придется взять с вас обещание никому не рассказывать о нашем разговоре.

Глаза Гронского загорелись.

— Нет-нет, я не собираюсь отказываться! Вот только...

Он помрачнел и обвел взглядом уютный кабинет «Валькирии».

— Что «только»?

— Я ведь не немец. Не будет ли это препятствием?

Хаусхоффер усмехнулся и отсалютовал Гронскому бокалом красного вина.

— Нет, мой молодой друг. Мы в некотором роде интернационалисты — в обществе Туле состоят японцы, итальянцы и даже один тибетец. Впрочем, вы все увидите сами...

Так Гронский попал в общество Туле, считавшееся одним из наиболее влиятельных мистических орденов Германии. Члены общества практиковали медитацию и гипноз, изучали ас-

трологию и гадание на рунах, занимались японской борьбой и Тантра-йогой. Вскоре после того, как Адольф Гитлер стал фюрером германской нации, общество было официально объявлено распущенным, но Хаусхоффер сказал Гронскому, что это сделано для отвода глаз.

— Фюрер сам некогда принадлежал к внутреннему кругу Туле, — понизив голос, сообщил генерал. — Его учителем был сам Дитрих Эккарт.

Это имя ничего не говорило графу, но Гронский отметил, что для Хаусхоффера Эккарт был явно более авторитетной фигурой, чем фюрер.

— Вот как, — протянул он.

— Именно! — Хаусхоффер поднял палец. — Эккарт создал общество Туле, и, в некотором роде, создал самого фюрера. Сейчас пришло время обновить общество, влить в старые мехи новое вино...

Что имел в виду генерал, Гронскому стало ясно спустя несколько месяцев.

Один за другим члены «запрещенного» общества Туле получали выгодные предложения от создаваемых национал-социалистами институтов и промышленных концернов. Кто-то отправился на остров Рюген, где шло строительство секретных военных объектов. Кто-то получил работу в ведомстве Германа Вирта, занимавшемся поисками Грааля и Шамбалы. Самому же Гронскому, как студенту-медику, было предложено продолжить обучение в Биорадиологическом институте, о котором он прежде ничего не слышал. Граф решил посоветоваться с Хаусхоффером.

— Не раздумывайте ни минуты, юноша — сказал тот. — Такого образования вы не получите больше нигде в мире.

— Чему же там учат? — спросил Сергей. Хаусхоффер загадочно посмотрел на него.

— Магии, мой молодой друг. Волшебству.

— Одного не понимаю, — сказал Абакумов, выслушав рас-

сказ Гронского. — Как немцы тебя после всего этого отпустили?

— Я ушел сам, — ответил астролог. Он снял с огня кастрюльку и долил кипятка в расписанный цветами и птицами заварочный чайник. — Еще чаю, товарищ генерал?

— Давай, — фыркнул Абакумов. Чай у Гронского был китайский, зеленый. Абакумову он напоминал сено — он привык к крепкому черному с сахаром и лимоном. Но в Лесном Доме черного чая, как выяснилось, не было.

— Все началось с Гесса, — Гронский осторожно налил в пилалу генерала бледно-зеленого настоя. — Я составил ему гороскоп... крайне неблагоприятный. К этому моменту он уже полностью доверял мне, и я попробовал использовать это обстоятельство, чтобы предотвратить войну. Гесс пошел к Гитлеру, тряс у него перед носом космограммами, доказывал, что если Германия нападет на СССР, последствия для рейха будут ужасными. Гитлер не захотел его слушать. Его личный астролог Крафт мог бы помочь... тем более, что гороскопы абсолютно недвусмысленно предсказывали поражение Германии... но почему-то не захотел. Возможно, его перекупили англичане.

— Ты что, всерьез? — нахмурил брови Абакумов.

— Конечно, товарищ генерал. У англичан были для этого возможности, ведь Гитлер верил, что на Острове много его сторонников, и не запрещал британцам посещать рейх...

— Да я не о том! Вот эти гороскопы, космокопы — это же чушь собачья!

— Космограммы, — улыбаясь, поправил Гронский. — Нет, товарищ генерал, не чушь. И я могу легко это доказать.

— Ну, попробуй, — Абакумов отхлебнул чаю, поморщился.

— Для этого мне нужно знать дату и место вашего рождения, товарищ генерал. И хорошо бы еще точное время.

— А больше тебе ничего не надо?

— Нет, это все, — Гронский сделал вид, что не заметил прозвучавшей в словах собеседника угрозы. — Для того, чтобы

составить гороскоп, этих данных вполне достаточно.

— И ты сможешь сказать, что меня ждет? — недоверчиво спросил начальник Управления Особых отделов.

Гронский молча кивнул.

— На какой срок? На год? Больше?

— Зависит от обстоятельств, товарищ генерал. Будущее вариативно. Гороскоп Гесса, например, показывал, что если он останется в Германии, то проживет еще пять лет, а если покинет рейх — то пятьдесят.

— Поэтому он и сбежал в Англию? — Абакумов отставил опустевшую пиалу. — Тьфу, да как ты эти помои можешь пить!

— Зеленый чай чрезвычайно полезен для здоровья, товарищ генерал. Если ваш гороскоп покажет, что жить вам предстоит долго, я бы настоятельно советовал вам пить зеленый чай хотя бы два раза в день.

Абакумов с каменным лицом вертел в руках кусочек рафинада.

— А если он покажет что-то другое?

Это было сказано с такой зловещей интонацией, что любой другой на месте Гронского побледнел бы от страха. Но астролог только улыбнулся.

— Если гороскоп будет неблагоприятным, всегда существует возможность обойти роковое стечение обстоятельств. Звезды побуждают, но не вынуждают. Когда Гесс улетел в Англию, я составил собственный гороскоп. Получилось, что в ближайшие два-три месяца меня арестуют и, скорее всего, расстреляют. Тогда я решил покинуть рейх. Космограмма показывала, что и в этом случае меня не ждет ничего хорошего. Но определенный шанс все-таки сохранялся... Я выбрал побег.

— И что? — хмуро спросил Абакумов.

Астролог внимательно посмотрел на него.

— Я думал, вы знаете... самолет, на котором я пересек линию фронта, сбили наши зенитчики. Я обгорел, едва остался

жив. Потом меня две недели допрашивали особысты...

— А ты чего хотел? — рявкнул Абакумов, грузно поднимаясь из-за стола. — Чтобы тебя тут с оркестром встречали? Скажи спасибо, что сразу не шлепнули как немецкого шпиона.

Кусочек рафинада с сухим треском лопнул в его сильных пальцах.

— Вы не поняли, — дерзко ответил астролог. — Я не в обиде на ваших подчиненных. В конце концов, будь я на их месте, возможно, поступил бы точно так же. Дело в другом — я просчитал два варианта будущего, и выбрал тот, который давал большее пространство для маневра. Здесь меня могли, как вы выразились, шлепнуть, а могли доставить в Москву и дать звезду Героя, что в конце концов и произошло. Останься я в рейхе, моя участь была бы предрешена. У человека всегда есть выбор... даже если это выбор между плохим и очень плохим вариантом.

— Значит, если ты нагадаешь мне хреновое будущее, я все-таки смогу его изменить?

— Не нагадаю, товарищ генерал. Гадают цыганки, у них своя методика, своя магия... Я ученый, и имею дело с законами природы. Мы пока не можем их объяснить, но они есть и они работают...

— Одиннадцатое апреля тысяча девятьсот восьмого года, — перебил его Абакумов. — Москва. Точного времени не помню, бабка вроде говорила, ночью родился...

— Отлично, — кивнул Гронский. — Сегодня вечером я произведу все необходимые расчеты. Завтра гороскоп будет готов.

Абакумов хмыкнул и мотнул головой, словно показывая, что не склонен принимать слова астролога всерьез.

— Теперь давай к делу. Насчет твоих звездочетов я уже понял — Гитлер к ним прислушивается. А как насчет гипнотизеров?

Гронский на мгновение задумался.

— Сложный вопрос... Был такой предсказатель Эрик Хануссен, очень известный в то время, когда я приехал в Берлин. Он читал мысли, предсказывал будущее и выступал с гипнотическими опытами. Гитлер ему доверял. Хануссен, например, предсказал пожар рейхстага...

— Но ведь фашисты подожгли его сами!

— Не совсем так, товарищ генерал. Вы, конечно, знаете, что технически поджог совершил голландец Ван Дер Люббе — жалкий, опустившийся человек. Но полицейские, которые его допрашивали, пришли к выводу, что Ван Дер Люббе кто-то загипнотизировал — об этом писали в берлинских газетах. Некоторые мои друзья в обществе Туле предполагали, что гипнотизером был именно Хануссен. Поэтому-то он так уверенно говорил о предстоящем пожаре... Но вскоре после прихода нацистов к власти выяснилось, что знаменитый Хануссен никакой не швед, а чешский еврей по имени Хаим Штайншнайдер. Фюрер почувствовал себя оскорбленным — он ведь покровительствовал гипнотизеру. Вскоре Хануссена нашли мертвым — его убили штурмовики, которым он давал в долг крупные суммы денег. С тех пор Гитлер с большим подозрением относился к гипнотизерам, считая их шарлатанами. Другое дело...

Гронский замолчал. Поднес к губам пиалу с чаем, но пить не стал.

— Другое дело, что сам фюрер обладает колоссальным гипнотическим даром. Хаусхоффер говорил мне, что он способен убедить в чем угодно и одного человека, и целую толпу. А один раз добавил, что это настоящее чудо, которое сотворил Эккарт.

— Кто такой Эккарт?

— Станный человек. Хаусхоффер называл его учителем фюрера. Он умер вскоре после пивного путча в Мюнхене, когда Гитлер сидел в тюрьме. Говорят, что Гитлер плакал, узнав о его смерти.

— Плакал? — брезгливо переспросил Абакумов.

— Фюрер вообще очень сентиментален, — пожал плечами Гронский. — Вы не знали? Он обожает щенков и котят, и ненавидит охоту.

Абакумов круто развернулся к нему и грозно навис над сидевшим на табурете астрологом.

— Ты что, собрался мне рассказывать, какой Гитлер замечательный? И собачек любит, и гипнозом владеет, так, что ли?

— Мне казалось, вы хотели узнать о Гитлере больше, чем можно прочесть в фельетонах Эренбурга и Меттера, — холодно сказал Гронский.

— Мне нужно знать, пользуется ли Гитлер услугами гипнотизеров! А про его любовь к собачкам будешь рассказывать кому-нибудь другому!

Гронский допил чай и поднялся. Он был на полголовы ниже рослого Абакумова, но держался с таким достоинством, что генералу стало даже завидно.

— По моей информации, — тщательно выговаривая слова, произнес Гронский, — Гитлер не прибегает к помощи гипнотизеров. Ему это попросту не нужно, поскольку он сам владеет техникой внушения.

— Этому можно научиться? — Абакумов слегка сбавил обороты.

— Можно, конечно, были бы способности. И в обществе Туле, и в Биорадиологическом институте этому учили. Другое дело, что, если способностей нет, то даже лучшие учителя окажутся бессильны.

— А у Гитлера способности, конечно, были? — язвительно спросил Абакумов.

На этот раз Гронский ответил не сразу. Он прошелся по комнате, словно бы что-то припоминая, потом приложил палец к кончику хрящеватого носа и некоторое время стоял неподвижно.

— По-видимому, да, — ответил он, наконец. — Но Хаусхоффер считал, что эти способности не врожденные. Он, видите

ли, хорошо знал людей, сталкивавшихся с Гитлером в годы Первой мировой. И все они, в один голос, твердили, что это был маленький, зажатый, совершенно ординарный ефрейтор, который с трудом мог связать три слова. Гитлер страдал от какого-то заболевания... то ли нервного, то ли психического... у него случались истерики, ему то и дело казалось, что он слепнет! Никакого намека на силу воли, и уж тем более на то, чтобы подчинять своей воле других... Все изменилось после войны. Гитлер познакомился с Эккартом, и тот сделал с ним что-то... что-то, после чего прежний Гитлер умер, и родился новый. Тот, за которым шли толпы.

Абакумов крикнул.

— Значит, ты думаешь, что гипнозу его научил этот... Эккарт?

— Так мне говорил Хаусхоффер. Проверить это нельзя, поскольку Эккарта, как я уже упоминал, давно нет в живых, а Хаусхоффер вряд ли станет откровенничать...

«Вот и поговорили, — мрачно подумал генерал. — Что я буду шефу докладывать? Провел с Гронским беседу о гипнозе и гипнотизерах, выяснил, что человек, предположительно обучавший Гитлера искусству внушения, умер двадцать лет тому назад? Да, хорошо поработал, нечего сказать».

И тут Абакумова неожиданно осенило.

— Слушай, Сергей Николаевич, — проговорил он медленно, — а вот этот парижский эмигрант, про которого ты товарищу Меркулову докладывал... он ничего интересного на эту тему нам рассказать не может?

Лицо Гронского просветлело, как будто он вспомнил о чем-то очень хорошем.

— Георгий Иванович? Разумеется, может! Он, кстати, был дружен с Хаусхоффером, я, собственно, на квартире у Карла с ним и познакомился. Они вместе ездили на Тибет, в какую-то секретную экспедицию. Действительно, как это я сразу не подумал... А с ним удалось установить связь?

Абакумов посмотрел на астролога тяжелым взглядом. Наконец-то представился случай ущучить этого зарвавшегося аристократишку.

— Не выходите за рамки своей компетенции, товарищ директор специального научно-исследовательского института, — сказал он неприятным голосом особиста. — Иначе нам с вами придется разговаривать уже совсем в другом месте и на другие темы.

Щеки Гронского порозовели. «Краснеет, как девка, — неприязненно подумал Абакумов. — А еще разведчик»

— Извините, товарищ генерал, — вздохнул астролог. — Дурное любопытство.

— Ладно, — Абакумов, довольный тем, что сумел поставить выскочку на место, сунул Гронскому свою огромную ладонь. — Будем считать, ты мне сегодня помог. А этот... гороскоп... никому, кроме меня не показывай. Я на днях заеду, заберу.

Вернувшись в Москву, Абакумов сразу же поднялся в кабинет к Берия, но наркома на месте не оказалось — секретарша сказала, что Лаврентий Павлович уехал и будет поздно вечером. Несколько минут генерал раздумывал, не поставить ли в известность Меркулова: в конце концов, комбинацию с Гурджиевым вел именно он. Решил — не стоит; субординация — великая вещь, пренебрегать ею нельзя. В иерархии НКВД они с Меркуловым стояли на одной ступени служебной лестницы — заместители наркома. Меркулов с Гронским уже поработал и особых результатов не добился: нельзя же, в самом деле, считать результатом бессвязный бред, присланный Мушкетером из Парижа, все эти «огни преисподней», «любовницу Сатаны» и «оживление мертвых». У него, Абакумова, есть, по крайней мере имена: Эккарт и Хаусхоффер. Вот о них-то и следует расспрашивать старого эмигранта, а вовсе не о заброшенных румынских замках и тайниках на берегу озера Рица. Именно с этим предложением Абакумов собирался пойти к Берия.

Он заперся в своем кабинете, выпил рюмку армянского коньяку, положил на стол лист чистой бумаги, карандаш и начал набрасывать план предстоящей игры. Такую работу Абакумов никогда не любил — он был человеком действия, бойцом, а не стратегом, просидеть ночь в засаде было для него куда проще, чем придумать изящную оперативную комбинацию. Сева Меркулов, напротив, был силен в стратегии: не зря же Хозяин поручил ему надзор за разведкой. Но Абакумов понимал: сейчас у него появился редкий шанс опередить Меркулова. Ради этого стоило попотеть.

Часы показывали половину двенадцатого, когда в тишине кабинета резко зазвонил рогатый черный телефон.

— Виктор Семенович, — голос в трубке был сух, как папиросная бумага, — это Поскребышев. Приезжай в Кремль, тебя хочет видеть товарищ Сталин.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Учитель танцев

Париж, июнь 1942 года

1

К дому на рю Колонель Ренар Жером подходил, чувствуя себя таксой, засовывающей голову в барсучью нору.

Таксу, конечно, на то и натаскивают. Тренируют, кормят, дают время от времени погоняться в свое удовольствие за какой-нибудь мелкой дичью. Но приходит день — и надо лезть в нору, в глубине которой сидит здоровенная злая зверюга, готовая откусить тебе голову.

Старик-эмигрант был совсем непохож на барсука. Но чем дольше Жером анализировал странное равнодушие немецких хозяев Парижа к чудаку-мистику, тем тревожнее становилось у него на душе. До войны Гурджиев поддерживал отношения с десятками известных парижан, его считали учителем и пророком влиятельные мужчины и женщины по обе стороны Атлантики. Вряд ли он оборвал все контакты после прихода немцев. По неписаным правилам разведки, человек с такими связями просто обязан попасть в разработку. Если старика не трогают, значит, за ним наблюдают, и наблюдают пристально. Встреча в кафе прошла гладко, но это могло быть случайностью. Допустим, наблюдение велось не круглосуточно, а выборочно — в конце концов, в Париже у гестапо не миллион агентов. Возможно также, что у *наружки* не было ориентировки на Жерома — однако сам факт *подхода* был зафиксирован, и какой-нибудь безликий клерк в здании

на рю Соссэ¹ уже сравнил описание собеседника Гурджиева с портретом «британского шпиона», ушедшего от погони на улице Прачек. В любом случае, идти к старику домой было опасно — хуже того, это было неразумно. Но приказ, полученный из Центра, не оставлял Жерому возможностей для маневра. *«Срочно свяжитесь с Факиром и передайте ему привет от Ивановича. Выясните все, что известно Факиру о Карле Хаусхоффере, Дитрихе Эккарте и гипнотизерских способностях Гитлера. О результатах беседы доложить немедленно!»*

Жером, уверенный, что после бреда о семи башнях Сатаны Центр прекратит дальнейшую работу с Факиром (этот псевдоним предложил для Гурджиева он сам), чрезвычайно удивился новому заданию. На следующий день он вышел из дому, надев поношенные брюки и выдавший виды пиджак. На голову Жером водрузил синий берет, а на нос — очки в немодной роговой оправе. Эти нехитрые манипуляции сразу же состарили его лет на пятнадцать, превратив щеголеватого молодого археолога в уставшего рабочего с окраины. В таком виде он и заявился в кафе, где маг обычно лакомился арманьяком. Маскировка удалась на славу — во всяком случае, усатая мадам Кики недавнего посетителя не признала. Вот только Гурджиева в кафе не было. Жером несколько часов просидел в углу, потягивая пиво, и ушел, когда на город начали опускаться прозрачные июньские сумерки.

Гурджиев не появился в кафе и на следующий день. Часики, между тем, неумолимо тикали. Слова «срочно» и «немедленно» в шифровке Центра не позволяли Жерому ожидать появления Факира до морковкина заговенья. Встречу надо было форсировать, и Жером, проклиная вздорного старика, неожиданно изменившего старым привычкам, отправился на рю Колонель Ренар.

Сначала он, как водится, тщательно изучил карту. Просмот-

¹ Рю Соссэ, 11 – парижский адрес, по которому располагался парижский филиал РСХА, IV отдел которого – собственно гестапо – занимался борьбой с врагами Рейха и контршпионажем.

рел телефонный справочник, запоминая фамилии соседей Гурджиева. Потом покругил по кварталу, изучая возможные пути отхода. И лишь затем подошел к дому, где обитал Факир.

Консьерж клевал носом в своей клетушке. Жером, заготовивший для него довольно увлекательную легенду (в ней фигурировал месье Кальвани, проживавший на шестом этаже, его двоюродный брат из Лиона и некая молоденькая актриса кабаре на Пляс Пигаль), пожал плечами и вошел в подъезд. Поднялся по темноватой лестнице с выщербленными ступенями на третий этаж. Огляделся — на площадку выходили еще две двери, за каждой из которых могли прятаться агенты гестапо. «Я становлюсь параноиком», — мрачно подумал Жером и нажал бронзовую кнопку звонка.

Где-то в недрах квартиры загредел долгий раскатистый гром.

Ничего не происходило. Не было слышно ни шаркающих шагов, ни бормотания «уже иду, подождите». На лестничной площадке царила тишина. Под прицелом глазков, через которые могли наблюдать за ним гестаповцы, или, на худой конец, соседи, хотелось втянуть голову в плечи.

Жером позвонил снова.

Щелкнул замок.

На пороге стоял Гурджиев — заспанный, в пижаме и домашних тапках, которые явно были ему велики. При ходьбе такие тапки должны неизбежно щелкать задниками по полу. Как старикан ухитрился подойти к двери неслышно, Жером так и не понял.

— А, — сказал маг сиплым голосом, — это опять ты.

— Вы приглашали меня, — Жером вежливо поклонился. — Сказали, что если я надумаю дослушать вашу историю до конца, то могу прийти. Как видите, я пришел.

— Не вовремя, — буркнул Гурджиев. Его седые усы уныло обвисли. — Я болен.

Теперь Жером заметил лихорадочный блеск черных глаз старика. У Гурджиева, по-видимому, был жар.

— Вам нужна помощь? — спросил он, стараясь, чтобы его участие не выглядело фальшиво. — Может быть, какие-то лекарства? Я могу достать...

— Нет, — отрезал маг. — Лекарства не нужны. Это все Луна. Ты же не можешь уничтожить Луну, парень?

Жером покачал головой.

— Вот видишь. Просто уходи и оставь меня в покое. Мне, видно, пришло время умереть.

— Вряд ли, — сказал Жером. — От простуды в наше время не умирают.

Как он и предполагал, старик немедленно рассвирепел.

— Ты что, доктор? Откуда знаешь, что у меня простуда? Я что, чихаю? Скажи, я хоть раз чихнул? Может, у меня насморк? У меня что, нос красный?

— У вас горло болит, — перебил его Жером. — Вот здесь. Это фарингит. Я могу достать аспирин и фуруцилин для полоскания.

— Слушай, — сказал Гурджиев по-русски с сильным кавказским акцентом, — откуда узнал, а?

Жером тяжело вздохнул.

— Учился когда-то на врача, — ответил он по-французски. — Потом понял, что это не мое и стал археологом. Может быть, вы все-таки позвольте мне войти?

Маг хмыкнул и сделал шаг назад.

В квартире Гурджиева пахло пряностями и сандалом. Откуда-то доносилась негромкая музыка — слегка заунывная, и в то же время завораживающая. Комната, в которой оказался Жером, была почти пуста — на полу лежал роскошный восточный ковер, в углу на мраморной тумбе стояла расписанная цветами и павлинами китайская ваза.

— Ну, теперь-то ты мне скажешь? — требовательно спросил Гурджиев.

— Скажу — что?

— Зачем я понадобился советской разведке, вот что!

Жером усмехнулся и покачал головой.

— Меня просили передать вам привет.

— От кого? — скривился Гурджиев.

— От Ивановича.

Несколько секунд старик непонимающе смотрел на Жерома.

— От Ивановича? Постой, постой...

Он вдруг покачнулся и оперся рукой о стену.

— Вам плохо? — встревожился Жером.

— Нет! — рявкнул Гурджиев. — Просто голова закружилась — такое бывает, когда Луна слишком близко подходит к Земле. Так ты говоришь, привет от Ивановича?

— Да, — подтвердил Жером. — От него лично.

— Садись, — старик махнул рукой на ковер и первым уселся на него, скрестив ноги по-турецки. — Рассказывай все подробно.

Жером последовал его примеру, подобрал ноги под себя.

— К сожалению, я не могу ничего добавить. Если откровенно, я даже не знаю, кто такой Иванович. Я думал, это условная фраза...

Гурджиев подергал себя за усы.

— Я ведь говорил тебе, что ты идиот? Так вот, ты действительно идиот. Какая же это условная фраза? Я разве похож на шпиона? Ивановичем звали моего лучшего ученика в Тифлисе, моего самого лучшего, самого способного ученика. Ни один из здешних ему в подметки не годится. А знаешь, почему? Все эти французы, англичане и американцы слушают слова, которые я произношу, и думают, что чему-нибудь научатся. А Иванович смотрел, как я говорю! Смотрел, как я двигаюсь! Подражал даже моему дыханию! Трубку начал курить, потому что я курил тогда трубку! Он был совсем молодой, но уже знал, что слова не важны! Слова, парень, вообще не важны! Все, что мы можем понять, все, что говорит нам природа, все,

что говорит нам Господь Бог, есть в музыке, есть в движении!

Старику на глазах становилось лучше. Даже глаза его теперь блестели не от лихорадки, а от возбуждения.

— Жаль, что он учился у меня так недолго. Но ему мое учение пошло на пользу. Я слежу за его успехами, парень.

— Правда? — вежливо спросил Жером. Ему не терпелось перейти к делу. Каждая лишняя минута, проведенная в этой квартире, казалась ему недопустимой роскошью.

— О них, знаешь ли, в газетах пишут. Правда, немцы все перевирают, но умный человек может и из бочки лжи выцедить капельку правды.

— И кто же это — Иванович?

Гурджиев посмотрел на него, как на умалишенного.

— Я же сказал тебе — мой лучший ученик. У меня был в Тифлисе небольшой кружок единомышленников. Мы изучали суфийскую мудрость, священные танцы... Ты любишь танцевать?

— Да, — честно ответил Жером. — Но не знаю ни одного священного танца.

— Я мог бы тебя научить... но ведь тебе... или, правильнее сказать, Ивановичу, другое от меня нужно?

— Вы совершенно правы. Я должен расспросить вас о двух немцах. Карле Хаусхоффере и Дитрихе Эккарте. Вы же их знаете?

— Знал, — поправил его Гурджиев. — Эккарт умер.

— Можете мне о них рассказать?

Старик хмыкнул.

— Что именно? Какие сорта шнапса предпочитал старый пьяница Дитрих? Или какие привычки Карла выводили меня из себя во время нашей экспедиции в Тибет? Научись, наконец, ставить вопросы правильно! Неужели в советской разведке этому не учат?

— Гипноз, — сказал Жером. — Все, что связано с гипнозом. И с Гитлером.

Минуту Гурджиев раздумывал. Потом вдруг хлопнул в ладоши и пружинисто поднялся на ноги.

— Кажется, я понял. Это знак, парень. Поехали, я покажу тебе кое-что.

У Гурджиева был автомобиль — новенький шестицилиндровый «Ситроен» с откидывающимся верхом. Сев за руль, маг преобразился — теперь он выглядел лет на десять моложе и гораздо бодрее. Недомогание как рукой сняло — даже голос, натолкнувший Жерома на мысль о фарингите, стал молодым и звонким.

— Одет ты, конечно, как клошар, — сказал он, искоса поглядывая на сидящего рядом Жерома. — Публика подумает, что я стал набирать учеников среди городского отребья. Ну да ничего, в поместье найдется пара приличных костюмов.

— В поместье? — переспросил Жером. — Мы едем за город?

— Ты поразительно догадлив, мой молодой идиот. Мы едем в мою школу танцев.

«Только проверок на дорогах мне не хватало», — подумал Мушкетер. Последнее время люди Оберга, напуганные активностью маки², ужесточили контроль над загородными трассами.

— Вы уверены, что не можете ответить на мои вопросы где-нибудь в Париже? Мы могли бы посидеть в кафе, я с удовольствием угощу вас арманьяком...

Гурджиев добродушно рассмеялся.

— Считаешь меня алкоголиком, а? Да, я не прочь иногда выпить рюмку-другую, но это же не повод, чтобы пропускать занятия!

— Какие занятия?

— В моей школе, идиот! Да будет тебе известно, что я учи-

² Так называли во Франции партизан, активных участников Сопротивления. От французского слова *maquis* – густой кустарник, растущий на юге Франции.

тель танцев — лучший в Париже. Не скрою, я давно не посещал мою школу... из-за болезни... но ты вылечил меня, и теперь я просто обязан туда отправиться.

Они пронеслись мимо двух полицейских, сидевших на приземистых черных мотоциклах. Полицейские удивленно посмотрели им вслед.

— А вы уверены, что вас там ждут? — не сдавался Жером.
— Вы же сами сказали, что давно там не появлялись.

— И что с того? Занятия можно проводить даже с одним учеником.

«Ситроен» бодро мчал мимо Булонского леса. Машин на шоссе было мало, но Мушкетер с тревогой отметил, что Гурджиев почти не смотрит на дорогу.

— А если мы наткнемся на патруль? — спросил он. — У вас есть с собой документы?

Старик похлопал себя по карману кожаной шоферской куртки.

— Не волнуйся, парень, эти бумажки производят впечатление на бошей.

— Надеюсь, — вздохнул Жером.

Их остановили при въезде в Мальмезон. До оккупации там находился пост дорожной жандармерии — одноэтажное белое здание с цветами на окнах. Новые хозяева выбросили цветы и забрали окна железными решетками, а на плоской крыше установили снятый с танка пулемет. Дорогу теперь перегораживал шлагбаум, за сто метров до него вдоль дороги были поставлены фанерные щиты с надписями на немецком и французском: «Сбросьте скорость!», «Проезжать без остановки запрещено!», «Приготовить документы!». Гурджиев послушно притормозил перед шлагбаумом. Из домика, не торопясь, вышел усатый офицер в форме полиции порядка. Остановился в трех шагах от машины и замер, как статуя.

— Вот ведь мерзавец, — сказал Гурджиев по-русски. Же-

ром стиснул зубы. — Хочет, чтобы я к нему вышел — я, старый человек!

Офицер выпятил челюсть. Вряд ли он владел русским, но говорить при нем на незнакомом языке явно не стоило.

— Вы не могли бы подойти к машине, месье? — страдальческим тоном произнес Гурджиев, переходя на французский. — У меня ужасно болят ноги!

— Ферботтен, — рявкнул офицер. — Вам должно выйти и предъявить документы!

— Это может сделать за меня мой спутник?

Полицейский выпучил глаза.

— Выйти из машины, быстро! Оба!

На крик из домика выглянул толстомордый сержант. В руках у сержанта был автомат с коротким стволом. «Обидно», — подумал Жером. Страх он не испытывал — только жуткую злость на вздорного старика.

— Ничего не поделаешь, — театрально вздохнул Гурджиев. — Придется подчиниться...

Немилосердно кряхтя, он начал выбираться из машины. Жером открыл дверцу со своей стороны и поставил ногу на землю. В подошве ботинка пряталась остро заточенная стальная стрелка — ей Мушкетер рассчитывал *снять* толстомордого автоматчика. Но двоих полицейских сразу бесшумно нейтрализовать не получится, наверняка начнется стрельба, а против пулемета на крыше не больно-то повоюешь. Ладно — как говаривал Наполеон, чья резиденция была достопримечательностью Мальмезона, сначала вяжемся в бой, а потом посмотрим. Жером наклонился, делая вид, что завязывает шнурок, и тяжелая метательная стрелка скользнула ему в ладонь левой руки.

— Прошу вас, месье, — Гурджиев уже доковылял до офицера и протянул ему документы. — Мне весьма нелегко, но я соблюдаю законы. Если месье говорит, что надо выйти из машины — я выйду, хотя это и стоит мне значительных усилий.

— Молчать! — рявкнул полицейский. Его глаза, и без того наводившие на мысль о базедовой болезни, совсем вылезли из орбит. — Вы есть русский?

— Наполовину, — с достоинством ответил Гурджиев. — Я родился в Армении. Прошу вас, месье, ознакомьтесь вот с этим документом...

Сержант-автоматчик уже шел к ним через двор.

— Майн готт, — сказал вдруг усатый совершенно другим голосом. — Я... я не знал... Господин Гурджиефф, я приношу вам своих самый глубокий и искренний извинений! Я очень сожалею, что заставил вас выйти из машины, но это есть дисциплина, вы должны понимать!

Он обернулся к сержанту и яростно махнул на него рукой — не нужен, исчезни!

— Вы и ваш спутник можете проезжать, — полицейский попробовал изобразить улыбку. — Все в порядке, аллес гут. Могу я иметь надежда, что вы не станете жаловаться господину Кнохену на мои действий, кои есть только и единственно следствие стремления к порядку?

— Хорошо, — печально согласился Гурджиев, — я ничего не скажу господину Кнохену. Прощайте, месье!

Жером почувствовал, как у него вспотели ладони, и незаметно опустил стрелку в карман. «Еще минута, и я бы начал действовать, — подумал он. — Чертов старик, не мог сразу сказать, что у него аусвайс, подписанный самим Кнохеном!»

Гельмут Кнохен числился заместителем Оберга, шефа парижского гестапо, подходы к которому Мушкетер безрезультатно пытался найти последние несколько месяцев. В отличие от Оберга и других боссов гестапо, Кнохен был молод, прекрасно образован и обладал отменным художественным вкусом. Он вел светскую жизнь и считался завсегдатаем аристократических салонов Парижа. Мало кто знал, что в действительности создателем машины тайного сыска, наводившей ужас на всех парижан, был именно этот элегантный интеллектуал, а

Оберг только пользовался его разработками.

— Откуда вы знаете Кнохена? — спросил Жером, когда Гурджиев, по-прежнему кряхтя и охая, забрался на водительское сидение «Ситроена». Усатый полицейский уже скрылся из виду, шлагбаум перед ними медленно начал ползти вверх.

— Ага! — хохотнул старик. — Ты тоже удивился, я видел! А ведь я говорил тебе, что мои бумажки производят на этих тараканов впечатление!

— Откуда вы знаете Кнохена? — терпеливо повторил Мушкетер. «Ситроен» медленно проехал под шлагбаумом и весело запылил по раскаленным полуденным улицам Мальмезона.

— А, ну да, ты же разведчик, тебе все нужно знать... Ладно, так и быть, скажу. Любовница Кнохена, баронесса д'Эспер, учится в моей школе.

— Школе танцев?

— Какой же ты тупой идиот! Я разве сказал, что у меня есть другая школа? Когда-то, конечно, были и другие. В Тифлисе в двадцатом году я открыл Институт гармоничного развития человека... и потом, в Америке... Но теперь все, что у меня осталось — это моя маленькая школа танцев. Боши ее не трогают, потому что баронесса д'Эспер специально попросила Кнохена оставить меня в покое. И этот идиот Кнохен сам приезжал посмотреть, как я обучаю танцам. Представляешь, ему так понравилось, что он захотел взять у меня несколько занятий!

— Потрясающе, — пробормотал Жером. Неужели это и есть причина загадочного безразличия оккупационных властей к старому чудаку? Покровительство любовницы всесильного Кнохена? Не так уж и невероятно. В этом случае незачем и тратить на наружное наблюдение — все необходимое можно узнавать через ту же баронессу д'Эспер.

— И что же, вам удалось чему-нибудь научить Кнохена? — спросил он.

— Пока нет. Проклятая Луна помешала мне. Я заболел... стал

сонливым, вялым. Если бы не ты, парень, я спал бы еще много дней. Но ты привез мне привет от Ивановича, и я понял, что это знак! Пора просыпаться.

— Если уж вы все равно проснулись, может, расскажете мне о Хаусхоффере и Эккарте?

— Умей быть терпеливым! Если бы ты учился в моей школе, то часами стоял бы без движения, держа на голове пиалу с водой. Твой главный недостаток, парень — это отсутствие терпения. Ты очень быстрый, я вижу, у тебя хорошие мускулы и отличная реакция, но это тебя и подводит. Тебе трудно сдерживать энергию, она рвется из тебя, как пар из чайника. А ты не должен быть чайником, ты должен быть змеей!

— Почему змеей?

— Змея может часами лежать неподвижно, греясь на камне. А потом мгновенно развернется, словно стальная пружина, и нанесет молниеносный удар! У нее не меньше энергии, чем у тебя, а вот терпения гораздо больше. И если ты научишься быть змеей, твои враги окажутся бессильны.

— Жаль, что у меня мало времени, — сказал Жером. — Я бы с удовольствием у вас поучился.

«Надо запросить у Центра санкцию на новую игру, — подумал он. — Пойти в ученики к Факиру, познакомиться с баронессой д'Эспер, очаровать ее, через нее выйти на Кнохена... Потрясающе перспективная может выйти комбинация, все эти мелкие бандиты, Рюди де Мероды и Шамберлены по сравнению со вторым человеком в парижском гестапо просто не стоящая внимания шантрапа...»

— Времени у тебя столько, сколько нужно, — наставительно произнес старик. — Ты — хозяин своего времени, а не наоборот.

— Если бы, — хмыкнул Жером.

Машина свернула на усыпанную щебнем дорогу, уходящую вглубь золотистых полей. У Мушкетера, давно не выбиравшегося из города, даже голова закружилась от напоянного

цветочными ароматами свежего воздуха.

— Красивая страна, — проговорил Гурджиев по-русски. — Но Кавказ все равно красивее. Я, кстати, бывал в Цхинвале, парень. Может быть, у нас там даже есть общие знакомые...

«Вот же настырный старик!» — раздраженно подумал Жером.

— Не хочешь говорить? Ладно, дело твое. Только имей в виду — того, кто ищет башни Сатаны, твой французский все равно не обманет. Он сразу поймет, кто ты такой.

Жером понятия не имел, о ком шла речь в предыдущем послании Центра, и полагал, что никогда этого не узнает, но любопытство оказалось сильнее осторожности.

— О чем вы говорите?

— О *предметах*. У него наверняка есть *предметы*.

— Какие предметы?

— Долгая история, парень. А мы, между тем, уже почти приехали.

— Так нечестно! — запротестовал Жером. — Если уж сказали «а», говорите и «б»!

— Значит, ты признаешь? — быстро спросил Гурджиев.

— Что признаю?

— Что на самом деле тебя зовут Георгий, и ты родился в Цхинвале.

— А что, у вас тоже есть предметы? — наугад спросил Мушкетер.

Гурджиев крикнул.

— Почему ты так решил?

— Ну, если тот человек может узнать обо мне все, потому что у него есть предметы, логично предположить, что они есть и у вас.

— А ты хитер, парень! — в голосе старика слышалось одобрение. — Нет, у меня их нет. К сожалению, а может, и к счастью. В общем-то, они мне не очень нужны, потому что я не сплю. Обычно не сплю. А предметы помогают тем, кто хочет

управлять сновидением.

— Каким сновидением? — не понял Жером.

— Тем, которое вы называете жизнью.

«Ситроен» остановился перед свежевыкрашенными голубой краской воротами. Гурджиев несколько раз требовательно погудел клаксоном.

— Вот мы и прибыли. Это поместье «Платан», оно принадлежит одному из моих учеников, художнику. Художник он весьма посредственный, но человек очень щедрый, что среди французов редкость.

Ворота отворил зловещего вида горбун в кожаной жилетке, надетой прямо на голое тело. При виде Гурджиева он заулыбался и что-то бессвязно залопотал. Старик высунулся из машины и одобрительно похлопал его по волосатой руке.

— Это Филипп, — пояснил он Жерому. — Добрый малый, хотя и родился идиотом.

— Если не ошибаюсь, — сказал Мушкетер, — согласно вашей теории, все мы идиоты.

— Филипп — истинный идиот. В медицинском смысле этого слова. Родителям он оказался не нужен, в приюте его все шпыняли... Ему повезло, что он попал к Пьеру. А вот, кстати, и Пьер.

Из дома вышел человек, одетый в синюю, запачканную красками блузу. На взгляд Жерома, он походил не на художника, а на маляра, которого оторвали от покраски забора.

— Учитель! — закричал он на весь двор. — Мари! Мари! К нам приехал месье Гурджиев!

— Экзальтированный идиот, — вполголоса сказал старик. — Впрочем, жена его очень мила.

Он открыл дверь и выбрался из машины. Двигался он ловко и плавно, как вышедший на прогулку кот. Жером давно подозревал, что весь спектакль с больными ногами был разыгран лишь для пущего драматического эффекта.

— Какая приятная неожиданность! — художник терзал в

руках полотенце, яростно оттирая краску с ладоней. — Месье Гурджиев! Дорогой учитель! Как вы себя чувствуете?

— Превосходно! — Гурджиев приобнял его за плечи. — Вот этот молодой человек меня вылечил. Познакомьтесь, Пьер, этого господина зовут Жером, он археолог из Сорбонны. Не обращайте внимания на его костюм, он был вынужден скрываться от ревнивого мужа, вооруженного пистолетом. Может быть, у вас найдется что-нибудь поприличнее этих обносок? Я хочу показать Жерому мою школу танцев.

Пьер и Жером обменялись рукопожатиями.

— Мерзкие это типы — ревнивые мужья! — подмигнул Жерому художник. — Не беспокойтесь, я найду вам хороший костюм. Итак, месье Гурджиев, могу ли я надеяться, что вы возобновите наши занятия? Скажу честно, мне их очень не хватало. Да и писать стало трудновато. Как будто исчезло что-то неуловимое, какое-то волшебство!

— Оно вернулось, — оборвал его излишняя старик. — Приготовьте танцевальный зал, да позвоните в Париж Фредерику и Изабель, пусть приезжают сегодня же!

— Отлично, месье Гурджиев! — Пьер сиял, как начищенный медный таз. — Я немедленно все сделаю. Мари! Ну где же ты? Мари!

Появилась и Мари — прелестная блондинка с голубыми глазами и по-деревенски румяными щечками. Увидев Гурджиева, она взвизгнула и бросилась к нему на шею.

— Ну-ну, девочка, — ласково сказал старик, поглаживая ее по спине. — Я тоже рад тебя видеть. Надеюсь, ты приготовишь сегодня на ужин мою любимую баранину с травами?

— Не сомневайтесь, Учитель! Только, может быть, вы перед этим нам сыграете?

— Проказница! — Гурджиев звонко шлепнул ее по попке. — Тебе бы все плясать! Ладно, шалунья, для тебя я сыграю. Но сначала приведи в порядок зал, ты же знаешь, я не терплю пыли!

— Теперь ты видел, что такое священный танец, — сказал Гурджиев. Пьер и Мари, совершенно обессиленные, лежали в плетеных креслах, похожие на брошенных в корзину марионеток. — Он может быть очень веселым, а может походить на битву. Может наполнять тебя дикой энергией, а может отнимать все, что у тебя есть — вот как сейчас.

— Зачем? — спросил Жером. — Если танцевать только для того, чтобы так вымотаться, лучше пойти и порубить дрова — пользы больше.

Гурджиев фыркнул.

— Они счастливы сейчас. Они только что общались с Богом.

— Предположим, я не хочу общаться с Богом. Зачем мне тогда священный танец?

Старик пощипал усы.

— Ты хочешь получить ответы на свои вопросы?

— Разумеется.

— Поэтому ты задаешь их мне. Тебя так учили — если надо что-то узнать, ты ищешь человека, который обладает этими знаниями, и спрашиваешь у него все, что тебе нужно. Ты к этому привык.

— Разве это неправильно?

— Что значит «правильно» или «неправильно»? Помнишь, о чем я тебе говорил? Ты спишь! И все люди в мире спят! «Правильно» и «неправильно» — это категории, существующие внутри сна. Вот они, — Гурджиев кивнул на распластанных в креслах Пьера и Мари, — только что просыпались. Теперь они снова заснут, но воспоминания о реальности будут посещать их еще долго. Помнишь, что Пьер говорил о волшебстве?

Жером нетерпеливо кивнул.

— К чему вы все это мне рассказываете?

— К тому, что вырвавшись из сна, ты можешь получить от-

веты на все свои вопросы. Тебе нужно только сконцентрироваться, чтобы не забыть, что ты хочешь узнать.

— Вы за этим сюда меня притащили?

— А зачем же еще? Ну что, ты готов?

— Не проще было воспользоваться обычным путем?

— Ты бы не поверил.

— Я и в башни Сатаны не поверил.

— Знаю. Поэтому и хочу дать тебе урок танца. Последний раз спрашиваю: ты готов?

Жером вспомнил застывшие в трансе лица крутившихся на пятках хозяев дома и с трудом поборол желание сказать «нет».

— Готов. Что мне нужно делать?

— Иди сюда, — Гурджиев показал на начерченный на полу меловой круг. — Встань прямо, сдвинь носки, вытяни руки вверх. Закрой глаза. Прислушайся к себе. Когда начнет играть музыка, двигайся так, как велит тебе твое тело. Не открывай глаза, пока не увидишь яркий белый свет. Если я буду дотрагиваться до тебя, не пугайся — я лишь направляю твои движения. Когда вспыхнет свет, можешь задавать свои вопросы.

— И все? — недоверчиво спросил Жером. — А если света не будет?

— Если света не будет, значит, ты никудышный танцор и я в тебе ошибся, — отрезал старик. — Ну, начинай же!

Мушкетер пожал плечами и прошел на середину комнаты. Встал в круг, поднял руки к потолку и закрыл глаза.

Когда старик заиграл на своем дудуке, Жерому стало смешно. В самом деле, трудно представить себе более комичную ситуацию — он, опытный разведчик, танцует под дудку ловкого шарлатана, живущего за счет доверчивых дурачков, вроде Пьера и Мари... Он прислушался к себе — не желает ли тело пуститься в пляс. Тело не желало. Тело сотрясали приступы хохота. Жером с трудом удерживался от того, чтобы не засмеяться в голос. Неужели этот хитрый старик действительно

думает, что сумеет облапошить его, профессионала, пришедшего в Иностраннный отдел ГПУ еще в тридцать втором году? Его, вчерашнего выпускника медицинского института, брал на работу сам Менжинский — сотрудников в Иностранном отделе было мало, к каждому требовался индивидуальный подход. Вручая ему удостоверение сотрудника ГПУ, Менжинский сказал: вы должны быть готовы ко всему. Вы врач, но если понадобится нарушить клятву Гиппократ, вы должны быть готовы ее нарушить. Вы лечите людей, но если потребуется убить человека, вы должны сделать это, не задумываясь. Отныне вы не принадлежите себе — вы стали частью могучего организма, его глазами и ушами, а если придет нужда — станете его ядовитым когтем...

Кто-то сильно дернул его за локоть, и Жером почувствовал, что его повело влево. Конвульсии, сотрясавшие его тело, постепенно переходили в какие-то ритмические движения. Ноги сами собой выводили замысловатые кренделя. Дудук играл все громче, в ушах шумело так, как будто он пропустил хороший крюк в челюсть. Ужасно хотелось открыть глаза, но Жером хорошо помнил предостережение старика. «Интересно, как я выгляжу сейчас со стороны?» — подумал он, и согнулся пополам от нового приступа хохота.

Музыка накатывала на него ревущими валами, он боролся с ней, как пловец с бушующим морем, захлебывался ей, взмывал на вершину волны и падал в темные бездны. Где-то в вышине, в разрывах фиолетовых облаков, светили редкие звезды, он тянулся к ним, пытался достать их руками, но звезды были слишком высоко, и их хрустальный звон терялся в басовитом гудении беснующихся вод. Его крутило и бросало, как щепку в водовороте, в голове выл ветер и гремели грозовые раскаты, и исполинские молнии били из разорванных надвое небес в черное чрево моря.

«Я готов ко всему, — повторял Жером про себя, — это только музыка, проклятая музыка, когда она закончится, я сломаю

чертов дудук об колено и выкину его к свиньям собачьим, это всего лишь звуки, я выдержу, я должен быть готов ко всему».

Но когда перед закрытыми глазами Жерома вспыхнул прожектор в миллион свечей, он все-таки закричал.

Он пришел в себя в одном из плетеных кресел. Тело болело так, как будто по нему час маршировала рота солдат, но голова была удивительно свежей. Жером огляделся — старик сидел в другом кресле, положив на колени шахматную доску и задумчиво переставлял фигуры. Ни Пьера, ни Мари в комнате не было.

— Теперь ты все знаешь, — сказал Гурджиев, не поднимая головы.

— Так это все правда? — спросил Жером и тут же устыдился своего вопроса. Он *знал*, что это было правдой. — Значит, Иванович...

— Да, — кивнул маг. — Если бы он проучился у меня подольше, то наверняка смог бы сам получить ответы на все свои вопросы. Для такого способного юноши это не составило бы большого труда. Но он учился недолго, да и я был тогда слишком молод, и не обладал такими знаниями, как сейчас. Поэтому ему поневоле приходится использовать таких, как ты.

— Но разве он мне поверит? Я хочу сказать, что я ведь только промежуточная инстанция, почтовый ящик. Я, конечно, сообщу все кому следует... но это настолько необычно, что до него может и не дойти.

— Понимаешь теперь, почему я не хотел рассказывать тебе о предметах? — прищурился Гурджиев. — Для *спящего* это звучит, как сказка. Твоя задача заключается в том, чтобы тебе поверили. Это будет непросто, но у тебя получится.

— Откуда вы знаете?

— Просто знаю. У тебя есть голова на плечах, хоть ты и идиот. Подумай.

Жером осторожно пошевелил плечами. Боль в мышцах потихоньку отступала.

— Если бы у меня был предмет, который можно было продемонстрировать... Думаю, это убедило бы даже самых больших скептиков.

— Тут я тебе ничем помочь не могу, — вздохнул старик. — У меня никогда не было ни одного предмета, хотя я знал людей, которые...

Он оборвал фразу и странно поглядел на Мушкетера.

— Что? — насторожился тот. — Вы что-то придумали?

Гурджиев аккуратно поставил шахматную доску на пол и поднялся с кресла.

— Пойдем, прогуляемся. Мари готовит ужин, но печеная баранина должна как следует протомиться в печи, так что время у нас есть.

Жером последовал его примеру и едва не упал — ногу свело жестокой судорогой.

— Что ты скрипишь зубами, как старая дева, мечтающая о гусарском поручике? — прикрикнул Гурджиев. — В твоём возрасте я бы уже прыгал, как горный козел!

— Не сомневаюсь, — огрызнулся Мушкетер. — Что вы со мной сделали?

— Всего лишь обучил тебя паре трюков. Особенно хорошо ты выглядел, когда стоял на мостике и пытался дотронуться мыском ноги до собственного затылка. Хватит болтать, пойдем!

Жером, преодолевая боль в затекших ногах, поплелся за стариком. Они вышли на заднее крыльцо — отсюда открывался великолепный вид на залитые июньским солнцем поля и окруженное раскидистыми платанами озеро.

— Чудесное местечко, — заметил Гурджиев. — Но для Пьера оно стало настоящим проклятием. Так как художник он довольно средний, то последние десять лет рисует только здешние пейзажи. Никакого развития. Я пытался подтолкнуть его,

но без толку. Проснуться-то он может, а вот использовать полученные знания — нет.

— Вы говорили, что предметы служат для управления сно-видением, — сказал Жером. — Это значит, что в реальном мире — в том, что вы называете реальным миром — они бесполезны?

— Нет, не бесполезны. Более того — я подозреваю, что они и есть частицы реального мира во всеобщем сне человечества. Но истинного их предназначения нам, боюсь, узнать не дано.

— И даже вам?

— Даже мне. Видишь ли, за всю мою жизнь я никогда не испытывал соблазна получить предмет... наверное, если бы я захотел, то нашел бы его, но я не хотел. Когда мы с Хаусхоффером были в тибетской экспедиции, у него даже руки тряслись — так он желал заполучить свою серебряную змейку... Бедный идиот! Можно подумать, Змея сделала бы его счастливее... Однажды я встретил человека, которому действительно удалось найти предмет. И уверяю тебя, счастливым он от этого не стал.

— И кто же это был?

— Советский студент. Это было в Средней Азии, в тридцать четвертом году. Мы как раз поругались с Карлом, и я оставил его искать свою судьбу в тибетских ущельях. Советская граница была недалеко. Мне захотелось поглядеть на страну, в которой я когда-то родился, и я перешел ее.

— И пограничники, конечно, вас не заметили? — усмехнулся Жером.

— Конечно, нет. Послушай, дорогой, я перехожу границы с четырнадцати лет. Когда я был молод, я пешком исходил всю Азию от Китая до Аравии. Если нужно, я могу стать тенью самого себя. Короче говоря, я оказался в Советском Туркестане. Неподалеку работали археологи, и я прибил к их отряду. Среди них был один парень, который показался мне забавным. Он все хотел понять, что движет народами, когда

они идут войной друг на друга, откуда берутся великие правители, почему одним дано повернуть колесо истории, а других это колесо безжалостно давит... И еще он писал стихи.

Гурджиев задумался, припоминая. Потом поднял палец и начал читать по-русски:

Дар слов, неведомый уму,

Мне был обещан от природы.

Он мой. Веленью моему

Покорно все; земля и воды,

И легкий воздух и огонь

В одно мое сокрыты слово,

Но слово мечется, как конь,

Как конь вдоль берега морского³.

— Однажды я сидел у костра и разговаривал с землекопом из далекой горной деревушки. Он почти не знал русского, и мы беседовали на фарси. Мы говорили о поэзии. Даже неграмотные памирцы хорошо знают и любят стихи — Фирдоуси, Руми, Хайям... И тут этот парень подошел к нам, присел и стал цитировать «Шахнаме». На отличном персидском. Я удивился. Я знаю семь языков, но я много путешествовал, и к тому же я говорю на них с акцентом. А парень говорил так, будто родился в Тебризе.

³ Стихи Льва Гумилева

— Сколько ему было лет?

— Лет двадцать, не больше. Я спросил его, откуда он знает фарси, а он засмеялся и ответил, что знает все языки в мире. Я, конечно, не поверил ему и заговорил с ним по-армянски. Он ответил — и опять очень чисто, без малейшего акцента. Так же хорошо он говорил на грузинском, на немецком и на пушту. Больше я не стал его проверять. Я пригляделся и увидел, что когда он говорит, то все время держит левую руку в кармане брюк. Тогда я перешел на русский и мы какое-то время болтали о разных пустяках. Потом я закурил трубку, а он достал папиросы. Чтобы зажечь папиросу, нужны обе руки, и он вытащил левую руку из кармана. В этот момент я неожиданно спросил его по-армянски «кто были твои родители?». Он посмотрел на меня недоуменно, и хотел снова сунуть руку в карман, но я удержал его. Я задавал ему один и тот же вопрос на разных языках, и только когда я перешел на немецкий, он кое-как меня понял. В общем, я его перехитрил. У него был секрет, и этот секрет помогал ему говорить на всех языках земли. В конце концов я уговорил его показать мне то, что он прятал в кармане брюк. Это оказалась фигурка попугая, сделанная из серебристого металла.

— Тоже *предмет*?

— Конечно. Попугай давал своему владельцу дар глоссолалии⁴, только его надо было обязательно сжимать в руке или хотя бы дотрагиваться пальцами. У некоторых предметов есть такая особенность — у некоторых, но не у всех.

— А откуда он его взял?

— Нашел в одной из черных башен. Помнишь, я рассказывал тебе легенду о Башнях Сатаны?

Жером кивнул.

— Шутка в том, что это не совсем легенда. Одна из этих

⁴ Глоссолалия – «говорение на языках», чудесный дар, появившийся первоначально у апостолов. В настоящее время проявляется чаще всего как неконтролируемая способность, официальной медициной рассматривается как психическое отклонение.

башен находится как раз в Туркестане, и моему студенту посчастливилось на нее наткнуться. Сначала он хотел отдать попугая начальнику экспедиции, но вовремя понял, что эта штука совсем не так проста, как кажется. Я не знаю, как он догадался о глоссолалии. Умный был парень, вот и додумался. Но дальше его ожидало жестокое разочарование. Он-то хотел использовать попугая для того, чтобы разгадывать тайны прошлого, читать древние тексты. А дар попугая относился только к живой речи! Мертвые языки, на которых никто не мог произнести ни слова, оставались для студента такой же загадкой, как и для всех прочих людей. Он ужасно переживал, поверь мне. Тогда-то и написал это стихотворение...

Я вижу — тайна бытия

Смертельна для чела земного,

И слово мчится вдоль нея,

Как конь вдоль берега морского

— А что с ним стало потом? — спросил Мушкетер.

— Не знаю, — Гурджиев метнул на него острый взгляд. — А почему ты спрашиваешь?

— Если бы удалось его найти... и если предмет все еще у него... это стало бы убедительным доказательством существования других предметов.

— А ты сообразительный идиот, парень, — одобрительно сказал старик. — Что ж, вот тебе и ответ.

— Вы случайно не помните, как его звали?

— Случайно помню. Его звали Лев Гумилев. Он был сыном поэта Николая Гумилева, которого большевики расстреляли в восемнадцатом году в Петрограде.

Некоторое время они шли молча. Жером подобрал где-то палку и со свистом срубал желтые головы подсолнухам. Не дойдя до озера, старик вдруг решительно повернул обратно к дому, как будто вспомнил о каком-то важном деле. Жером, попрощавшись с надеждой искупаться, неохотно последовал за ним.

Над трубой «Платана» поднимался голубоватый дымок. Запах запеченной с травами баранины щекотал ноздри. Только сейчас Жером почувствовал, как бешено проголодался — за весь этот длинный, наполненный событиями и открытиями день он съел только круассан с джемом, и было это в восемь часов утра.

— Уже вернулись? — весело закричал Пьер, накрывавший на стол в увитой плющом и цветами беседке. — А мясо еще не готово! Впрочем, это даже хорошо — выпьем пока по рюмочке красного!

— Надеюсь, арманьяк у тебя тоже остался, — проворчал Гурджиев. — Или ты уже забыл мои вкусы?

— Разумеется, остался! — Пьер жестом фокусника извлек откуда-то пузатую бутылку. — Урожай двадцать восьмого года, господин Учитель! Ваш любимый!

Он осторожно налил арманьяк в толстостенный бокал и торжественно протянул Гурджиеву.

— Ну, а мы с вами, Жером, продегустируем «Шато дю Рон» тридцать четвертого, если вы, конечно, не против.

— Отличный выбор, — улынулся Мушкетер.

— За нашего Великого Учителя! — провозгласил Пьер, поднимая бокал. Гурджиев довольно фыркнул.

— Кстати, как вам понравился первый урок танцев? — спросил художник Жерома, когда они отпили по глотку вина. — Не правда ли, это нечто потрясающее?

Жером не успел ответить. За воротами послышался шум автомобильных моторов, громко заквакал клаксон.

— Филипп! — крикнул Пьер. — Открой, у нас гости!

Горбун, неловко переваливаясь, побежал через двор.

— Кто бы это мог быть? — размышлял вслух художник. — Неужели Фредерик так быстро разобрался со своими делами?

Филипп распахнул створки ворот. Мимо него, один за другим, медленно проехали три черных автомобиля, и во дворе сразу же стало тесно.

У Жерома засосало под ложечкой. У всех трех машин были номера IV отдела Службы безопасности.

Из двух автомобилей, как черный горох, посыпались здоровенные парни в фуражках со скрещенными молниями и повязками с буквами SD на левом рукаве. Они выстроились в два ряда, прикрывая с боков центральную машину, окна которой были закрыты темными шторками.

Шофер центральной машины подскочил к задней левой дверце и услужливо распахнул ее. На усыпанный опилками двор ступил высокий, атлетически сложенный господин с усталым и надменным лицом. Вслед за ним появилась изящная дама, одетая в элегантный брючный костюм бежевого цвета. Дама была удивительно красива, но Жером смотрел не на нее, а на высокого господина. Эти серые внимательные глаза, этот высокий лоб интеллектуала, эти коротко постриженные темные волосы были хорошо ему знакомы.

В двадцати шагах от Жерома стоял штандартенфюрер СС Гельмут Кнохен.

Оперативные документы

Мушкетер — Центру.

Провел беседу с Факиром. По информации Факира, в 1922 или 1923 году Адольф Гитлер получил от Дитриха Эккарта предмет, представляющий собой фигурку орла, выполненную из серебристого металла неизвестного науке происхождения. Эта фигурка обладает свойством значительно усиливать гипнотические способности своего владельца (по словам Факира, речь идет о трансляции мозговых волн). Для

получения необходимого эффекта владелец обязательно должен прикасаться к фигурке (сжимать ее в руке).

Гипнотизерский дар Адольфа Гитлера, позволяющий ему подчинять своей воле толпы людей или отдельных личностей, связан, по глубокому убеждению Факира, только и исключительно с этой фигуркой.

Факир утверждает, что существуют и другие предметы, наделяющие своих владельцев необычными способностями. Целью немецких археологов, проводивших исследования на берегах озера Рица, в замке Кахтице в Трансильвании и монастыре Тце-Лунг в Тибете, мог быть поиск такого рода предметов. Во всяком случае, Карл Хаусхоффер, организовавший в конце двадцатых годов экспедицию в Тибет, искал там предмет, позволяющий перемещаться в пространстве (фигурка змеи).

Что касается предмета «орел», то по информации, полученной мной из независимого источника, на протяжении нескольких лет (1917 — 1922) этот предмет находился в Советской России. Таким образом, представляется возможным организовать поиск лиц, которые обладают сведениями об использовании или изучении этого предмета на территории СССР.

Кроме того, по сведениям Факира, один из предметов был обнаружен во время археологических раскопок в Средней Азии студентом-историком Львом Гумилевым. Факир якобы видел этот предмет (фигурку попугая) у Гумилева во время своего кратковременного посещения СССР в 1934 году.

Сообщаю также, что во время моего пребывания в загородном доме друга Факира, художника Пьера Дюбуа, я установил личный контакт с заместителем шефа парижского гестапо Гельмутом Кнохеном, которому был представлен как ученый-археолог, берущий у Факира уроки танцев. Кнохен, любовница которого, баронесса Изабель д'Эспер, является одной из ближайших учениц Факира, охотно поддержал беседу о научных достижениях древних цивилизаций и проявил определенный интерес к продолжению нашего знакомства. Исходя из этого, прошу санкционировать разработку оперативной игры с Гельмутом Кнохеном, вторым (а фактическим первым) человеком в парижском гестапо.

Мушкетер.

Совершенно секретно!

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

Товарищу В.С. Абакумову

В соответствии с Вашим распоряжением от 18 июня, передаю Вам расшифровку последнего сообщения, переданного из Парижа агентом «Мушкетер». Считаю обоснованным предложение «Мушкетера» о разработке Гельмута Кнохена, как наиболее перспективного источника информации в парижском гестапо.

Прошу Ваших указаний

Фитин

Совершенно секретно!

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

Товарищу П.Фитину

Разработку агентом «Мушкетер» Гельмута Кнохена категорически запрещаю. Примите все возможные меры для немедленного возвращения агента «Мушкетер» на территорию Советского Союза. При необходимости задействуйте оперативные резервы в Бельгии, Голландии и нейтральных странах.

Абакумов

Совершенно секретно!

Снятие копий строго запрещается
Хранить наравне с шифром
В случае опасности захвата противником,
подлежит немедленному уничтожению.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

НАЧАЛЬНИКАМ УПРАВЛЕНИЙ ОСОБЫХ ОТДЕЛОВ, НАЧАЛЬНИКАМ ОСОБЫХ ОТДЕЛОВ ФРОНТОВ, АРМИЙ, ВОЕННЫХ ОКРУГОВ, ГАРНИЗОНОВ, СПЕЦЛАГЕРЕЙ, ЗАПАСНЫХ СРЕЛКОВЫХ БРИГАД И ПОЛКОВ

Принять все меры для установления местонахождения Гумилева Льва Николаевича, 1913 года рождения, русского, уроженца г. Ленинграда. С приказом ознакомить всех оперативных работников особых отделов. О результатах докладывать немедленно.

Начальник Управления Особых Отделов НКВД СССР,
комиссар госбезопасности 3-го ранга
В.С. Абакумов

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Инквизитор

Москва, июнь 1942 года

— Значит, орел, — задумчиво проговорил Сталин, водя черенком трубки по бумаге. Зрение у него портилось с каждым годом, а очки он носить стеснялся, поэтому донесения ему печатались на машинке с увеличенным шрифтом. — А почему именно орел, товарищ Абакумов? Вы не задумывались?

— Полагаю, потому, товарищ Сталин, что орел с давних времен был символом высшей власти. В древнем Риме, например. Да и у наших царей тоже.

— Царь-птица. Да, может быть. Как вы думаете, откуда прилетела к Гитлеру эта птичка?

Абакумов подобрался, ответил, тщательно выговаривая каждое слово:

— Гурджиев сказал нашему агенту, что Гитлер получил орла от Дитриха Эккарта. Эккарт, согласно наведенным мной справкам, был близок к влиятельным кругам германского Генерального штаба, в частности, к начальнику кайзеровской разведки полковнику Вальтеру Николаи. Возможно, ниточка тянется туда.

Сталин помолчал, прошелся по кабинету.

— Значит, вы допускаете, что это может быть провокация немецкой разведки?

— Провокация? Нет, товарищ Сталин. Они слишком тщательно скрывали информацию. Об орле знали считанные единицы людей, состоявших в разных мистических кружках — и все эти кружки были безжалостно уничтожены Гитлером после прихода к власти.

Верховный главнокомандующий подошел к книжным полкам, провел рукой по кожаным корешкам.

— Меня заинтересовало сообщение этого вашего Мушкетера о том, что орел какое-то время находился у нас в стране. Это можно как-то проверить?

— Разумеется, товарищ Сталин. Но мне потребуется санкция на такую работу, а я не уверен, что товарищ Берия...

Хозяин усмехнулся.

— Товарищ Абакумов, вы работайте, а с товарищем Берия я как-нибудь разберусь.

Начальник Управления Особых отделов почувствовал, как учащенно забилося сердце.

— Понял, товарищ Сталин! Разрешите приступить?

Сталин рассеянно кивнул, вытащил из ряда книг тяжелый том в черной обложке, начал шуршать страницами. Когда Абакумов был уже в дверях, он неожиданно поднял голову и сказал негромко:

— Проконсультируйтесь с начальником 13-го отдела Рудневым, он может подсказать вам что-нибудь интересное...

О 13-м отделе НКВД мало что знал даже Абакумов.

Формально такого отдела не существовало вовсе — в официальных документах он не упоминался, зарплата его сотрудников по ведомости не проходила. Однако среди руководящего состава наркомата ходили слухи о некоем засекреченном подразделении, замаскированном под научно-исследовательский институт. Это, однако, не была шарашка наподобие заповедника для умников в Серебряном Бору или Лесного Дома в Ильинке. Сотрудники подразделения имели спецзвания и носили форму, а возглавлял его комиссар госбезопасности 3-го ранга Максим Руднев — человек, которого за глаза называли «инквизитором». Он начал работать в ГПУ еще при Ягоде, благополучно пережил все кадровые чистки, никогда не подлаживаясь под новое начальство и не участвуя во внутриведомственных инт-

ригах. Причина такой спокойной уверенности в себе и своих силах могла быть только одна — Руднев пользовался полным доверием Хозяина. Даже всемогущий шеф госбезопасности Берия не рисковал портить с ним отношения — впрочем, деятельность 13-го отдела лежала вне сферы его интересов.

Выйдя от Сталина, Абакумов задумался — как ему связаться с шефом 13-го отдела, если он вроде как не существует? В телефонном справочнике НКВД номеров отдела не было.

Внезапно его осенило. Поскребышев! Вот кто наверняка знает, как отыскать загадочного «инквизитора»!

— Александр Николаевич, — обратился он к секретарю Сталина, — нет ли у вас телефона товарища Руднева? Иосиф Виссарионович дал указание с ним связаться, а человек это такой засекреченный, что даже я не знаю, как его найти.

Невозмутимый Поскребышев наклонился, блеснув гладко выбритым затылком, и извлек из нижнего ящика письменного стола массивный грессбух.

— Домашний или рабочий? — сухо осведомился он.

— Давайте оба, — повеселев, ответил Абакумов.

— Ну, записывай, — Поскребышев, несмотря на незначительную разницу в возрасте, считал Абакумова мальчишкой, и обращался к нему исключительно на «ты». — Пять-шесть-пять-семь-ноль — домашний, шесть-шесть-шесть — рабочий.

— Три цифры всего? — удивился Абакумов.

— Там специальный коммутатор, — Поскребышев захлопнул грессбух и выжидающе взглянул на генерала. — Что-нибудь еще?

— Нет, Александр Николаевич, это все. Большое спасибо, выручили.

... Руднев оказался дома, к телефону подошел сам, в разговоре с Абакумовым был приветлив.

— Приезжайте ко мне в Институт, — сказал он, когда начальник Управления Особых отделов изложил ему свою просьбу,

— завтра я с самого утра буду на месте. Там и поговорим.

Абакумов восхищенно покрутил головой. Звания у них с Рудневым были одинаковые — комиссар госбезопасности 3-го ранга, что соответствовало армейскому званию генерал-майора. Но он, Абакумов, был заместителем наркома внутренних дел, а Руднев — всего лишь начальником одного из отделов НКВД. И несмотря на это, именно Руднев запросто приглашает его к себе, а он с благодарностью принимает приглашение! Вот жук!

— Ну, я и к Гронскому сам ездил, не развалился, — проворчал Абакумов. — Волка ноги кормят...

Институт Руднева спрятался среди старинных домов Лефортово, у самого немецкого кладбища. Трехэтажный желтый особняк с облупившейся краской на фронте, окруженный уютным яблоневым садиком. Никакой таблички на дверях не было, но в вестибюле дежурили два сержанта войск НКВД.

Руднев спустился к гостю по роскошной мраморной лестнице, протянул узкую сухую ладонь. Среднего роста, худощавый и стройный, со светлыми вьющимися волосами, он показался Абакумову похожим то ли на музыканта, то ли на священника.

— Пойдемте наверх, Виктор Семенович, поговорим у меня в кабинете...

Пока шли к кабинету, Абакумов постоянно оглядывался по сторонам, пытаясь понять, чем же занимается Институт, он же — 13-й отдел НКВД. Но понять было решительно ничего невозможно. По коридорам сновали деловитые люди в белых халатах с совсем не гражданской выправкой. При встрече с Рудневым и его гостем они вытягивались в струну и отдавали честь, хотя вместо фуражек у них на головах были квадратные полотняные шапочки.

— Чем же занимается ваш отдел, Максим Александрович? — напрямик спросил Абакумов. — А то ведь, знаете, в Управлении ходят черт знает какие слухи...

— Черт знает какие? — засмеялся Руднев. — Вот это правильно. Знайте же, Виктор Семенович — вы попали в отдел по делам нечистой силы...

Абакумов вежливо улыбнулся.

— Хорошее прикрытие...

— Никаких прикрытий! Все вполне серьезно. Наш главный клиент — дьявол, а клиенты помельче — его прислужники на земле. Ведьмы, колдуны, оборотни, упыри и прочая нечисть. Прошу вас, проходите.

Руднев отомкнул ключом дверь своего кабинета и посторонился, пропуская гостя.

Кабинет — вполовину меньше чем у самого Абакумова — напоминал, скорее, запасник какого-то музея. Он весь был уставлен застекленными шкафами, набитыми странными предметами — там были расписанные яркой краской бубны, увешанные металлическими колокольчиками, выдолбленные из темного дерева фигурки идолов, измазанные то ли кровью, то ли грязью, бронзовые бляхи с выбитыми на них непонятными знаками, накидки из перьев, ожерелья и браслеты из пожелтевшей кости... Посреди всей этой барахолки стоял большой стол, заваленный бумагами и книгами. Руднев локтем сдвинул бумаги к краю стола и жестом пригласил Абакумова сесть в мягкое кресло.

— Итак, что привело вас ко мне, Виктор Семенович? Подозреваю, что нечто необычное, иначе вряд ли вы стали бы тратить время на общение с таким мрачным анахоретом, как я.

Абакумов не очень хорошо представлял себе, что такое «анахорет», но возражать не стал — в кабинете начальника 13-го отдела он действительно чувствовал себя неудобно.

— Скажите, Максим Александрович, вам знаком такой персонаж — Гурджиев Георгий Иванович?

Руднев совсем не удивился.

— Конечно, знаком. Довольно известный был эзотерик до революции. У него был кружок в Тифлисе, потом в Москве. Он

изучал суфизм, это такое мистическое направление в исламе. А почему он вас заинтересовал?

Пришлось вновь излагать историю о Семи башнях Сатаны и о загадочных предметах, дающих своим владельцам необыкновенные способности. Абакумов заметил, что рассказывая ее в третий раз, он уже не чувствует себя таким идиотом, как в памятном разговоре с наркомом.

— Мы не можем быть уверены в том, что все это — правда, — сказал он, словно оправдываясь. — Уж очень похоже на сказку. Но, по словам Гурджиева, один из самых важных предметов — орел — находился на территории нашей страны в течение нескольких лет после революции. И это дает нам слабую зацепку. Если бы удалось размотать этот клубочек, мы, возможно, сумели бы определить, действительно ли этот орел такой волшебный. Ну, или хотя бы найти свидетелей, которые его видели.

Руднев сплел тонкие нервные пальцы («он должен хорошо играть на рояле», — подумал Абакумов) и оперся подбородком на сомкнутые ладони.

— Орел? Волшебные предметы? — в голосе его звучало сомнение. — Должен вам сказать, Виктор Семенович, я не очень-то верю в магические артефакты. Вся магия находится внутри человека, а не вовне. Возьмите хотя бы эти милые безделушки, — он махнул рукой на запертые в стеклянных шкафах экспонаты. — Там, откуда я их привез, они считаются вместилищем колдовской силы, но без веры в их могущество это просто музейный хлам. Именно поэтому наш отдел не занимается поиском наследия древних цивилизаций, как фашистское «Аненербе», а имеет дело с живыми людьми, пусть и отмеченными сатанинской печатью. Так что вся эта история с орлом представляется мне несколько сомнительной...

— Да? — Абакумов неожиданно почувствовал себя разочарованным. За последние несколько дней он как-то свыкся с мыслью о том, что за мистической чушью, которую наплел Мушкетеру Гурджиев, скрывается какое-то рациональное зерно.

но. — Значит, вы считаете, что Гурджиев водит нас за нос?

— Я бы не стал этого исключать, — проговорил Руднев задумчиво. — Но вы правы, сообщение о том, что орел находился в Советском Союзе, заслуживает проверки. Сейчас подумаем, как это лучше сделать...

Он расцепил пальцы и приставил их к вискам, словно пытаясь собрать разбегающиеся мысли.

— Всякими таинственными предметами в ГПУ обожал заниматься Глеб Бокий. Слышали о таком?

Абакумов осторожно кивнул.

— Он был вычищен из рядов НКВД, как враг народа, — на всякий случай напомнил он.

— Да, в тридцать седьмом. Но до этого успел накопать массу всего интересного. Если орел существует, и если он действительно находился у нас в стране, Бокий просто обязан был им заниматься. Конечно, его самого уже не спросишь... Но после него остался большой архив, и туда стоило бы заглянуть.

— Вы могли бы это сделать, Максим Александрович?

— Думаю, да. Но имейте в виду — архив очень велик, после расстрела Бокия его никто не разбирал, так что вряд ли я смогу найти ответ на интересующий вас вопрос быстро.

— Конечно, — сказал Абакумов, с облегчением выбираясь из кресла. Атмосфера в кабинете Руднева действовала ему на нервы. — Хочу только, чтобы вы знали — в результатах этого расследования заинтересован сам Иосиф Виссарионович...

... Руднев позвонил ему через два дня, поздно ночью.

— Можете меня поздравить, Виктор Семенович, — голос его звучал возбужденно. — Я обнаружил в архиве информацию по вашей птице. Все гораздо сложнее и опаснее, чем кажется на первый взгляд. Впрочем, об этом не по телефону... Главное, что теперь я совершенно уверен — то, о чем рассказал вам Гурджиев — не фантазия и не сказка. Орел действительно существует.

После звонка начальника 13-го отдела Абакумов заснуть уже не смог; до пяти утра слонялся по квартире, пил крепчайший чай с сахаром и лимоном, в пять принял душ и, завернувшись в пушистое иранское полотенце, присел к письменному столу.

Совершенно секретно!

Народному Комиссару Обороны

товарищу СТАЛИНУ

Информация о существовании предмета «Орел» подтверждается.

Учитывая важность этого предмета для фашистской Германии и лично Адольфа Гитлера, предлагаю сформировать специальную диверсионную группу для проникновения на территорию одной из ставок Гитлера для изъятия предмета «Орел» и передачи его в распоряжение руководства Советского Союза.

Комиссар госбезопасности 3-го ранга,
Абакумов

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Катюша

Каменск-Уральский, июнь 1942

1

Капитан Шибанов никогда прежде не был на Урале. Он думал, что Урал — это высокие горы и непроходимые леса, бурные реки и самоцветные шахты. В общем, сказки Бажова.

Но под крылом самолета скользили изумрудные поля и холмы, нарядные березовые рощи и небесно-голубые озера. Никаких гор капитан Шибанов не видел. Город с высоты выглядел, как большая серо-черная клякса, посаженная на зеленую страницу.

Самолет легко ударился колесами о бетон и покатился по взлетно-посадочной полосе.

— Прибыли, товарищ капитан, — пояснил зачем-то пилот.

Шибанов вылез из кресла, одернул гимнастерку. Багажа у него с собою не было — задерживаться в Каменск-Уральском капитан не собирался.

— До двадцати ноль-ноль отдыхай, — сказал он пилоту. — Потом — в боевой готовности. Можем вылететь обратно в любой момент. Ясно?

— Так точно, товарищ капитан! — браво ответил пилот. Звали его Коля. Невысокий, ладный, с аккуратно подстриженными усиками, он напоминал Шибанову шкодливого, но осторожного кота. Капитан не сомневался, что полученные двенадцать часов увольнительной Коля использует с толком — скорее всего, познакомится на улице с симпатичной девушкой, наплетет ей с три короба про боевые вылеты за линию

фронта, покажет шрам от прошедшей по касательной немецкой пули, пожалуется на одиночество, расскажет, как, пронзая черное ночное небо, мечтает он о том, чтобы на земле ждала его любимая и единственная...

А вечером девушка, поверившая в то, что стала любимой и единственной, придет провожать его на аэродром. На летное поле, ее, само собой, не пустят, и дурочка будет стоять у КПП, вытирая платочком красивые заплаканные глаза. Капитан Шибанов летал с Колей уже второй год, и девушек таких перевидал не один десяток.

— Вот еще что, — спохватился Шибанов, — раздобудь еды на вечер, да не сухпай, а что-нибудь из столовой комсостава — ну, там, суп в судке, мясо вареное, пюре...

— Для пассажирки? — хитро прищурился Коля. — Сделаем!

Шибанов коротко кивнул ему и выбрался из самолета.

Спрыгнул на бетон, поприседал, разминая затекшие за время полета ноги. Воздух был ароматным, степным. Солнце стояло уже довольно высоко в прозрачном синем небе, над аэродромом нависла неправдоподобная, ватная тишина. Слышно было, как потрескивают чешуйки вспучившейся краски на фюзеляже.

— Да, — сказал капитан Шибанов задумчиво. — Далеко от войны...

Он сорвал травинку, закусил ее уголком рта и пошел прямо через поле к деревянному домику диспетчерской.

Бричкин уже ждал его там, свежевыбритый, в новенькой, с иголки, форме офицера бронетанковых войск. От настоящего танкиста его отличали только кубари лейтенанта НКВД в петлицах.

— Ты что же, в танкисты теперь записался? — удивился Шибанов. С Лешей Бричкиным они вместе учились в спецшколе НКВД в Ростове, вместе начинали работать в военной контрразведке. Бричкин всегда был способнее и хватистее,

быстро делал карьеру, на два года раньше самого Шибанова получил капитана. Подводил его только гонор, простительный отпрыску какого-нибудь шляхетского рода и совершенно необъяснимый у потомственного хулигана с Богатыновки. В спецшколе его пререкания с преподавательским составом заканчивались гауптвахтой, но уже тогда было ясно, что рано или поздно Бричкин нарвется по-крупному. Он и нарвался: набил морду обматерившему его комполка. Комполка оказался трусом и сволочью — вместо того, чтобы решить вопрос по-мужски, накатав на Алексея телегу в штаб округа. Телега вышла длинной и скучной, но дело было на Дальнем Востоке в дни Халхин-Гола: одного намека на то, что капитан Бричкин держит в своей комнате японские книжки, хватило, чтобы свои же контрразведчики начали разрабатывать его, как агента самураев. К счастью, дело капитана попало к толковому следователю, который быстро разобрался, что к чему. Бричкин действительно учил японский, но только для того, чтобы допрашивать пленных самостоятельно, без помощи переводчика. А разбитый нос и заплывший глаз комполка видели слишком многие — так что мотив для доноса лежал на поверхности. Алексея выпустили, и, если бы он повел себя разумно, быть бы ему к началу войны майором. Но Бричкин закусил удила, явился к доносчику с двумя заряженными револьверами системы «Наган» и предложил стреляться на десяти шагах. Комполка предсказуемо струсил. Усмехнувшись, Бричкин сделал мерзавцу еще одно заманчивое предложение: сыграть в русскую рулетку. Кто останется жив, тот и прав. У комполка, любившего в тесном кругу посмеяться над не нюхавшими порошу особистами, затряслись руки и он попытался ретироваться через окно. Тогда Алексей открыл по нему огонь из обоих «наганов» и дважды ранил обидчика в *musculus gluteus maximus*, или, выражаясь проще, в жопу.

Бричкина разжаловали в сержанты, о чем он не без юмора написал Шибанову, служившему тогда на финской границе.

Спустя несколько месяцев началась финская кампания, и сержант Бричкин отправился на передовую — искупать ошибки кровью. Когда в мае сорокового они встретились под Выборгом, Бричкин носил в петлицах кубики младшего лейтенанта.

Они обнялись. От Бричкина пахло хорошим одеколоном и дорогими папиросами.

— Я всегда был в душе танкистом, — с достоинством ответил Алексей. — К тому же мой рост и изящная конституция позволяет мне с удобствами размещаться в кабине любого танка. В то время как ты, Шайба, не влезешь даже в КВ-2.

Капитан усмехнулся.

— И что же танкист делает в тысяче километров от линии фронта?

— Обкатывает новые машины, например. Тут неподалеку на холмах есть замечательный полигон. Ну и следит за тем, чтобы немецкие шпионы не подобрались к КУМЗу.

— К чему-чему?

— Металлургическому заводу. Знаешь, какой гигант здесь строят? Ого-го, ты не поверишь, Шайба! Когда мы введем его в строй, Гитлер удавится от зависти. Мы будем выпускать по сто танковых двигателей в день!

— Мы, — задумчиво повторил Шибанов. — Мы пахали, Леша.

— Что? — подозрительно прищурился Бричкин.

— Бык с плугом на покой тащился во трудах, — с чувством продекламировал капитан. — А муха у него сидела на рогах. И муху же они дорогой повстречали. «Откуда ты, сестра?» — от этой был вопрос. А та, поднявши нос, в ответ ей говорит: «Откуда? Мы пахали!».

— От мухи слышу, — Бричкин ткнул его кулаком в живот. Точнее, попытался ткнуть — Шибанов мгновенно перехватил его запястье и обозначил прием. — Ох, нет, прости, не от мухи — от быка, от быка!

— То-то, — нравоучительно сказал капитан, отпуская его руку. — Ну, а теперь докладывай по существу.

— Может, по дороге? — Алексей махнул рукой в направлении города. — Ехать минут двадцать, я все тебе успею рассказать. Тем более, что и рассказывать почти что нечего.

Ехали на новеньком американском «Виллисе» — Шибанов только диву давался, как везунчику Бричкину в его заштатном Каменск-Уральском удалось оторвать такую шикарную машину. Водителем Алексей был лихим, автомобиль несся по степной дороге, подпрыгивая на ухабах и оставляя за собой огромное облако пыли, в багажнике тяжело брякали канистры. Чтобы перекрыть свист ветра, Бричкину приходилось кричать.

— Разговоры давно уже ходили... знаешь, как это бывает... один случай, второй, и уже начинают складывать легенды. В общем, есть такая девчонка, медсестричка, работает в нашей медсанчасти... зовут Катя... сама из эвакуированных, из Ленинграда. И представляешь, все раненные мечтают, чтобы она за ними ухаживала. И не потому, что красивая — красивых-то много — а потому, что те, за кем она ухаживает, всегда выздоравливают. Понимаешь, Шайба? Всегда! Даже самые тяжелые!

— Ты проверял? — крикнул в ответ капитан.

— Естественно! По документам, правда, не проверишь — там только фамилии врачей указываются. Но я не пожалел времени, переговорил с врачами — и ты знаешь, все подтверждается! У меня в блокноте двенадцать историй болезни переписано. Все заверены врачами, с которыми эта Катя работала.

— Всего двенадцать?

— Ты не понял, Шайба! Эти двенадцать — самые-самые. Ну, представь, человек с железкой в легком. С дыркой в пузе. Общее заражение крови. Газовая гангрена. Ну и так далее, самознакомишься, я человек впечатлительный, мне такие ужасы читать на ночь вредно. Но больше всего меня знаешь, что поразило? Она, когда еще в Ленинграде была, работала на стро-

ительстве оборонительных сооружений. И вот их однажды накрыло артиллерийским огнем. Так эта соплячка — ей сейчас восемнадцать, значит, тогда не больше семнадцати было — у одного раненого бойца вырезала снаряд!

— Что сделала? — Шибанову показалось, что он ослышался.

— Снаряд, говорю, вырезала! Он у него в боку застрял! Ну, то есть, не видно было, что это снаряд — такая дура размером с огурец, под кожей! Как он не разорвался — непонятно! Все перепугались, хирург говорит — я не буду оперировать, он же здесь все разнесет на хрен! Тогда эта соплюха, Катерина, берет у него скальпель и говорит — всем отойти на двадцать метров! И представь, все слушаются. Она зажимает эту выпуклость рукой, а скальпелем вскрывает парню бок. Шайба, она до этого в жизни не оперировала! Вырезает снаряд — а это все-таки был снаряд — и со всей дури швыряет его как можно дальше, а сама падает на землю. Бабах! Все живы, включая раненого. Хирург в шоке. Девочка, говорит, дай я тебя расцелую! А она ему — я с трусами не целуюсь. Представь?

— Откуда сведения? — спросил капитан. — Сама рассказала?

— Обижаешь, — Бричкин крутанул баранку и машина вильнула влево, объезжая глубокую рытвину на дороге. — Хирург раскололся. Тот самый, которого она целовать отказалась. Таким, знаешь, не хвастаются...

— Он тоже здесь?

— Да, они одним эшелоном прибыли. В общем, налицо интереснейшая ситуация, друг мой Шайба. Не советская комсомолка, а просто какая-то французская королевишна.

— Почему французская?

— Эх, Шайба-Шайба! Басни про мух цитируешь, а то, что нам Абрамыч в спецшколе про французских королей рассказывал, забыл?

Абрамычем курсанты звали старого коминтерновца, читавшего им курс лекций о странах Западной Европы. Как его

звали на самом деле, никто не знал, но акцент и характерная внешность не оставляли сомнений в том, что прозвище свое он получил не зря. Коминтерновец за свою долгую жизнь успел побывать во всех европейских странах, за исключением, может быть, Албании, пережил массу приключений, и его лекции слушались с большим интересом.

— Я с королями редко дело имею, — засмеялся Шибанов. — А с мухами — регулярно.

— Французские короли лечили наложением рук! — торжественно заявил Бричкин. — Когда они выходили на улицы, им прохода не давали паралитики и золотушные! Исторический, между прочим, факт!

— Хочешь сказать, что эта твоя Катя тоже наложением рук лечит?

— Да! — закричал Бричкин и машина снова вильнула. — Именно так! Если бы у нее было какое-нибудь чудо-лекарство, вот как этот английский пенициллин, я бы понял! Но у нее ничего нет! Йод, перекись, хлороформ! То же, что и у других! Только у других тяжелые больные умирают, а у нее — выздоравливают!

Машина уже катила по улицам города. Деревянные домишки за покосившимися штакетниками напомнили Шибанову родной Таганрог. Вот разве что палисадники в Таганроге были зеленее и богаче...

— Это наша медсанчасть, — Бричкин выехал на площадь, где стояли крытые брезентом грузовики, лихо развернулся перед крыльцом длинного деревянного барака, и заглушил мотор. — На самом деле медсанчасть — одно название. Госпиталь, огромный, на полторы тысячи коек. Крупнейший на всем Южном Урале!

— Да ты, как я посмотрю, стал патриотом Каменск-Уральского, — капитан хлопнул его по плечу. — Не завел ли ты себе здесь зазнобу, Леха?

Бричкин ничуть не смутился.

— А если бы и завел? Я парень видный, серьезный, к тому же настоящий джентльмен. Вполне естественно, что я пользуюсь большим успехом у противоположного пола...

— Вот что, джентльмен с Богатыновки, — Шибанов повернулся к приятелю и, слегка наклонив голову, уставился ему в глаза немигающим взглядом. — Скажи честно, ты к этой Катерине тоже подкатывал?

Алексей театрально вздохнул. Попробовал отвести взгляд, но черные глаза капитана держали его цепко.

— Что значит «тоже»? Ну, да, я попробовал установить с ней дружеские отношения. Девчонка симпатичная, веселая. Позвал ее пару раз прогуляться над рекой... Но не сложилось. Очень уж принципиальная. «Я, — говорит, — вас, Алексей, уважаю, как человека, так что давайте останемся друзьями». Ладно, я же джентльмен! Подарил ей цветочки, поцеловал ручку и больше ничем не тревожил ее трепетную душу. Правда, хмыренка этого, который к ней клеился, с лестницы все-таки спустил. Но она, если честно, его и не любила. Она, если хочешь знать, вообще никого не любит. Ждет своего принца...

Шибанов хмыкнул и прикрыл глаза. Бричкин растерянно заморгал.

— Ты что это, Шайба? Ты опять эти свои штучки? Как в школе?

— Да нет, — капитан кривовато усмехнулся. — Я уже давно этим не балуюсь. Так, случайно вышло, извини.

Алексей отвернулся, побарабанил пальцами по баранке «Виллиса». Сказал глухо:

— Больше так не делай, а то морду набью.

Шибанов не успел ответить. С крыльца скатилась толстая девица в очках и белом халате, подбежала к автомобилю, уцепилась за дверцу и закричала прямо в ухо Бричкину:

— Как вам не стыдно! Вы зачем здесь машину поставили? С минуты на минуту привезут больных из Шадринска, куда я их буду сгружать?

— Вы? — изумился Алексей. — Вы лично? Такая хрупкая девушка?

Девушка покраснела — то ли от смущения, то ли от злости.

— Немедленно переставьте машину, товарищ лейтенант! — звонящим голосом потребовала она. — Иначе я доложу о вашем поведении начальнику медсанчасти!

— О-о, — протянул Бричкин разочарованно, — в бой вступает тяжелая артиллерия... нет уж, милая девушка, давайте обойдемся без вашего начальства...

Он вновь завел мотор и медленно покатил вдоль грузовиков, высматривая, куда бы приткнуться «Виллис».

— Ты боишься начальника медсанчасти? — недоверчиво спросил капитан. — Кто же этот лютый зверь? Какой-нибудь двухметровый полковник медслужбы, заслуженный патологоанатом республики?

— Знаешь, Шайба, — сказал Алексей грустно, — когда ты пытаешься острить, это выглядит настолько неестественно, что даже пугает. Начальник медсанчасти — женщина. Между прочим, красивая, хотя и старше нас с тобой лет на десять. Кстати, если ты собираешься забрать отсюда Катюшу, предупреждаю — без ее санкции ты это сделать не сможешь.

— Тогда я пошел за санкцией, — Шибанов не стал дожидаться, когда Бричкин припаркует «Виллис», открыл дверцу и легко выскочил на ходу. — Ты, как я понимаю, меня не проводишь?

— Провожу, — обреченно вздохнул Алексей. — Но запомни, капитан: лучше бы это был патологоанатом.

2

Кате хотелось спать.

Отработать две смены подряд — тут любой спать захочет. Смены по 12 часов, это сутки без сна. Где-то после двадцатого часа начинает сильно кружиться голова, думаешь только о том, чтобы присесть на краешек стула, закрыть глаза и отклю-

читься от мира хотя бы на минутку. Но это опасно — потому что заснешь не на минутку, а надолго. Тебя, конечно, разбудят, но голова уже будет совсем тупая, вата вперемешку с чугуном, еще напутаешь с лекарствами, у нее так было однажды, вместо сульфадимезина дала больному обычную соду, это при крупозной пневмонии на фоне сквозного ранения легкого! Профессор Синявский потом сказал, что не понимает, как такая ошибка не убила больного, и Катю охватил такой стыд, что впору под землю провалиться. Правда состояла в том, что больному — это был молоденький лейтенантик-артиллерист, белобрысый, со смешным курносым носом — стало не хуже, а лучше, хотя, ясное дело, не от соды. Может, потому, что она посидела рядом с ним, подержала за руку, и очень-очень захотела, чтобы он поправился. Болезнь лейтенанта представлялась ей чем-то вроде скользкой черной жабы, ее надо было изловить и вытащить на свет. Это было совсем непросто, потому что жаба выворачивалась из рук и пряталась за продырявленное легкое. Да и ловила ее Катя не совсем руками, а как бы воображаемыми пальцами, а попробуй воображаемыми пальцами поймать воображаемую жабу! В конце концов она ухватила тварь за лапу и резко дернув, вытащила из груди артиллериста. Парнишка захрипел так страшно, что Катя испугалась, не повредила ли она ему трахею. Швырнула изо всех сил гадину на пол и раздавила каблуком. Через минуту дыхание больного выровнялось, лицо разгладилось, и он заснул. На следующий день профессор Синявский констатировал улучшение — тогда-то Катя и призналась ему, что перепутала сульфадимезин с содой. Можно было и не признаваться, лейтенант полным ходом шел на поправку, но Катя с детства не умела скрывать свои проступки. Мама ее так научила. А теперь мама умерла, и поступать по-другому означало бы предать маму.

Когда Катя была маленькой, мама всегда сидела рядом с ее кроваткой, гладила по волосам, меняла мокрую повязку на лбу. Но главное — держала за руку. Катя очень хорошо помни-

ла это ощущение — прохладные мамины пальцы лежат на ее горячей руке, и словно вытягивают из нее болезнь. Жар спадает, боль будто смывает невидимой волной.

— Как ты это делаешь, мамочка? — спросила однажды Катя. Мама засмеялась.

— Меня бабушка научила. А ее — прабабушка. У нас в семье все женщины так умеют.

— И я так смогу, когда вырасту?

— Ну ты же моя доча, правда? Значит, сможешь.

Катя очень обрадовалась и даже захлопала в ладоши.

— Я тоже тебя всегда-всегда буду лечить, мамочка! И ты никогда не будешь болеть!

...Мама заразилась тифом, пока их везли из Ленинграда на Урал, и Катя не смогла ее спасти. Если бы она держала ее за руку, мама осталась бы жива. Но комендант поезда велел изолировать заразившихся, и Катю в вагон к маме не пустили.

...Маму похоронили на маленьком полустанке под Челябинском. Катя дрожала на ледяном ветру, глядя, как забрасывают землей длинную общую могилу, и не могла поверить, что это все происходит на самом деле. Слез не было.

Заплакала спустя месяц, когда в медсанчасти Каменск-Уральского выздоровел первый из тяжелых больных, за которым она ухаживала.

— Это ты меня спасла, сестричка, — сказал седой майор, еще два дня назад умиравший от заражения крови. — Твои руки. Я хоть и в бреду был, а все чувствовал. Спасибо тебе, сестричка, вытащила, можно сказать, с того света...

И осекся, увидев, как мгновенно наполнились слезами зеленые глаза молодой медсестры. — Да ты чего, сестричка? — растерянно спросил майор, но Катя уже выскочила из палаты. Убежала в бельевую, зарылась в гору жестких, шершавых простынь, и тряслась там от раздиравших горло рыданий, все глубже погружаясь в холодную бездонную тьму. Во тьме не было ни боли, ни памяти — только черные воды забвения. По-

том ее резко дернули за плечо и вытащили обратно на свет.

Кто-то ударил ее по щеке — не больно, но очень звонко. От неожиданности Катя перестала рыдать.

— Придите в себя, сестра, — произнес строгий женский голос. Катя, всхлипнув последний раз, вытерла глаза тыльной стороной ладони. Пощечину ей влепила начальник медсанчасти Солоухина — женщина крутая, но, как говорили, справедливая. Девчонки, особенно те, что работали в госпитале долго, ее боготворили. До этого дня Катя видела начальника медсанчасти только издали. Невысокая, ладная, в накрахмаленном до треска белом халате и в белой докторской шапочке, очень собранная и деловитая, она напонила Кате строгую учительницу немецкого Августу Францевну, нещадно гонявшую ее в школе.

— Д-да, — пролепетала Катя, с ужасом глядя на Солоухину. — Я... я уже...

— Понюхайте, — велела начальник медсанчасти, доставая из кармана халата маленький пузырек. Катя послушно понюхала — это оказался нашатырный спирт.

— Что за истерика? — спросила Солоухина, когда Катя, наконец, откашлялась. — Что-то личное?

— Нет, — Катя замотала головой, чувствуя себя идиоткой. — То есть да... мама... мама у меня умерла...

О том, что это произошло месяц назад, она не сказала — не знала, как объяснить свои запоздалые слезы.

Солоухина помолчала. Потом взяла безвольную Катину руку и крепко сжала.

— Держитесь, сестра. Идет большая война. Многие теряют близких. Но мы не должны позволять горю взять верх над долгом. Понимаете, сестра? Долг превыше всего.

Холодная тьма последний раз плеснула где-то в глубине Катиного сознания и нехотя отступила.

— Долг превыше всего, — повторила Катя. — Да, товарищ начальник медсанчасти, я понимаю...

— Меня зовут Клавдия Алексеевна, — неожиданно мягко произнесла Солоухина. Катя робко улыбнулась, но тут в голосе доктора вновь появились властные нотки. — Даю вам десять минут на то, чтобы привести себя в порядок, сестра. Затем возвращайтесь к выполнению своих обязанностей.

... Еще через месяц Катя получила значок «Отличник санитарной службы». Вручали значок торжественно, на утренней пятиминутке. Солоухина, прикалывая значок на отворот Катиного халата, сказала приветливо:

— Вот видите, Серебрякова, какая вы молодец! Больные о вас исключительно хорошо отзываются. Продолжайте в том же духе!

Катя лихорадочно соображала, что ответить — все слова как будто вымело из головы порывом ветра.

— Есть продолжать в том же духе, товарищ начальник медсанчасти, — выпалила она наконец.

Награду отмечали после смены с девчонками — кто-то притащил банку засахаренного варенья, его залили водой, размешали, добавили спиртику — получилось вполне приличное вино.

— Ну, даешь, Катюха, — прогудела могучая Зинка Хомякова, шутя поднимавшая здоровенных загипсованных мужиков. — Все больные на тебя только что не молятся. «Пусть Катя придет, пусть Катя посидит!» Привораживаешь ты их, что ли?

— Скажешь тоже, — смутилась Катя. — Да я и сама не знаю, чего они...

К этому времени она уже догадывалась, в чем было дело, но делиться своими мыслями с девчонками не собиралась. В лучшем случае — засмеют, в худшем — подумают, что у нее шарики за ролики закатились.

— Зато я знаю, — остролицая Анечка Шварценгольд строила загадочную мину. — Больные говорят, что ты сама везучая, и другим удачу приносишь. А я считаю, что у тебя скрытые способности к исцелению, такое встречается, хотя и

очень редко, может быть, раз в сто лет. Из тебя, если будешь учиться, вырастет со временем великий врач. Как Авиценна или Пирогов!

— А я слышала, — встряла веснушчатая болтушка Оксана Рыжик, — что ты слово особое знаешь! Пошепчешь над больным, он и выздоровеет!

— Ой, Катька, скажи, что за слово! Ну, расскажи, что тебе стоит! Мы тоже будем больных заговаривать! Тебя одной все равно на полторы тысячи коек не хватит!

— Никакого слова я не знаю, девчонки! — отбивалась Катя. — Мало ли что больные болтают! Про тебя вон, Оксанка, знаешь что говорят?

Рыжик густо покраснела.

— Если про летчика из восьмой палаты, то это все брехня. Мы с ним даже не целовались!

— Да неужели? — сощурилась толстая Олька Никифорова. — А с кем ты позавчера в ординаторской ночью запиралась? Скажешь, не с летчиком?

— А ты вообще сплетница! — фыркнула Рыжик. — Тебя хлебом не корми, дай другим кости перемыть!

Разговор свернул на безопасные для Кати рельсы, и она с облегчением вздохнула.

Но время шло, и делать вид, что ничего особенного не происходит, становилось все труднее. Хуже всего было то, что Катя и сама не понимала, как это у нее получается. Сесть рядом с больным, взять его за руку, настроиться на его ощущения, подобно тому, как радиоприемник настраивают на нужную волну... Так она спасла седого майора, задыхавшегося от круп лейтенанта, сгоравшего в огне гангрены старшину, и еще дюжину тяжелораненых. Но если бы Катя тратила столько времени и сил на каждого больного, она просто не успела бы помогать остальным. На полторы тысячи коек в госпитале было пятьдесят четыре медсестры, работавших посменно. Врачей не хватало катастрофически. Сама Солоухина, врач-рентгено-

лог, сутками не выходила из обшитого свинцом кабинета, не обращая внимания на строгие инструкции по безопасности — подменить ее было некому, а больным, которых регулярно подвозили в медсанчасть армейские «Студебеккеры», требовался рентген. Поэтому Катя не могла позволить себе сидеть с каждым тяжелым пациентом. Но даже те, кому она просто меняла повязку или давала лекарство, каким-то чудом начинали чувствовать себя лучше. Возможно, это было самовнушение, но оно, черт возьми, работало! И с каждым днем Кате становилось все труднее и труднее...

— Серебрякова! — оклик Никифоровой вывел Катю из дремотной задумчивости. Катя быстро бросила взгляд на часы — надо же, до конца смены еще два часа, а она все-таки чуть не заснула! — Ты спишь, что ли?

— Нет, — Катя потрясла головой, поднялась со стула. Смуглая, жилистая рука армейского разведчика, которую она держала в своей, упала на клетчатое одеяло. — Что случилось?

— Рубашка в жопу засучилась, — передразнила ее Олька. — Тебя Клавдия зовет. Что-то срочное.

— Катенька, — слабым голосом позвал разведчик. У него не было височной кости — за синей выбритой кожей пульсировал мозг. — Ты же еще придешь ко мне, Катенька?

— Конечно, Костя, — Катя положила ладошку ему на лоб. — Я обязательно вернусь и посижу с тобой еще. А ты пока поспи.

Пока шла к кабинету начальника медсанчасти — мимо палат, отгороженных от коридора натянутыми простынями — старалась не слышать жалобного многоголосого стона: Катенька, подойди ко мне... Сестричка, на минуточку... Смени повязку, дочка... Катюша, водички... Других медсестер, конечно, тоже окликали, может, и не реже, чем ее, но Катю пугало, что именно с ней больные связывают надежды на выздоровление, именно в нее верят, как в какую-то чудотворную икону. И когда она видела, как санитары выносят из палаты накрытое простыней тело, то цепенела от страшной мысли: он умер, по-

тому что я вчера не подошла к нему... не успела, забежалась... а если бы подошла, подержала за руку, сейчас был бы жив...

Перед кабинетом она остановилась, одернула халатик и аккуратно заправила под шапочку светлые волосы. Осторожно постучала в дверь.

— Войдите, — донесся из-за двери голос Солоухиной. Катя насторожилась — голос был каким-то неправильным. Злым? Неужели она что-то натворила, и теперь ее ждет разнос? Начальник медсанчасти редко устраивала своим подчиненным головомойки, но тем, кто все же этого заслуживал, спуска не давала. Вот только Катя никак не могла понять, в чем ее вина. Опять что-то перепутала? Да вроде бы нет... Может, кто-то из больных пожаловался?

Перебирать варианты можно было до бесконечности, но заставлять ждать Солоухину не стоило. Катя толкнула дверь и вошла.

Клавдия Алексеевна стояла спиной к ней у окна, выходявшего в госпитальный дворик. В руке у нее дымилась папироса, пепел начальник медсанчасти стряхивала в большую кадку с древовидным фикусом. По тому, как она это делала — резкими, нервными движениями — Катя поняла, что ее догадка верна. Солоухина не просто злилась — она была в гневе.

— Товарищ начальник медсанчасти, — четко отрапортовала Катя, — медицинская сестра Серебрякова по вашему приказанию явилась.

— Ого, — сказал чей-то насмешливый голос, — у вас тут, как я погляжу, прямо армейская дисциплина.

— А как может быть иначе в госпитале военного подчинения? — голос Солоухиной был ледяным. Она повернулась к Кате и едва заметно кивнула ей. — Познакомьтесь, Серебрякова, это товарищ из Москвы, из НКВД, он хочет с вами побеседовать.

У Кати сжалось сердце. НКВД? Москва? За ней? Господи, что же она натворила?

Она с трудом заставила себя повернуть голову. На обтянутом дерматином диване сидел, закинув ногу за ногу, здоровенный парень лет двадцати семи, с коротко остриженными светлыми волосами и перебитым, как у боксера, носом. Парень почему-то сразу показался ей очень наглым — такие постоянно приставали к ней на танцах в Ленинграде, еще в той, довоенной жизни.

— Здравствуйте, — вежливо поздоровалась Катя. Парень улыбнулся, сверкнув золотым зубом («бандит какой-то», — подумала она) и поднялся с дивана.

— Ну, здравствуй, Катерина, — проговорил он, делая шаг к ней навстречу. Можно подумать, они были прекрасно знакомы и встретились после долгой разлуки. — Мадонна Каменск-Уральской медсанчасти...

— Я никакая не мадонна, — неожиданно твердо сказала Катя. — И потом, вы не представились...

Улыбка сошла с лица парня. Он вытащил из кармана красную книжечку и раскрыл ее.

— Капитан НКВД Александр Шибанов. Как тебя зовут, я знаю. Все, формальности соблюдены?

Катя кивнула. Наглый парень убрал удостоверение и показал ей на стоявший посреди кабинета стул.

— Присаживайся. Я задам тебе несколько вопросов, отвечай быстро и честно, договорились?

Катя на негнущихся ногах подошла к стулу.

— Не бойтесь, Серебрякова, — напряженным голосом сказала Солоухина. — Товарищ Шибанов хочет кое-что узнать о ваших способностях...

— Товарищ доктор, — перебил ее капитан, — когда мне потребуются ваши разъяснения, я их попрошу. Катерина, сколько больных, за которыми ты ухаживала здесь, в госпитале, умерло?

Катя смешалась. Медсанчасть Каменск-Уральского, конечно, отличалась от госпиталей на передовой, о которых рас-

сказывали девчонки — там раненые умирали десятками, под наспех намотанными бинтами кишки черви, а столбняк и гангрена безжалостно добивали тех, кого не убили немецкие пули. Но больные умирали и тут, и умирали часто. Сколько среди них было тех, кому она на бегу поправила подушку или принесла воды?

— Не знаю... — проговорила Катя едва слышно. — Я не знаю... у нас довольно низкая смертность...

— Смертность по госпиталю вполне обычная, — возразил ей Шибанов. — В пределах, так сказать, статистической нормы. Повторяю вопрос: сколько больных у тебя умерло?

— Так нельзя ставить вопрос, товарищ капитан, — резко сказала Солоухина. — Больных ведут врачи, а не медсестры. Медсестра может работать сегодня в одном отделении, завтра в другом, а послезавтра — в третьем. У нас не хватает медсестер, девушки работают по две смены подряд...

— Послушайте! — теперь капитан уже не скрывал раздражения. — Я же ни в чем не обвиняю ни вас, ни Серебрякову! Почему вы не можете мне ответить по-человечески? Сколько больных, за которыми ухаживала ваша Серебрякова, умерло?

Повисло напряженное молчание. Солоухина глубоко затянулась папирсой и с силой выдохнула сизоватый дым.

— Предполагаю, что ни одного, — ответила она, наконец. — Но наблюдений, как вы понимаете, никто не вел. Если только она сама...

— Ну, а ты что нам скажешь, Катерина?

— Я не знаю, — упрямо повторила Катя. — Есть тяжелые пациенты, есть легкие.

— Из тяжелых, — подсказал Шибанов.

— Может быть, один. Может быть, два.

Один, подумала она. Старик из Елабуги, неизвестно как попавший в военный госпиталь. Это было где-то месяца два назад. Старика привезли на телеге крестьяне, сказали, что подобрали его на дороге. У старика были переломаны кости, как

будто он попал между жерновами огромной мельницы. И он хотел умереть. Он сам хотел умереть...

— Допустим, два, — удовлетворенно сказал Шибанов, загибая большой и указательный палец. — Ты ведь работаешь здесь с зимы?

— Да, с декабря прошлого года.

— То есть полных шесть месяцев. И за это время всего два летальных исхода. Катенька, это раз в двадцать меньше, чем средний показатель по госпиталю.

Катя промолчала. Шибанов выглядел очень довольным.

— Скажи-ка, милая, а давно ты заметила за собой такие способности?

— Какие способности?

Шибанов присел перед ней на корточки — даже так он казался очень большим — и заглянул прямо в лицо. Глаза у него были зеленые.

— К исцелению. Они же не просто так у тебя не умирают, ты же их как-то лечишь. Я пока не спрашиваю — как. Я спрашиваю — когда ты впервые почувствовала в себе этот дар?

«Когда вылечила нашу кошку, — подумала Катя. — Ей собаки во дворе порвали ухо, и я просидела с ней целый вечер, гладя и баюкая. А на следующее утро ухо было как новое, и мама даже подумала, что я ошиблась, что кошку только поцарапали... но я-то видела, что ухо было разорвано почти пополам... Сколько мне было тогда лет? Девять? Десять?»

Вслух она сказала:

— Я не понимаю, о чем вы говорите. Никакого дара у меня нет. Я просто с детства мечтала быть врачом... поступила в медицинское училище, успела отучиться два года, потом началась война.

Шибанов тяжело вздохнул, и она замолчала.

— Катя, — сказал он. — Я летел сюда из Москвы, чтобы поговорить с тобой. Я хотел своими глазами убедиться в том, что все, что про тебя рассказывают — не сказки и не выдумки. Я

убедился. Почему ты не хочешь мне помочь?

«Потому что я не сумела спасти маму, — подумала Катя. — Если у меня и есть дар, я его недостойна.»

— Я просто медсестра, — проговорила она, глядя в пол. — Девочки говорят, что мне везет. Может быть, поэтому мои больные выздоравливают чаще...

— Ну, нет, — Шибанов мотнул головой, — про везенье ты мне можешь не рассказывать. Это совсем другой случай. Эх, Катерина, не оставляешь ты мне другого выхода...

Его рука скользнула куда-то вниз, к голенищу начищенного хромового сапога. В следующую секунду Катя увидела, что капитан сжимает в руке большой нож с зубчатым лезвием.

— Товарищ Шибанов! — крикнула Солоухина, но капитан даже головы не повернул. С ужасной улыбкой он протянул к Кате левую руку и молниеносно полоснул по ней лезвием своего ножа.

Хлынула кровь. Катя отшатнулась вместе со стулом, но несколько капель упали на ее белый халат и расцвели там алыми розами.

Солоухина отбросила папиросу и распахнула дверцы стенного шкафа. Вытащила оттуда бинт и резиновый жгут, и решительно устремила к сидевшему на корточках капитану.

— Дайте сюда руку, немедленно!

— Нет, — каркнул Шибанов хрипло. Клавдия Алексеевна остановилась, будто налетев на невидимую стену. — Пусть Серебрякова... остановит... сама... без бинтов.

Нож он по-прежнему держал в правой руке. Зеленые глаза смотрели на нее с какой-то хулиганской удалью.

— Если не остановишь, — сказал он уже мягче, — я истеку кровью. Я не хотел резать вену, но случайно порезал. Так что поторопись, Катенька.

Катя колебалась. Здравый смысл подсказывал ей, что капитан блефует, что если она сейчас встанет и выскочит в коридор, то он спокойно даст перевязать себя Солоухиной. А если нет?

Вон какие глаза сумасшедшие... Что, если он действительно умрет прямо здесь, в кабинете начальника медсанчасти? Офицер НКВД... да за такое их всех отправят под трибунал.

— Давайте руку, — сказала она и взяла Шибанова за запястье.

Первую минуту ничего не происходило. Кровь выплескивалась из распоротой вены короткими толчками, заливая форменные брюки капитана. Катя прикрыла глаза, судорожно пытаюсь нарисовать мысленную картину раны. Увидела вскрытую трубочку вены, потянулась воображаемыми пальцами к ее краям, стянула их... края, похожие на ошупь на мокрую резину, выскальзывали из рук. Она напряглась, изогнулась дугой, почувствовала, как колют кончики воображаемых пальцев раскаленные иглы. Жар в пальцах усилился, теперь он сваривал края вены, словно паяльник разорванный провод. Потом волна жара схлынула, и Катя почувствовала, что через нее вливается в раненую руку капитана ледяная, останавливающая кровотечение, струя. Шибанов заскрипел зубами, но она не открыла глаза и не отняла руку.

— Ничего себе, — проговорил капитан потрясенно. — Рассказал бы кто — не поверил...

Катя заставила себя разомкнуть веки. Голова гудела, как после сильного удара — когда-то, когда Катя с разбегу треснулась лбом о дерево, ощущения были примерно такие же.

Кровь по-прежнему была везде — особенно много ее было на струганном дощатом полу кабинета. «Как ее теперь оттирать-то?» — озабоченно подумала Катя, и тут взгляд ее упал на руку капитана.

Нормальная мужская рука, сильная, поросшая короткими светлыми волосками, немного испачканная запекшейся кровью. От запястья к локтевому сгибу уходил тонкий розовый шрам, бледневший прямо на глазах.

Катя вскрикнула и разжала пальцы. Шибанов спрятал нож и озабоченно потер шрам.

— Ну вот, спугнул я тебя! Еще бы пара минут, и следов бы никаких не осталось...

Он выпрямился во весь рост и обернулся к Солоухиной.

— Что ж, Клавдия Алексеевна, кажется, опыт прошел удачно...

— И как это понимать, товарищ капитан? — начальник медсанчасти уже оправилась от первого потрясения, и тон ее не сулил Шибанову ничего хорошего. — Что вы себе позволяете? Устроили какой-то дурацкий спектакль в моем кабинете, запачкали все своей кровью, довели до обморока сотрудницу! Вы полагаете, что с вас некому будет спросить за это самоуправство?

— Это был не обморок, — возразил капитан, пропустивший мимо ушей угрозы доктора. — Катя просто сосредоточилась. Что же касается спектакля — мне нужно было убедиться в способностях Серебряковой, и я это сделал. Прошу извинить за испачканный пол.

Он снова потер руку, словно был не в силах поверить в собственное исцеление.

— Скажите кому-нибудь, чтобы Серебряковой дали чаю с сахаром. Она потратила очень много сил.

«Какой добренький, — подумала Катя. Слова долетали до нее, как сквозь вату. — Пусть не подлизывается, все равно он мне не нравится...»

— В этом кабинете распоряжения отдаю я, — Солоухина щелкнула портсигаром и извлекла из него новую папиросу. — Между прочим, Серебряковой еще два часа до конца смены.

— Ее смена закончена, — сказал Шибанов. — Я забираю ее с собой. В Москву.

Катя не поверила своим ушам. Этот сумасшедший энкавэдэшник хочет увезти ее в Москву? Но зачем? Что она будет там делать?

— Это категорически исключено, — отрезала Солоухина. — Такими медсестрами я разбрасываться не могу.

— Товарищ начальник медсанчасти, — холодно проговорил капитан. — Я прибыл сюда из Москвы для выполнения вполне конкретной задачи. Определить, есть ли у Серебряковой особые способности к исцелению и в случае положительного ответа забрать ее с собой. Это приказ товарища Абакумова, первого заместителя народного комиссара внутренних дел.

«Господи, — подумала Катя, — для чего же я им понадобилась?»

— Даже если бы это был приказ самого наркома, — Солоухина подошла к Кате, мешком сидевшей на стуле, и встала между ней и Шибановым. — У меня, капитан, есть свое начальство. Как начальник медсанчасти Южного Урала, я подчиняюсь непосредственно народному комиссару здравоохранения Георгию Андреевичу Митереву. И там, где дело касается моих кадров — моих лучших кадров — я буду выполнять только его приказы, но отнюдь не ваши.

«Да, — мысленно взмолилась Катя, — да, Клавдия Алексеевна, миленькая, не отдавайте меня! Я не хочу в Москву, я не хочу бросать госпиталь!»

Но другой голос в глубине ее сознания шепнул:

«Если ты уедешь в Москву, тебе не придется каждый день решать вопрос, кому из умирающих ты можешь помочь, а кого должна бросить на произвол судьбы. И не придется оправдываться перед девчонками. И не придется слышать крики тех, для кого ты стала последней надеждой на спасение...»

Шибанов задумчиво почесал бровь.

— Доктор, — сказал он, — я выполняю задание государственной важности. У меня огромные полномочия, честно говоря, неограниченные. Я мог бы, наверное, устроить так, что ваш Митерев сам позвонит вам сюда и прикажет отпустить Серебрякову на все четыре стороны. Но это отнимет уйму времени, а времени-то у нас как раз нет. Поэтому давайте сделаем так: я даю вам слово офицера, что Катя вернется к вам в госпиталь после того, как выполнит... ну, скажем, ра-

боту, которая ей будет поручена. Я лично привезу ее сюда и сдам вам с рук на руки. Но вы сейчас отпускаете Катю со мной в Москву.

— Вы хоть понимаете, о чем просите, капитан? Сколько тяжелых больных умрет здесь, пока Серебрякова будет выполнять вашу работу в Москве?

Капитан полез в карман и извлек оттуда плоскую жестяную коробочку. Сначала Кате показалось, что это такой же портсигар, как и у начальника медсанчасти, но Шибанов вытащил оттуда желтый леденец и кинул себе в рот.

— Отучаюсь курить, — объяснил он, хотя никто не спрашивал его, почему он ест леденцы. — Ужасно вредная привычка... Клавдия Алексеевна, поверьте, если вы не отпустите Катю со мной, это будет стоить жизни тысячам людей. А может, и сотням тысяч.

— Что за чушь вы городите, капитан, — устало отмахнулась Солоухина. — Каким сотням тысяч? Серебрякова нужна мне здесь. Я не могу позволить себе потерять такого ценного сотрудника.

В другое время Катя почувствовала бы гордость, но сейчас ей было не до того. Ее подташнивало, сильно кружилась голова, перед глазами плавали оранжевые круги.

— Клавдия Алексеевна, — проникновенно сказал Шибанов. — Я не приказываю, я прошу!

Солоухина отвернулась от капитана и положила твердую прохладную ладонь Кате на лоб. Ее прикосновение вдруг напомнило Кате маму, и она заплакала, прижавшись к руке начальника медсанчасти.

— Ну-ну, сестра, — проговорила она мягко. — Не плачьте. Все хорошо. Товарищ капитан дал слово офицера, что вернет вас в госпиталь.

«Отдали, — подумала Катя и сама устыдилась своей мысли. — Как это меня можно отдать, я же не вещь и не крестьянка крепостная!»

Она сделала несколько глубоких вдохов и вытерла слезы рукавом халата.

— Я... я должна доработать смену.

— Время, Катя, — капитан выразительно постучал пальцем по циферблату наручных часов, — нам к восьми нужно быть на аэродроме.

— Моя смена заканчивается в четыре. Соберусь я за час. Пожалуйста, позвольте мне доработать.

Шибанов хотел возразить, но осекся под выразительным взглядом начальника медсанчасти.

— Ну ладно, ладно, сдаюсь! — он поднял вверх руки и снова улыбнулся, блеснув фиксой. — Но мы должны выехать отсюда не позже семнадцати ноль-ноль.

— Идите, Серебрякова, — сказала Солоухина. — Надеюсь, мы расстаемся с вами ненадолго.

— Ну, — сказал капитан, — это уж как получится.

Катя вышла из кабинета, плотно прикрыв за собой дверь. Ее шатало.

«В Москву, — думала она, — я полечу в Москву... с этим сумасшедшим капитаном... и там мне нужно будет выполнить какую-то работу... связанную с моим даром лечить людей... а если я ее не сделаю, погибнут сотни тысяч... что же это за работа такая? Может, товарищ Сталин заболел, и его не может спасти никто, кроме меня? Тьфу, дурочка, что за чушь тебе лезет в голову... наверное, меня будут изучать в каком-нибудь институте, чтобы понять, как у меня это получается, а потом обучать всех медсестер. Но я ведь и сама не понимаю, как это выходит, как же поймут другие?»

— Сестричка, — крикнул кто-то из-за занавески, — сестричка, помираю, будь добренька, подойди, скажи свое заветное слово...

— Катюша! — прошелестел другой голос, — милая, посиди со мной хоть минутку, Христом-богом молю...

— Девушка, а, девушка, у меня тут сосед задыхается, помо-

гите, или хоть врачей позовите, если сами не можете...

«Не могу, — мысленно крикнула она, — не могу, вас слишком много, у меня нет таких сил, простите! Вы очень хорошие, вы герои, вы все заслуживаете того, чтобы жить, но я только маленькая медсестра, я не могу спасти вас всех...»

Спотыкаясь, словно незрячая, она добралась до палаты, где стонал в горячечном бреде разведчик Костя. Присела на стул и взяла его за руку. Рука казалась раскаленной, будто ее держали в печи.

— Я вернулась, Костя, — прошептала она. — Я обещала тебе, что вернусь, и вернулась. Теперь все будет хорошо.

Оперативные документы

НКВД
Управление Особых Отделов
15 июня 1942
242

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Выдано настоящее сотруднику Управления Особых Отделов НКВД капитану государственной безопасности тов. Шибанову А.С. в том, что он действительно следует в распоряжение воинских частей 30-й армии для выполнения специальных заданий.

Срок командировки «15» июня 1942 года

Начальник Управления ОО НКВД
Комиссар госбезопасности 3-го ранга

/АБАКУМОВ/

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Неуязвимый

Леса к югу от Ржева, июнь 1942 года

1

От маленького прифронтового аэродрома до штаба 13-й стрелковой бригады было километров двадцать. Начальник Особого отдела бригады обещал прислать за капитаном свою «эмку», но когда «У-2» приземлился в Горелом Бору, выяснилось, что никаких машин из штаба не приходило.

— Позвони им, — велел Шибанов коменданту аэродрома. — Может, они со временем напутали?

Комендант поправил сползающие на кончик носа круглые очки.

— Так ведь связи нет, товарищ капитан, — извиняющимся тоном сказал он. — С самого утра и нет. Немцы сегодня гвоздят, как бешеные — наверняка кабель снарядом повредило.

Шибанов взглянул на часы.

— Что ж, придется двигаться своим ходом. Что, отец, мотоциклы у тебя в хозяйстве имеются?

— Имелся один, товарищ капитан. Но техники его уже давно на запчасти разобрали.

— Самолеты на мотоциклетном движке летают? Смело, ничего не скажешь.

Комендант аэродрома юмора Шибанова не оценил.

— Не знаю, чем вам помочь, товарищ капитан. Разве что только лошадь могу дать...

— Лошадь? — заинтересовался Шибанов. — Дохлятину небось какую-нибудь? На колбасу уже не годится, а выбрасывать жалко?

— Нет, что вы. Трехлетка, очень резвая. Ребята ее в лесу поймали, тут неподалеку конезавод был, немцы его разбомбили, а контингент разбежался...

— Ладно, — сказал Шибанов, — уговорил ты меня, чертяка языкастый. Пойдем, покажешь своего Росинанта.

— Откуда вы узнали? — от удивления очки коменданта снова сползли вниз. — Ее и правда Росой зовут!

— А я провидец, — Шибанов постучал себя согнутым пальцем по лбу. — Зрю сразу в корень.

Роса оказалась изящной степной кобылой каурой масти. Юный Саша Шибанов ездил на таких на хуторе под родным Таганрогом. Он похлопал лошадку по морде, дал ей кусочек сахара и деловито подтянул седельные ремни.

— Ездите на ней? — строго спросил он коменданта.

— Как же не ездить. За водой, бывает. Тут до родника три километра лесом. А почему вы спрашиваете?

— Видишь, как ей, бедняге, хребет натерло? Если б вы так за самолетами своими смотрели, они бы у вас в воздухе разваливаться начали. Седло, отец, должно держаться крепко, а не вихлять по крупу, как Машка по плинтуару...

Комендант обиделся.

— Не знаю, товарищ капитан, — сухо сказал он, — как насчет Машек, а лошадь у нас одна. Не нравится — ничем больше помочь не могу, извините.

Шибанов хмыкнул. Лихо вскочил в седло, сжал лоснящиеся бока Росы коленями, и пустил ее рысью вдоль взлетно-посадочной полосы. У конца летного поля капитан развернул лошадь и, послав Росу в галоп, помчался обратно к коменданту.

— Лошадь мне нравится, — веско произнес Шибанов. — Я ее беру.

— Ну и хорошо, — с облегчением вздохнул комендант. — Позвольте, я вам дорогу объясню...

Лесная дорога петляла между высоких, поросших корабель-

ными соснами холмов. День выдался жаркий, но это ощущалось лишь на открытых солнцу прогалинах — там лениво жужжали толстые шмели, грелись на поваленных стволах серые ящерицы, дурманище пахло жимолостью и земляникой. Под сводами бора было прохладно и пахло хвоей. О том, что он находится в прифронтной полосе, Шибанов вспомнил только после того, как на западе заревело и заворочалось что-то тяжелое, и тишину прорезал пронзительный визг падающих мин.

Сосновые иголки, усеявшие дорогу, неожиданно пришли в движение, будто их перемешивала чья-то невидимая рука. То здесь, то там над дорогой поднимались столбики пыли — земля тряслась.

Где-то совсем рядом ухнул огромный железный филин. Заскрипели, наклоняясь, могучие деревья. Слева от Шибанова, круша подлесок, рухнула высоченная сосна. Испуганная Роса заплясала под ним, и капитан изо всех сил натянул поводья. Сверху сухим дождем сыпалась хвоя. Мины, истошно визжа стабилизаторами, падали теперь в полукилометре от капитана, пробивая в стене сосен бреши, сразу же заполнявшиеся сизоватым дымом. Сквозь дым просвечивало солнце, и это было удивительно красиво.

«Какого черта они лупят по лесу? — подумал Шибанов. — Здесь же, кроме меня, никого нет!»

Размышлять времени не было. Он пригнулся к шее дрожащей Росы и пустил ее в галоп.

«Эмку» он обнаружил километра через три. Автомобиль съехал в кювет, задние колеса беспомощно торчали над краем дороги. Капитан спрыгнул с лошади, и, держа ее в поводу, чтобы не убежала, подошел к машине.

Левый бок «эмки» был вмят в салон чудовищной силы ударом. Шофер лежал головой на покореженном руле, из ключицы у него торчал уродливый черный осколок. Шибанов потрогал его за шею, пытаясь нащупать пульс — шофер был уже холодным.

— Вот, значит, в чем дело, — сказал сам себе капитан.

Он забрал документы шофера и его личное оружие, и вернулся к дороге. Роса пугалась и прыдала ушами при каждом новом залпе минометов.

— Ну, девочка, — Шибанов порылся в карманах и дал ей новый кусочек сахара, — давай, не подведи меня. Нам во что бы то ни стало надо добраться до этого штаба, понимаешь?

К штабу бригады он подъехал уже в сумерках — массивная канонада к этому времени почти прекратилась, с запада доносился только утомительный лай пулеметов и редкие разрывы гранат. Лес обрывался резко, будто отрезанный невероятных размеров лопатой — дальше тянулись поля, которые та же лопата взрылила для какого-то небывалого посева. Семена, брошенные в эту землю, были стальными, их обильно поливали кровью, а удобряли человеческими телами. За полем мерцали колющие огоньки — тысячи колющих огоньков. Там стояла 9-я армия генерала Вальтера Моделя, уже полгода удерживавшая Ржев.

Капитан Шибанов, в отличие от большинства солдат и офицеров Красной Армии, знал правду о том, что происходило на Ржевском выступе. В первые же дни после Нового года 9-я армия вермахта на северном фланге группы армий «Центр» оказалась под угрозой окружения. Ее командующий, генерал-полковник Адольф Штраус, страхался неминуемого позора и гнева фюрера, каждый день надирался шнапсом и был неспособен принимать решения. В конце концов он слег с тяжелейшим нервным расстройством и был отправлен в Берлин. Вместо него командующим 9-й армией был назначен пятидесятилетний генерал танковых войск Вальтер Модель — человек, обладающий чрезвычайно уродливой внешностью и невероятно сильным характером.

Модель начал с того, что надерзил самому Гитлеру. Ознакомившись с ситуацией во вверенных ему войсках, он запросил

у фюрера дополнительный корпус — иначе, заявил Модель, 9-ю армию спасти не удастся. Гитлер согласился, но потребовал, чтобы этот корпус принял участие в боях к северо-западу от Вязьмы. Модель возразил, что русские начнут наступление гораздо севернее, около Ржева, а значит, корпус надлежит перебросить именно туда. На глазах у изумленных фельдмаршалов новоиспеченный генерал, еще три месяца назад бывший простым дивизионным командиром, не оставил камня на камне от плана фюрера, предусматривавшего концентрацию сил у Вязьмы. В конце концов, когда потерявший терпение Гитлер повысил на Моделя голос, тот холодно посмотрел на него через монокль и произнес ставшую знаменитой фразу:

— Кто командует 9-й армией, вы или я?

Эта немыслимая наглость произвела впечатление на фюрера, и он дал Моделю карт-бланш. И не ошибся — в течение последующих нескольких месяцев Модель спас не только 9-ю армию, но и всю группу армий «Центр».

В январе и феврале Ставка Верховного Главнокомандования обрушила на позиции Моделя несколько чудовищных ударов. 39-й армии под командованием генерал-лейтенанта Масленникова удалось прорваться сквозь его оборону к югу от Ржева, но Модель отрезал ее от шедших на помощь подразделений пяти советских армий, и окружил. Утопая по пояс в снегу, солдаты Моделя с фанатичным огнем в глазах сдерживали натиск русской пехоты. Все усилия оказывались тщетны — 9-я армия превратилась в волнолом, о который разбивались попытки широкомасштабного наступления советских войск. Если где-то возникала угроза прорыва, Модель бросал туда свои отборные резервы — полк СС «Фюрер». Об эсэсовцах «Фюрера» говорили, что эти парни сражаются даже мертвыми. К концу февраля от всего личного состава полка осталось 35 человек. Но 9-я армия Моделя устояла.

Ржевский выступ неожиданно превратился в тот камень, на который нашла коса нашего зимнего наступления. В ожесто-

ченных попытках прорвать окружение погибла 39-я армия — из тридцати двух тысяч человек в живых осталось всего пять. Шибанов видел документы (разумеется, под грифом «совершенно секретно»), в которых говорилось о гибели под Ржевом шести наших дивизий, разгроме десятка других и гибели семидесяти процентов личного состава армий, принимавших участие в попытках справиться с Вальтером Моделем. Цифры общих потерь во время Ржевско-вяземской операции не назывались даже в этих документах, но они, без сомнения, были огромны.

И это было главной причиной появления капитана Шибанова в лесах к югу от Ржева.

Он вошел в штабную землянку, низко наклонив голову — рост в сто девяносто сантиметров вынуждал двигаться осторожно. За грубо сколоченным столом сидели трое мужчин — грузный лысоватый генерал с округлым крестьянским лицом, крепко сбитый брюнет с погонами майора артиллерии, и худощавый лейтенант госбезопасности с узкими и злыми глазами. Перед ними стоял большой, похожий на снаряд, термос и три глиняных миски, от которых поднимался пар. На деревянной разделочной доске лежали яйца, огурцы, зеленый лук и хлеб. Присутствовала и полулитровая металлическая фляга.

— Капитан НКВД Шибанов, седьмой отдел Главного Управления¹.

— Что так поздно, капитан? — недовольно спросил генерал, отламывая хлеб. — Я за тобой машину послал, думал, ты к обеду поспеешь.

— Черная «эмка» с номерами 23-57 лежит в кювете километрах в четырнадцати отсюда, товарищ генерал, — сказал Шибанов. — Шофер погиб, вот его документы и оружие.

Он положил на край стола воинскую книжку, солдатский

¹ Шибанов неточен. Управление Особых отделов никогда не называлось Главным. Седьмой отдел вел оперативным розыском и мобилизационной работой. Возможно, капитану просто не нравилось, как звучит фраза «седьмой отдел Управления Особых отделов».

медальон и пистолет убитого шофера.

Генерал выругался.

— Эх, Лешка... Месяц только, как из госпиталя, вот же не повезло парню! А какой водила был классный!

— Мне очень жаль, — проговорил Шибанов. — Кстати, товарищ генерал, у вас есть какие-либо соображения по поводу того, почему немцы обстреливают лес?

Генерал посмотрел на него так, как будто в гибели Лешки был виновен именно он, капитан Шибанов.

— Не много на себя берешь, капитан?

Подобные интонации были хорошо знакомы Шибанову — фронтовые офицеры использовали каждый удобный случай, чтобы показать столичному особисту, кто из них круче. Обычно он старался не давать поводов для таких демаршей, и вопрос о том, почему немцы бьют по пустому лесу, был задан им без всякой задней мысли. То, что начштаба бригады воспринял его, как личное оскорбление, удивило капитана.

— Попрошу ознакомиться с моими полномочиями, — сказал он сухо.

Не торопясь, достал из кармана гимнастерки сложенный вчетверо документ и протянул его генералу. Тот фыркнул, развернул бумагу и начал читать. По мере того, как он читал, простецкое лицо его приобретало все более кислое выражение. Наконец, генерал добрался до подписи (народный комиссар внутренних дел Л.П. Берия), и окончательно заскучал.

— Ну, и чего тебе от нас надо, капитан? — спросил он уже совершенно другим голосом.

— Вчера я разговаривал по ВЧ со старшим уполномоченным Лукашевичем. Я полагал, что он изложил вам мою просьбу.

Худощавый отложил ложку и поднялся.

— Старший уполномоченный ОО НКВД лейтенант госбезопасности Лукашевич. Товарищ капитан, я передал ваши пожелания товарищу начальнику штаба и товарищу комиссару бригады.

— А, — пробурчал генерал, возвращая Шибанову подписанный наркомом документ, — ты насчет заговоренного... Ну, есть такой. Зачем он тебе?

— Мне необходимо с ним поговорить, — ответил капитан. — Но прежде, *если позволите*, я хотел бы задать несколько вопросов товарищу лейтенанту госбезопасности.

— Иди, Лукашевич, — генерал махнул рукой. — Ваши особистские дела мне не интересны. А ты, капитан, если захочешь борща навернуть, приходи, у нас тут еще осталось.

— Спасибо, товарищ генерал, — Шибанов подождал, пока старший уполномоченный выберется из-за стола и, отдав честь, вышел из землянки. — Пойдемте, товарищ лейтенант, покажете мне ваше царство.

— Скажете тоже — «царство», — усмехнулся Лукашевич. — Такая же землянка, только пониже да погрязнее.

— А вот это нехорошо, — укоризненно проговорил капитан, — рабочее место следует содержать в чистоте и порядке.

Лейтенант плотно сжал и без того узкие губы.

— Вам легко говорить, товарищ капитан. А здесь у нас грязь везде. Вши. Бывает, засунешь руку за гимнастерку, на ощупь, не глядя, нашаришь, вытащишь такой катышек — а там их, может, десяток, вшей этих, ну и не глядя бросаешь из окопа вон к ним... — он показал в сторону огней армии Моделя. — Не моемся неделями. Речка ближайшая вон там, на поле — только подойдешь, фрицы гвоздить начинают. С водой плохо. Когда бой два, три дня — хоть совсем помирвай. Воду из воронок котелками набираем, потом во флягу пару таблеток хлорки — и пьем. Хорошо, хоть водку иногда подвозят, она дезинфицирует...

Шибанов с интересом взглянул на особиста.

— Не понял, товарищ лейтенант, вы что, мне жалуетесь?

Лукашевич осекся.

— Да нет, конечно, товарищ капитан. Просто... насчет грязи...

Они зашли в землянку Лукашевича, служившую одновременно и канцелярией особого отдела.

— Хотите чаю? — спросил старший уполномоченный, вытаскивая из кармана связку ключей. В углу стоял несгораемый шкаф, явно позаимствованный из конторы ближайшего сельсовета. — У меня сухари есть.

— А давайте, лейтенант, — улыбнулся Шибанов. — А пока будем чаи гонять, вы мне все про интересующую меня личность и расскажете.

— Ну, значит, так, — Лукашевич отпер дверцу несгораемого шкафа и вытащил оттуда тонкую картонную папку. — Во вторник я получил от начальника особого отдела бригады товарища Богданова инструкцию, которой предписывалось сообщить о наличии во вверенном мне подразделении бойцов, обладающих особыми способностями, если, конечно, такие бойцы имеются. Честно говоря, я сначала не очень понял, что за способности должны быть — ну, там, может, кто-то стреляет метко, или ножи хорошо бросает, или там выпью кричит, но товарищ Богданов разъяснил, что речь идет о совсем особых способностях. И тут я сразу вспомнил о заговоренном.

— Это что, кличка такая? — спросил Шибанов.

— Ну, не то чтобы кличка... Солдаты его так между собой называют, потому что его вроде как пуля не берет.

— Имя-фамилия у этого заговоренного есть?

— Так точно, товарищ капитан, — Лукашевич раскрыл папку. — Старшина второго пехотного полка Теркин Василий Степанович. Призван на военную службу в октябре сорок первого, участвовал в боях под Москвой, отмечен медалями за храбрость. Дальше вот самое интересное — в составе стрелкового батальона седьмой бригады 39-й армии принимал участие в попытках прорыва окружения в январе-феврале этого года. Ну, вы наверное, знаете, что тридцать девятая почти полностью погибла... около пяти тысяч солдат и офицеров попали в плен к немцам, остальные были убиты. К нашим прорвалось

через кольцо окружения человек триста. И Теркин среди них.

— Пока не вижу ничего необычного, — заметил Шибанов. — Триста человек — это, с точки зрения статистики, очень много.

— Подождите, — Лукашевич перебирал листы. — После этого Теркин участвовал в каждом нашем наступлении на позиции 9-й армии. Вы не представляете, что там было, товарищ капитан! Просто жернова, понимаете? И эти жернова нас мололи в кровавую труху!

— Постарайтесь без обобщений, лейтенант, — поморщился Шибанов. — Я не хуже вас знаю о трудном положении на этом участке фронта.

— Извините, — Лукашевич поднялся и направился в угол, где стояла спиртовая конфорка. Зажег огонь и водрузил на него закопченный чайник. — Я продолжаю. Два или три раза Теркин оставался одним из очень немногих выживших — может быть, речь шла о десятке из полка. Когда немецкая авиация раскатала батальон майора Чеботарева — это было в марте — из всего батальона в живых осталось только двое — Теркин и рядовой Овечкин, которому оторвало ступню. Теркин вытащил Овечкина на себе. После этого о нем и стали говорить, как о заговоренном. Овечкин клялся, что пока старшина тащил его к своим, рядом с ними не упало ни одного снаряда.

— Да, — сказал капитан, — это уже кое-что.

— Я поднял все доступные документы, — Лукашевич поставил перед Шибановым металлическую кружку, аккуратно положил на клочок газеты три ржанных сухаря. — Получается, что Теркин без единой царапины вышел из двадцати трех боев, восемь из которых закончились почти полным уничтожением тех подразделений, в которых он служил, пятнадцать — чрезвычайно тяжелыми для нас потерями. По-моему, это можно назвать особыми способностями, хотя я, честно говоря, не понимаю, как это у него получается.

— Дайте поглядеть, — Шибанов протянул руку к папке. Некоторое время он внимательно читал документы, не обращая внимания на разливавшего чай Лукашевича. — Что ж, хорошая работа, лейтенант. Теперь мне хотелось бы взглянуть на самого героя.

— Вы пока пейте чай, товарищ капитан, а я схожу за Теркиным.

— Да, — рассеянно кивнул Шибанов, продолжая изучать содержимое папки, — только вот что, приведите его не сюда, а в штабную землянку. Мне понадобятся свидетели.

Чай и сухари капитан оставил нетронутыми.

2

— Я, Теркин Василий Степанович, старшина второго пехотного полка, четырнадцатого года рождения, русский, беспартийный, несудимый, в присутствии начальника штаба 13-й стрелковой бригады генерала Осипова, комиссара бригады майора Зеленина и старшего уполномоченного особого отдела бригады лейтенанта госбезопасности Лукашевича, обязуюсь хранить в тайне все, что мне будет сообщено товарищем Шибановым по поводу моих особых способностей и согласен на проведение проверочного эксперимента.

Вот такую ерундику пришлось мне повторить, ребята. И эдак торжественно, с выражением, как будто я не перед начальством стою, а в самодеятельности играю. Эти двое — генерал с майором — были уже принявшие, им такое представление даже нравилось. Особист наш, Лука, выглядел, как обычно, вареным осетром — черт его разберет, о чем он там думает. И только сам этот товарищ Шибанов смотрел ну очень серьезно, как будто ждал, что я что-нибудь напутую, и очень ему этого не хотелось. Ну, я и не напутал — чего парня зря расстраивать.

Парняга, я вам скажу, еще тот. Выше меня на голову, в пле-

чах — косая сажень, нос перебит. Кулаки — как два моих. На груди — орден. Но сам сытый такой, откормленный, видно, что не по окопам свою награду добывал. Лука на него смотрит влюбленными глазами, ну, думаю, все понятно, московское начальство прибыло.

— Ладно, — говорю, — сообщайте мне про мои особые способности, сгораю, между прочим, от нетерпения.

А товарищ Шибанов мне так ласково:

— Есть мнение, товарищ Теркин, что вы солдат неуязвимый. Знаете, как вас в полку называют? Заговоренный. Вот интересно было бы узнать, а что вы сами по этому поводу думаете?

— Да что тут думать, — отвечаю, — русский солдат, если только он не ленив и смекалист, легко может свою смерть обхитрить. Кто раз, кто два раза, а кто и сто. У меня вот пока получается.

— Ну что ж, — говорит товарищ Шибанов, почувствовав ко мне неизъяснимое доверие и по этому поводу переходя на «ты», — давай посмотрим, получится ли сейчас.

И достает из широких штанин револьвер системы «наган». Новенький, похоже, что недавно со склада. Откидывает барабан, высыпает на ладонь патроны. Все, кроме одного.

— Про «русскую рулетку» слышал, старшина?

— Слышал, — отвечаю, а у самого что-то в груди екает.

— Сыграем? — спрашивает.

— Да как-то не хочется, — говорю.

Он брови хмурит.

— Считай, что это приказ, старшина. Стреляешь три раза. Выиграешь — проси, что хочешь. Проиграешь — значит, не заговоренный ты.

У меня аж ладони взмокли.

— Нет, — говорю, — товарищ Шибанов. Это не игра, а глупость сплошная. Ну, кому нужно, чтобы я свои мозги тут по стенам поразвесил? От этого ж бригаде ни проку, ни толку,

одни убытки. Хотите, я сейчас быстренько через поле сгоняю, и от фрицев вам живого языка приведу? Риска столько же, а пользы гораздо больше.

Смотрю, не нравится ему мое предложение.

— Вот что, старшина, приказы не обсуждаются. Если трусишь, так и скажи — трус я, мол. Вон, перед товарищем генералом скажи — я, Василий Теркин, трус и дешевка, боюсь проверить свои особые способности, нужные, между прочим, советской Родине. Хочу от проверки отмазаться и по этому поводу готов даже сгонять через поле к немцам. А уж языка ты там искать будешь или в плен сдашься — это науке неизвестно.

Ах, вот как, думаю, гнида ты московская.

— Ладно, — говорю, — будь по-вашему, товарищ Шибанов. Давайте мне ваш револьвер. Только уговор у нас будет такой: если я три раза выстрелю и живой останусь, очень мне желательно в этом случае вам в репу наварить. За такое ваше бесчеловечное отношение.

Тут наш комиссар, орел наш, взвивается до небес:

— Да ты что себе позволяешь, старшина! — кричит. — Товарищ капитан от самого наркома внутренних дел прибыл, а ты ему — в репу? Это, между прочим, уже антисоветской агитацией пахнет!

А мне уже все равно, я уже мысленно с жизнью попрощался.

— Это от вас, — говорю, — пахнет, товарищ майор. Потому что нам водку в цистернах из-под бензина привозят. Вы, когда курите, осторожней будьте, а то сгорите к едрене фене.

Тут генерал неожиданно оживился.

— Старшина прав, — говорит, — последнее время водка совсем дрянная стала. Сырец какой-то, и действительно бензином воняет.

А товарищ Шибанов мне протягивает «наган».

— Договорились, старшина. Три выстрела — и в репу. Я в

обратку бить не стану, клянусь.

У меня аж под ложечкой засосало.

— Ну, — говорю, — если пропаду не за грош, на вас грех будет, до смерти не замолите.

Кручу барабан, подношу ствол к виску, думаю — эх, Господи, пронеси... Нажимаю — осечка.

— Отлично, — говорит товарищ Шибанов. — Еще два раза осталось.

А у самого глаза такие внимательные, будто хочет меня на всю жизнь запомнить.

Я кручу по новой. Наган блестит, весь в маслице, треск у барабана такой деловитый... Господи, молюсь про себя, по своей бы воле никогда такой глупостью страдать бы не стал, но раз заставляют ироды, спаси меня, как Ты всегда меня спасал...

Жму на собачку — щелк. Пусто.

Смотрю, у генерала в глазах какое-то беспокойство появляется.

— Может, хватит, капитан? Зачем судьбу зря искушать!

И комиссар, гляжу, как-то с лица сбледнул, осунулся.

— Действительно, товарищ Шибанов, по-моему, и так все ясно. Давайте подпишем ваше заключение — у старшины Теркина действительно есть особые способности, и дело с концом.

— Подпишем, — цедит сквозь зубы капитан, — только вот он сейчас третий раз вхолостую выстрелит, и сразу же подпишем.

А у меня, ребята, мандраж. Руки трясутся, как с бодуна. Ну, два-то раза ладно, Бог упас. А ну как на третий раз оно возьми да выстрели? И страшно прямо до дрожи. Когда в бою, оно не так обидно — все-таки есть за что умирать. А тут-то за что? За бумажки их сраные?

— Нет, — говорю, — вы как хотите, а я третий раз Бога гневить не стану. Забирайте ваш револьвер, считайте меня трусом, дезертиром, кем хотите — я стрелять не буду.

Вижу — генерал с майором прямо вздохнули с облегчением. Только Лука, особист наш, челюсть выпятил и еще больше на осетра стал похож.

— Что ж, — говорит товарищ Шибанов, — выходит, Леха зря погиб.

— Это что еще за Леха? — спрашиваю.

— Да шофер ваш штабной, Леха Патрикеев. Он, понимаешь, за мной поехал, чтобы я с тобой поскорее смог разобраться. И погиб, когда мина в «эмку» попала. А ты, видишь, боишься дело до конца довести, ради которого я сюда приехал. Вот и суди сам, зря Леха погиб или не зря.

Суки, думаю, и Леху мертвого на себя работать заставили... А Леха Патрикеев, ребята, был мой друг, настоящий, мы с ним вместе из окружения выходили... в общем, задел меня этот товарищ Шибанов, словами своими про Леху — задел, сволочь.

— Смертельный аттракцион, — говорю, — исполняется единственный раз.

Два раза поворачиваю барабан — не кручу, а пальцем отщелкиваю — раз, два. Подношу к виску и давлю на спусковой крючок.

И не слышу ничего, ни щелчка, ни выстрела.

Вижу только перед собой рожи перекосившиеся. Генерал что-то кричит, рот разевает, но беззвучно. Комиссар с лицом белым, как березовая кора, тянется ко мне через стол, но достать не может — далековато. Лука у меня из руки револьвер выкручивает, тоже что-то орет, я и его не слышу. И только товарищ Шибанов стоит молча, глядит на меня так, будто я только что ему яичко золотое снес, и улыбается. А во рту у него фикса блестит.

А потом что-то в ушах у меня треснуло, и я сразу всех услышал.

— Зачем вы стреляли, старшина? — ревет белугой генерал.

— Вы что, решили покончить жизнь самоубийством?

— Шесть выстрелов! — орет Лука. — Шесть!!! Я же говорил,

что он особенный!

— Форменное безобразие, товарищ капитан! — это уже комиссар права качает. — Самоуправство и беспредел! Вы не имели права подвергать такому риску жизнь бойца Красной Армии!

«Раньше надо было соображать, — думаю. — Теперь то уж что!»

И тут до меня доходит, что я не один раз собачку нажал, а все четыре. Видно, от страха слегка оглох, и нажимал, нажимал — а щелчков не слышал.

— Успокойтесь, — говорит тут капитан Шибанов. — Никакого риска на самом деле не было.

И на глазах у изумленной публики подносит револьвер к виску и давит на спусковой крючок.

Бабах! Грохот страшный. А капитан стоит и смеется.

— Все патроны были холостые. И тот, который был в барабане, конечно, тоже. Но штука в том, что старшина стрелял шесть раз.

— А патрон так и остался в барабане, — шепчет Лука. Головастый все-таки парень, хоть и особист.

— Именно. Вот теперь эксперимент завершен полностью и успешно. Остается подписать заключение...

— Погодите, — говорю, — подписывать. У меня к вам, товарищ Шибанов, дело есть.

Подхожу к нему — а он довольный стоит, лыбится во все тридцать два, включая фикса — примериваюсь...

... и от всей души — в репу.

Как и договаривались.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Стакан воды

Москва, июнь 1942 года

1

Вызов шефа застал капитана Шибанова в спортзале.

Он работал на ринге, пытаясь согнать странную вялость, неожиданно навалившуюся на него после полета на Ржевский выступ. Сдав неуязвимого солдата Теркина личному помощнику наркома Саркисову, Шибанов, как всегда после выполнения задания, поехал в Сандуны, а потом в казарму — отсыпаться. Баня и десять часов крепкого сна отлично снимали напряжение, и на следующее утро капитан чувствовал себя так, как другие после двухнедельного отпуска на море. Но в этот раз все было иначе.

Он проснулся, ощущая ватную слабость во всем теле. Вставать категорически не хотелось. «Может, заболел?» — испуганно подумал Шибанов, за свои двадцать пять лет ни разу не подхвативший даже легкого насморка. Прислушался к себе — ничего вроде бы не болело. Но состояние души было отвратительным.

После задания ему полагался день отгула, который капитан предполагал провести вместе со своей подругой Татьяной, студенткой Института военных переводчиков. Но сейчас, лежа в постели и глядя на кружащийся за окном тополиный пух, Шибанов понимал, что даже Татьяну ему видеть не слишком хочется.

«Агульная млявосць и абыякавасць да жицця» — так, кажется, называл подобную напасть их с Бричкиным однокурсник по Ростовской школе НКВД белорус Толя Юхнавец. Ничего не хочется, ничего не интересует, жизнь кажется серой и унылой, как штаны пожарника. Может, дело в том, что за последнюю неделю ему довелось прикоснуться к краешку тайны, разгадки которой он никогда не узнает? Как будто из окошка скоростного экспресса махнула ему рукой красивая девушка — и скрылась навсегда.

«Соберись, тряпка, — приказал себе Шибанов. — Тебе дали задание — ты его выполнил. Какое тебе дело до того, что будет с людьми, которых ты отыскал? Может, они будут работать в секретном институте, а может, их пошлют на передовую. В любом случае, ты к их судьбе уже отношения не имеешь».

С грехом пополам разобравшись в причинах своей хандры, капитан Шибанов заставил себя подняться и побрел в душевую. Но даже ледяной душ не прогнал проклятую вялость, и окончательно разозлившийся на себя капитан отправился в спортзал.

Спарринг-партнером он выбрал Азамата. Коренастый казах уступал ему в быстроте реакции, но удары у него были поистине пушечные — чтобы увернуться от них, приходилось прыгать по всему рингу, хитрить и постоянно качать маятник. Поначалу капитан уходил от атак Азамата довольно легко, но казах был настойчив, и Шибанов внезапно понял, что начинает уставать. Потом он пропустил прямой в подбородок, и едва не поплыл. Подбородок у капитана с юности был «стеклянным», о чем совсем недавно напомнил ему старшина Теркин, на глазах у начштаба бригады, комиссара и особиста отправивший Шибанова в нокдаун. Сейчас подбородок все еще ныл, и по закону подлости удар Азамата пришелся именно в него. Капитан тряхнул головой, сжал челюсти и бросился в атаку.

Он пару раз удачно провел свой коронный кросс правой, и

намеревался развить успех, когда в дверях спортзала появился дежурный.

— Товарищ капитан, вас срочно к телефону! Товарищ Абакумов на проводе!

Александр плюнул и принялся стягивать перчатки.

— Повезло тебе, — сказал он Азамату. — Судьба Онегина хранила...

Капитан Шибанов любил русскую классику.

— Слушаю, товарищ комиссар госбезопасности, — сказал он, добежав до стола дежурного и схватив протянутую трубку телефона.

— Опять по рингу прыгаешь? — усмехнулся шеф. — Смотри, капитан, допрыгаешься. Бокс еще никому не добавлял ни ума, ни здоровья. Самбо надо заниматься, понял?

— Так точно, товарищ комиссар госбезопасности, — привычно ответил Шибанов. К нравоучениям Абакумова, ярого приверженца боевого самбо, он уже давно относился как к неизбежному злу.

— Ладно, — сказал шеф, — раз понял, тогда через полчаса чтоб был у меня. Все, время пошло!

И положил трубку.

От казарм НКВД в Кисельном переулке до площади Дзержинского капитан и зимой доходил минут за семь. А по летней распаренной Москве долетел, как на крыльях, так что уложился на десять минут раньше назначенного Абакумовым срока.

Секретарша шефа, худая пятидесятилетняя женщина с вечной папиросой во рту, смерила Шибанова ледяным взглядом из-за очков. Прозвище у нее было Кобра, поговаривали, что даже сам шеф, известный своим крутым нравом, побаивается с ней спорить.

— Здравсьте, Зинаида Васильевна, — изобразил лучезарную улыбку капитан, — прекрасно выглядите сегодня, помолоде-

ли и похорошели, цветете натурально как роза мая!

— Не юродствуйте, Александр, — отрезала Кобра. — Товарищ Абакумов разговаривает по телефону, когда закончит, я вас приглашу.

— Слушаюсь, Зинаида Васильевна, — Шибанов шутя приложил ладонь к фуражке. Кобра презрительно сжала губы и выдала пулеметную очередь на своем «ремингтоне». Печатала она быстрее всех машинисток в Управлении, и это, на взгляд Шибанова, было ее единственным неоспоримым достоинством.

Коротко тренькнул телефон — в кабинете Абакумова повесили трубку.

— Проходите, Александр, — мгновенно среагировала Кобра. Шибанов одернул китель и постучал в дверь кабинета шефа.

Кабинет Абакумова был обставлен с суровой роскошью спартамца. Плотные белые шторы на окнах, два стола, составленные в виде буквы «Г», накрытый вышитым украинским рушником сейф в углу, на сейфе — высокий фарфоровый чайник. На одном столе разложены карты и газеты, на другом — письменный прибор, лампа под металлическим абажуром, круглые часы в стальном корпусе, блюдец с кусками рафинада, телефон. Из не относящихся к работе предметов в кабинете имелись разнообразные фигурки кошек — каменные, глиняные, деревянные. Одну фигурку — выточенную из коричневатого нефрита — Шибанов год назад привез шефу из Китая.

Абакумов сидел в низком кожаном кресле, вытянув длинные ноги, читал какие-то документы и прихлебывал крепкий чай из стакана в серебряном подстаканнике.

— Товарищ комиссар госбезопасности, капитан Шибанов по вашему распоряжению явился.

— Вольно, капитан, — Абакумов, не глядя, указал свободной рукой на стул, — присаживайся.

Александр сел. Шеф выглядел недовольным. Не лично Шибановым — в этом случае он обрушился бы на капитана сразу же, драматических пауз не терпел — но чем-то, происходящим вокруг. Задавать вопросы, впрочем, было неразумно.

— Ты хорошо поработал, — буркнул шеф неожиданно.

Шибанов вскочил и щелкнул каблуками. Абакумов поморщился.

— Да не скажи ты! Нас хвалили. Там.

Генерал поднял указательный палец.

— Но это не главное. Твоя работа по делу вундеркиндов еще не закончена.

«Правда?» — чуть не крикнул Шибанов. Это было самое приятное известие, которое мог сообщить ему шеф. Но он, разумеется, сдержался.

— Ехать далеко на этот раз не придется. Где Военно-хозяйственное училище войск НКВД находится, знаешь?

— Так точно, товарищ комиссар госбезопасности. Второй Кабельный переулок, дом четыре дробь шесть.

Абакумов кивнул.

— Ну, вот туда и отправишься. Отыщешь там товарища Мессинга Вольфа... как его... ну, неважно. Он обучает там специальную группу курсантов. Тебе надо выяснить, кто из его учеников обладает наиболее ярко выраженными способностями.

— Разрешите уточнить, — Шибанов почувствовал охотничий азарт, — способностями к чему?

Шеф поднял голову и наконец-то посмотрел на него.

— Ты что, ничего не слышал о Мессинге?

— Никак нет, — начал капитан, и вдруг осекся. — Мессинг? Артист оригинального жанра?

— А говоришь, не слышал. Он уже полгода как выступает с концертами. Чтение мыслей, поиск спрятанных предметов,

внушение, гипноз. Москвичи на его выступления ломаются.

— Я думал, он фокусник, — сказал Шибанов.

— Индюк тоже думал, — оборвал его шеф. — Товарищ Мессинг обучает наших разведчиков гипнозу. Твоя задача — определить его лучшего ученика.

— Разрешите вопрос. Военно-хозяйственное училище — это прикрытие разведшколы?

— Конечно. И что с того?

— Все разведшколы находятся в ведении товарища Меркулова, — сказал капитан. — Это же не уральская медсанчасть. Мне просто никто не позволит забрать оттуда курсанта.

Абакумов угрожающе засопел.

— Об этом можешь не беспокоиться. К Мессингу ты поедешь не один.

Он отложил бумаги и с фырканьем допил остывший чай.

— Ты будешь сопровождать наркома внутренних дел товарища Берия.

2

— Ждите меня здесь, капитан, — сказал Берия. — Когда понадобится, я вас позову.

Порученец Абакумова ему не нравился. Типичный русак — здоровенный, с открытым лицом и хитрющими глазами. Берия всегда неуютно чувствовал себя рядом с такими богатырями. Взять хотя бы Виктора — приблизил к себе, обласкал, сделал своим заместителем, а он теперь через его, Берия, голову, бегают к самому Хозяину. А ведь еще недавно казался надежным русским простачком.

Идея Абакумова прокачать старого парижского эмигранта оказалась воистину золотой — кто же мог предположить, что Хозяин когда-то знал этого чудака лично? Берия не мог про-

стить себе того, что не назвал Сталину имя Гурджиева сам — подвела привычка не утомлять Хозяина конкретными деталями оперативных комбинаций, излагать только суть дела. А Виктор не побоялся, рассказал и про Гурджиева, и про Семь башен — и неожиданно сорвал банк. Услышав о Гурджиеве, Хозяин пришел в необыкновенное возбуждение, и велел немедленно наладить с ним контакт. А потом к делу подключился могущественный начальник 13-го отдела Максим Руднев, и Берия почувствовал, что теряет контроль над ситуацией.

Надо было срочно принимать меры — союз Руднева и Абакумова оборачивался серьезной угрозой. К счастью, начальник 13-го отдела увлекся изучением архивов покойного Бокия, а без его поддержки Абакумов ничего толкового придумать оказался не в состоянии. Когда он предложил Сталину сформировать диверсионную группу для похищения предмета «Орел», Берия понял, что пришло время нанести хорошо рассчитанный удар.

— Мы знаем, что фашисты ищут эти предметы по всему миру, — сказал он. — Мы знаем, что по крайней мере один предмет у них уже есть. Мы не знаем доподлинно, есть ли у них другие предметы, но было бы логично предположить, что при таком повышенном — и что немаловажно, многолетнем — интересе к предметам, они ими обладают.

— Вы согласны с этим, товарищ Абакумов? — спросил Хозяин.

— Могут быть и другие, — кивнул начальник Управления особых отделов. — Исключать такое нельзя.

— Очень хорошо, — удовлетворенно улыбнулся Берия. Его чересчур самостоятельный заместитель сам шел в приготовленную ловушку. — Тогда мы можем предположить, что по крайней мере некоторые из этих предметов задействованы для охраны Гитлера. Я не знаю, что это может быть. Может,

какая-то штука для чтения мыслей. Или предмет, позволяющий распознавать на расстоянии вражеских агентов.

— Давайте не будем фантазировать, товарищ Берия, — нахмурился Сталин. — Товарищ Руднев занимается изучением этого вопроса и пока что не сообщил нам о таких предметах.

— Конечно, товарищ Сталин, — тут же согласился нарком. — Все, что я хочу сказать, сводится к следующему: обычная диверсионная группа может в данной ситуации оказаться бессильна. Отдельные попытки проникнуть в зону полевой ставки Гитлера под Винницей предпринимаются нами с конца апреля этого года, и еще ни разу они не увенчались успехом. Последней неудачной операцией была попытка майора Кошкина использовать партизанский отряд Тараса Петренко для атаки на аэродром «Вервольфа». Отряд был уничтожен, Петренко казнен фашистами, майор Кошкин пропал без вести. Это говорит о том, что привычные нам методы для решения такой сложной задачи, скорее всего, не сработают.

Хозяин прищурившись смотрел на него своими желтыми тигриными глазами.

— Ваши предложения, товарищ Берия.

— В целом я согласен с товарищем Абакумовым, — нарком бросил быстрый взгляд на Виктора, — но хочу внести существенное дополнение. Специальную группу следует сформировать не просто из хорошо обученных диверсантов, а из бойцов с особыми способностями.

Он снял пенсне и быстро протер стекла мягкой фланелевой тряпочкой.

— В институте доктора Гронского специально изучают так называемых уникумов — людей, умеющих передвигать предметы силой мысли, зажигать взглядом огонь, владеющих даром гипноза и тому подобное. К сожалению, уникумы, которых изучают специалисты Гронского, не подходят для вы-

полнения диверсионных заданий в тылу врага — это гражданские лица, не имеющие никакой специальной подготовки, к тому же по большей части довольно пожилые.

Абакумов согласно кивнул — последнее время, как хорошо было известно Берия, он зачастил в Лесной Дом.

— Я предлагаю отыскать людей с особыми и уникальными способностями среди солдат и офицеров Красной Армии и военно-технического персонала, — раздельно проговорил Берия. — Я считаю, что среди миллионов советских воинов наверняка найдется пять-десять человек, обладающих такими дарованиями.

В тигриных глазах Хозяина вспыхнули огоньки, и Берия понял, что его план сработал.

— Для поиска таких бойцов я предложил бы использовать систему Особых отделов, которой руководит товарищ Абакумов, — продолжал он, тепло улыбнувшись Виктору. — Особые отделы получают информацию в буквальном смысле слова со всей страны. Необходимо лишь подготовить подробную инструкцию, которая облегчила бы задачу уполномоченным Особых отделов, дала бы им четкое представление о том, кого им нужно искать.

— Что скажете на это, товарищ Абакумов? — трубка Хозяина нацелилась в грудь начальника Управления Особых отделов. — Как оцениваете предложение товарища Берия?

— Интересное предложение, товарищ Сталин. Неожиданное. Надо, конечно, как следует все обдумать...

— Нет времени, — оборвал его Сталин. — Пока будем думать, немцы обскачут нас по всем статьям. Они и так уже получили гигантскую фору, а вы собираетесь облегчить им жизнь? Предложение товарища Берия — дельное. Составьте инструкцию и разошлите ее по всем фронтам, тыловым и учебным частям. Чем скорее мы получим сведения о том, есть

ли у нас подобные... вундеркинды, тем оперативнее сможем приступить к решению главной задачи. Есть возражения?

— Никак нет, товарищ Сталин, — бодро отозвался Абакумов. «Чему он радуется? — удивился Берия. — Или еще не понял, что уже не играет первую скрипку в этом концерте?»

— Хорошо. В таком случае, на вас — информационное обеспечение и отбор участников группы. Общее руководство операцией — ваша забота, товарищ Берия.

Выходили из кабинета Хозяина молча. Абакумов старался не смотреть на своего шефа. Когда миновали приемную Поскребышева, Берия сам взял его за пуговицу кителя, и негромко проговорил, глядя на рослого Абакумова снизу вверх:

— Виктор, ты не понимаешь, как тебе повезло. Тебе доверили сформировать специальную группу для работы в тылу противника, а ведь это вотчина Меркулова. Не обижайся, что я немного поправил тебя, в одиночку ты бы не справился. Руководство такой операцией требует специального опыта, которого у тебя пока нет. Я знаю, ты рассчитывал на помощь Фитина, но он завязан на Всеволода, а Всеволод отныне тебе не друг. Без меня ты пока не сможешь провести операцию такого уровня. Так что пойми и прими ситуацию такой, как она есть.

— Есть принять ситуацию такой, как она есть, товарищ народный комиссар внутренних дел, — ответил Абакумов глухо, и по тому, как официально он произнес эти слова, Берия понял — Виктор обижен по-настоящему. И не просто обижен — взбешен тем, что у него из-под носа увели разрабатывавшуюся им операцию, лишили его шанса продемонстрировать Хозяину свою незаменимость. И, конечно, никогда этого унижения не забудет.

... Поэтому, когда Абакумову удалось в рекордно короткий

срок обнаружить двоих кандидатов в «уникумы» — неуязвимо-го старшину Теркина и владеющую чудесным даром исцеления медсестру Серебрякову — Берия почувствовал, что пришла его пора сделать очередной ход. В группу необходимо было включить своего человека, и нарком вспомнил о Вольфе Мессинге, который вел в разведшколе НКВД занятия с наиболее одаренными курсантами. Конечно, сам Мессинг в диверсанты не годился, но найти подходящего кандидата среди его учеников казалось делом несложным. Единственная проблема заключалась в том, что поиск и отбор членов группы был прерогативой Абакумова, а Берия не хотел демонстративно унижать своего заместителя еще раз. Зачем своими руками выращивать врага из вчерашнего друга? Он позвонил Виктору рано утром (тот, как хорошо знал Берия, был совой, с утра соображал туго) и, изображая озабоченность, сказал:

— Слушай, мне тут вот что пришло в голову... Хорошо бы в группу включить гипнотизера.

— Гипнотизера? — повторил не проснувшийся еще Абакумов.

— Да. Помнишь, я рассказывал тебе о Мессинге? Так вот, я подумал — давай-ка возьмем кого-нибудь из его курсантов. Надо только посмотреть, кто из них на что способен.

— Замечательная идея, — неуверенно проговорил Абакумов. — Я распоряжусь...

— Кто у тебя вундеркиндов искал? — перебил его Берия. — Ну, порученец твой...

— Сашка Шибанов.

— Вот-вот, Шибанов. Пришли его ко мне сегодня, мы с ним навестим товарища Мессинга. Мне тоже интересно взглянуть, чему там учит наших разведчиков артист оригинального жанра...

Мессинг порывисто поднялся навстречу наркому — невысокий, лысоватый брюнет с большим еврейским носом и пронзительными черными глазами. Берия улыбнулся доброй, чуть смущенной улыбкой, которую он приберегал для общения с пионерами или творческой интеллигенцией, но в глаза Мессингу заглядывать не стал, смотрел в сторону.

— Вам, наверное, уже объяснили цель моего визита, Вольф Григорьевич?

— Да, мне звонил ваш помощник, товарищ Саркисов, — для иностранца Мессинг довольно чисто говорил по-русски. — Он сказал, что вас интересует, кто из моих курсантов проявляет наибольшие способности к внушению...

— Гипнозу.

Мессинг виновато улыбнулся.

— Правильнее все-таки — внушению. Я не учу курсантов гипнозу. Гипнос — по-гречески «сон», гипноз, следовательно, наука о погружении в транс, особое, родственное сну, состояние. А моя цель — пробудить и развить в курсантах способность внушить другому человеку все, что им необходимо, ни в коем случае не усыпляя его.

— Как вы внушили кассиру выдать вам сто тысяч?

— Да, приблизительно. Конечно, такие опыты мы не проводим. Но лучшие из моих учеников уже могут заставить неподготовленного человека, например, взять стакан воды и вылить себе на голову.

— Вот как? — усмехнулся Берия. — И что, выливают?

— Конечно. Хотите взглянуть?

Нарком снова тепло улыбнулся — и опять уклонился от прямого взгляда в глаза гипнотизера.

— Затем и приехал. Так кто из ваших питомцев самый способный?

— Таких несколько. Но если говорить о лучшем ученике, то

это, пожалуй, Константин Розен.

Улыбка Берия поблекла.

— Еврей?

Мессинг тоже перестал улыбаться.

— Нет, немец из Поволжья. А это имеет какое-то значение, товарищ нарком?

— Вы хотите сказать, что среди русских нет способных к гипнозу? — вопросом на вопрос ответил Берия.

— Почему же, есть. Но вы просили назвать самого способного. Я не виноват, что он немец.

Минуту нарком размышлял, потом принял решение и щелкнул пальцами.

— Хорошо. Давайте посмотрим вашего Розена. Со мной приехал один молодой офицер, он ждет внизу. Попробуем поставить эксперимент на нем.

— А он не обидится? — спросил Мессинг. — Вы предупредили его, что он станет, так сказать, подопытным кроликом?

— Наоборот, он ни о чем не подозревает. Пусть они встретятся с вашим учеником как бы случайно. А мы тем временем незаметно за ними понаблюдаем. Это возможно?

— Да, вполне. Ваш офицер должен будет подняться в триста вторую комнату. Это такой специальный класс... предназначенный для негласного наблюдения за курсантами. Я тем временем объясню Розену, что ему следует делать.

Когда Розен вошел в комнату, капитан Шибанов стоял спиной к двери, изучая анатомическое строение тела человека на плакате «Учпедгиза». Берия, прильнув к замаскированному под висящую на стене картину окну, с нетерпеливым интересом следил за происходящим. Розен — высокий худощавый блондин с нервным породистым лицом — остановился на пороге и отдал честь.

— Товарищ капитан госбезопасности, курсант Розен по ва-

шему приказанию явился, — доложил он приятным, хорошо поставленным баритоном.

Шибанов обернулся и удивленно посмотрел на курсанта.

— По моему приказанию? Курсант, вы что-то путаете. Я ожидаю встречи с товарищем Мессингом, мне сказали, что он сейчас придет.

— Вольф Григорьевич задерживается, — мягким, но убедительным тоном проговорил Розен. — Давайте пока поговорим, товарищ капитан.

Шибанов пожал плечами.

— Ну, давай поговорим. Так ты из его группы?

— Да, — голос Розена стал чуть громче, в нем появились требовательные интонации. — Товарищ капитан госбезопасности, возьмите графин и налейте стакан воды.

Шибанов обернулся. Взгляд его упал на стоящий на столе преподавателя стеклянный графин.

— Зачем, курсант?

— Так надо, — по-прежнему мягко сказал Розен. — Возьмите графин и налейте стакан воды.

— Ну, если только надо, — усмехнулся Шибанов. Подошел к столу, взял графин и налил воды в тонкостенный стакан. — Что дальше?

— Теперь возьмите стакан и вылейте воду себе на голову, — невозмутимо продолжал курсант. — Вы хотите взять этот стакан и вылить воду себе на голову...

Берия затаил дыхание.

— Сейчас он обольет себя водой, — шепнул стоявший рядом Мессинг. — У Розена потрясающие способности к суггестии...

— Слушай, курсант, — сказал Шибанов, озадаченно вглядываясь в гипнотизера, — а у тебя самого с головой все в порядке?

— Разумеется, — монотонным голосом проговорил Розен.

— Вы берете стакан и выливаете его себе на голову...

Шибанов посмотрел на стакан в своей руке. Перевел взгляд на курсанта.

— Нет, — хмыкнул он, — я так не играю.

Вернулся к столу и перелил воду обратно в графин. Осторожно закрыл стеклянной крышкой.

— Придумай лучше что-нибудь поумнее...

Розен выглядел ошарашенным. Берия оторвался от окна и грозно взглянул на Мессинга.

— Что это значит? Почему гипноз не действует?

— Я не знаю... — пробормотал Мессинг. — У Розена не бывает осечек...

— А то, что было сейчас — это разве не осечка?

— Послушайте, — гипнотизер так разнервничался, что даже схватил наркома за рукав. — Вы не могли бы позвать вашего офицера сюда... буквально на пару слов.

— Я вам что, мальчик на побегушках? — огрызнулся Берия. Мессинг страдальчески закусил губу.

— Ради бога, простите... Я просто не понимаю, что происходит... и хочу поставить еще один небольшой эксперимент.

— Ну, ладно, — Берия вышел в коридор и заглянул в дверь триста второй комнаты. — Капитан, на минуточку.

Шибанов, бросив удивленный взгляд на побледневшего Розена, вышел из класса.

— Зайди вон туда, — бросил ему нарком. — Поговоришь с Мессингом.

Берия задержался в коридоре, глядя через проем открытой двери на убитого своей неудачей Розена. Любопытно было бы подойти сейчас к нему и приказать повторить опыт со стаканом. Если ничего не выйдет и на этот раз, значит, вся затея со школой — дурацкая. Может, Мессинг и уникальный гипнотизер, но учитель из него аховый. Ну, а если у Розена все же

получится? Берия представил, как он будет выглядеть с мокрой головой и забрызганным водой пенсне, и его передернуло. Да нет, глупости, у курсанта хватит мозгов, чтобы отказаться гипнотизировать всесильного шефа госбезопасности... Но почему все-таки он не сумел ничего внушить этому капитану?..

— Товарищ народный комиссар, — громким шепотом позвал его Мессинг, — подойдите, пожалуйста, сюда... это потрясающе...

У гипнотизера было лицо человека, с которым заговорила кошка.

— Ваш капитан... это уникальный случай... он абсолютно невосприимчив к внушению. Таких людей на земле очень мало... за всю мою практику это второй такой случай...

— А где был первый? — быстро спросил Берия.

— В Бразилии, в тридцать шестом году... это неважно. Я отдал вашему капитану тот же приказ — вылить на голову воду — а он только рассмеялся. Понимаете — рассмеялся!

— Ну так смешно же, — сказал капитан Шибанов. — Сначала курсант этот малахольный, потом вы... Придумали бы что-нибудь поинтереснее!

— Более того, — торопливо проговорил Мессинг, — у меня есть кое-какие догадки... видите ли, сам я тоже невосприимчив к суггестии. Если только я не ошибаюсь... капитан, вы никогда не замечали за собой талантов гипнотизера? Может быть, у вас получалось внушать что-то кому-нибудь?

Капитан задумался.

— Ну, было дело по молодости. В спецшколе в Ростове ребят на спор на шпагат сажал. Знаете, как бывает — уже почти садишься, а больно, думаешь — нет, не сяду! У некоторых так и не получалось. Так я им слегка помогал. Убеждал, что они могут сесть — и садились ведь! Потом, друга своего однажды убедил, что он высоты не боится, это перед тем, как мы парашютное дело осваивали...

Мессинг просиял.

— Что и требовалось доказать! Капитан, вас не затруднит вернуться в триста вторую комнату и убедить курсанта Розена проделать ту же манипуляцию, что он хотел сделать с вами?

Шибанов вопросительно посмотрел на Берия. Нарком нехотя кивнул.

— Я почти уверен, что у него получится, — возбужденно проговорил Мессинг, когда капитан вышел из класса. — Посмотрите, товарищ Берия...

В окно было хорошо видно, как Шибанов подошел к Розену и заглянул ему в глаза. Они были почти одного роста, но по сравнению с атлетически сложенным капитаном курсант выглядел более хрупким.

— А теперь, салага, возьми графин и вылей себе на голову, — произнес капитан мрачно.

Породистое лицо Розена исказила гримаса. Несколько секунд он изо всех сил сопротивлялся приказу, но потом напряжение, сковывавшее его, исчезло, курсант безвольно шатнулся назад, подошел к столу и резким движением схватил графин.

— На голову, — повторил Шибанов.

Берия и Мессинг смотрели, как вода стекает по светлым волосам Розена, по его безучастному, покорному лицу. Пустой графин дрожал в его руке.

— Потрясающе, — повторил Мессинг. — Я первый раз сталкиваюсь с такими способностями... у парня настоящий дар, ах, если бы только мне дали с ним позаниматься!

— Боюсь вас огорчить, Вольф Григорьевич, — сказал Берия, — но в ближайшее время позаниматься вам с ним не удастся. У меня на этого парня другие планы.

Оперативные документы

Совершенно секретно!

Начальнику Управления Особых Отделов НКВД СССР,
Комиссару госбезопасности 3-го ранга

товарищу Абакумову
гор. Москва

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

Об установлении местонахождения Гумилева Льва Николаевича

Гумилев Лев Николаевич, 1913 года рождения, в настоящее время отбывает срок наказания в Норильском исправительно-трудовом лагере. Осужден в 1938 году Военным трибуналом Ленинградского военного округа по статье 17-58-8 УК РСФСР и приговорен к лишению свободы с содержанием в ИТЛ сроком на десять лет. В июле 1939 г. в связи с пересмотром дела осужден ОСО НКВД по статье 17-58-8 и получил срок заключения в исправительно-трудовом лагере сроком на пять лет.

Начальник Управления Особого Отдела
Норильского исправительно-трудового лагеря

полковник
МАШУТИН

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Глухие боги

Туркестан, май 1934 года

Норильсклаг, июнь 1942 года

1

Змея метнулась из-за камня черной молнией.

Он не успел отшатнуться. Почувствовал сильный удар в бедро, резкую боль укуса. Атаковав, змея почему-то не отпрянула, и он, еще не осознав, что произошло, поднял ногу в тяжелом солдатском ботинке и размозил твари треугольную голову. На темно-серой чешуйчатой коже светлели мелкие ромбовидные пятна — это была эфа, убийца пустынь.

«Я умираю, — подумал он, холодея от первобытного ужаса. — От укуса эфы нет спасения...»

Вытащил нож и вонзил в ногу сантиметра на три выше красных точек, оставленных зубами змеи. Хлынула кровь. Скрипя зубами, он вырезал кусок своей плоти, как древний герой, кормивший птицу Симург. Разорвал рубашку и кое-как перевязал рану.

Его била дрожь, но в глазах пока не темнело, и мышцы не сводило судорогой. Он прислонился к горячему камню, вытянул ноги и некоторое время сидел так, глубоко вдыхая сухой пыльный воздух. Бешено колотившееся о ребра сердце понемногу успокаивалось.

«Может быть, у нее не осталось яда», — с надеждой подумал он. О таких случаях рассказывали. Иногда змеи сходят с ума

и бросаются на всех подряд, быстро расходуя свой запас яда. Если это так, ему крупно повезло. Теперь хорошо бы еще добраться до лагеря до наступления темноты...

В лабиринте невысоких скал, печальных руин некогда могучей горной страны, можно было блуждать бесконечно. Он забрел сюда в поисках убежавшего жеребца — красавец Алтын, которого он объезжал каждый вечер после раскопок, вдруг скинул его и ускакал в холмы.

«Я, кажется, пришел оттуда», — подумал он, вглядываясь в похожий на арку проход между двумя красноватыми утесами. В просвете арки яростно сияло багровое закатное солнце. Лабиринт скал находился к востоку от лагеря, стало быть, возвращаться нужно было на запад. Вот только прямых путей в этом лабиринте не существовало.

Хромая и морщась каждый раз, когда приходилось переносить вес тела на раненую ногу, он побрел на закат. Ущелье, разумеется, тут же повернуло к югу, потом снова к северу, потом раздвоилось, как язычок змеи. Солнце уже почти скрылось за зубчатыми стенами скал, по песку протянулись длинные тени, вечерний холодок мурашками пополз по телу. Несколько раз он принимался громко звать Алтына, но ему отвечало лишь эхо, мечущееся между каменными глыбами.

Потом он окончательно понял, что потерял дорогу, и со стоном опустился на большой валун.

Ночевать в скалах не хотелось — не только из-за хищников, которые могли появиться с наступлением темноты, но и из-за холода, быстро сменяющего дневную жару. Спать на холодных камнях означало почти наверняка застудить себе почки или заработать радикулит — ни то, ни другое в двадцать лет не выглядит пределом мечтаний. В пустыне еще можно набрать саксаула или железного дерева, и развести костер, но на этих древних камнях не росла даже трава.

— Я пойду дальше, — сказал он вслух, как будто скалы мог-

ли его слышать. — Я буду идти, пока не свалюсь с ног. Я не сдамся.

Он закусил губу и поднялся. Искромсанная нога отозвалась глухой болью. Белая тряпица, которой он перетянул рану, пропиталась кровью насквозь.

Над головой промелькнула черная тень. Он поднял голову — в сиреневых сумерках над ущельем кружило чудовище с уродливой лысой головой на длинной и тонкой шее. Гриф.

Падальщик.

Он наклонился и поднял с земли тяжелый камень. Если тварь приблизится, он постарается перебить ей крыло.

Гриф насмешливо каркнул, описал над ним еще один круг и скрылся из виду. Падальщики терпеливы.

Он шел, спотыкаясь и падая, поднимался, сплевывая горькую слюну, бормотал то площадные ругательства, то чеканные строки латинских авторов, цеплялся за острые камни и пробирался все дальше и дальше вглубь каменного лабиринта, уже не заботясь о том, в каком направлении он идет. Важно было продолжать двигаться.

А когда с небес коршуном упала непроглядная туркестанская ночь, он увидел свет.

Свет дрожал над верхушками далеких скал, холодный и дикий, как отблески костров туземцев с островов южных морей, которыми он грезил в детстве.

Бесшумное синевато-белое пламя.

Он засмеялся, и смех его раскатился далеко по безлюдным ущельям. Это не мог быть лагерь, тот мерцал мягким, уютным, янтарным светом. Здесь, в глубине скалистой страны, таилось что-то совсем чужое и даже зловещее. Но он не чувствовал страха. Он, ускользнувший от смерти и не побоявшийся вырезать кусок собственной плоти, не видел перед собой ничего, что могло бы его напугать.

Он пошел на свет.

Ему показалось, что он шел целую вечность.

Наконец, он выполз — идти уже не оставалось сил — на каменистую площадку, нависавшую над неглубокой расщелиной. Тысячи лет назад по этой расщелине, наверное, бежал веселый горный ручеек. Сейчас она выглядела омертвевшим шрамом, рассекавшим сухое безжизненное тело земли.

На другой стороне расщелины высилась черная башня.

Мертвенный свет поднимался из темного провала или колодца у ее основания. «Это горит подземный газ, — подумал он. — Рядом с ним можно согреться».

От башни его отделяло каких-то двести метров, но это были самые длинные метры в его жизни. Он скатился по пологому склону расщелины, в кровь обдирая тело о камни, и полез на противоположный склон, который оказался и выше, и круче. Несколько раз он срывался, но продолжал взбираться наверх, скрипя зубами от боли.

Башня, на первый взгляд не показавшаяся ему особенно высокой, теперь вздымалась над ним, словно гора. Она была сложена из огромных глыб дикого камня и вблизи производила впечатление очень древней. От колодца, в котором горел газ, вела к башне выложенная выщербленными плитами известняка дорога.

Он подполз почти к самому колодцу, но не почувствовал никакого тепла. Свет, вырывавшийся из подземной дыры, был холодным. Он протянул руку, чтобы коснуться синеватого мерцания, и тут же с криком отдернул ее. Кожа на пальцах покраснела и вздулась, как если бы он сунул ее в огонь.

— Что же это за чертовщина? — спросил он вслух.

Холодный свет, обжигающий, как настоящее пламя... Тут было о чем поразмыслить, но сейчас его занимали более практические вопросы. Он промерз до костей, и ему во что бы то ни стало нужно было согреться. «Может, в башне найдутся какие-нибудь деревяшки, — подумал он. — Соберу их и разведу костер».

Широкий дверной проем в виде трапеции закрывался когда-то металлическими створками, но безжалостное время сожрало их, оставив лишь черную труху на пороге. Он осторожно проник в башню, и почти сразу наткнулся на то, что искал — целую груду кривых веток карагача, заботливо сложенную в углу. Видно, башню время от времени посещали.

Спички он потерял во время своих странствий по ущельям, но теперь это не имело значения. Он вытащил из груды веток одну, потолще, и поковылял обратно к колодцу. Сунул ее в столб синеватого света — на конце ветки тут же запылал веселый желтый огонек.

Когда костер разгорелся, распространяя вокруг себя вожделенное тепло, он почувствовал, что к нему вновь возвращается любопытство. Кто и когда построил эту башню? Огнепоклонники? Он слышал, что в горах Туркестана еще живут последние потомки древних зороастрийцев, бежавшие в отдаленные уголки страны от торжествующего ислама. Но арабы пришли в эти края чуть больше тысячи лет назад, а башня выглядела чудовищно старой, едва ли не допотопной. Осколок неизвестной науке древней цивилизации?

Отблески пламени плясали на закопченных, скошенных стенах, выхватывали из темноты очертания полуразвалившейся каменной лестницы. Он терпеливо дождался, пока согреется окончательно, потом поменял повязку, отметив, что кровотечение почти прекратилось, и, прихватив с собой горящую ветку, полез на второй этаж башни.

Здесь сладковато пахло разложением, а мощные камни стен были покрыты полустершимися барельефами, изображавшими крылатых чудовищ. Посреди комнаты стоял гранитный алтарь с выдолбленными канавками, в которых застыло что-то темное. Окон в этом помещении не было.

Третий этаж был меньше и носил следы недавнего пребывания людей. У стены лежал набитый конским волосом мат-

рас, в углу валялась пустая консервная банка, обгрызенный кусок сухаря и металлический котелок без ручки. В середине сложенного из циклопических каменных балок потолка зияла круглая дыра, через которую были видны крупные туркестанские звезды. Крепкая деревянная лестница, отброшенная чьей-то рукой, лежала на полу. Он с трудом поднял ее и приставил к краю дыры.

Взбираться по лестнице с раненой ногой было неудобно, но любопытство гнало его вперед.

Он выбрался на плоскую крышу башни, под режущие удары заточенного о стены ущелий холодного ветра. Синее пламя, бывшее из-под основания башни, наводило на мысль о горящем где-то на дне колодца маяке. Отсюда, с крыши, казалось, что его сияние заливает половину неба. Очертания скал плавились в мертвом подземном свете.

«Это галлюцинация, — подумал он. — Яд все-таки проник в кровь, и сейчас я умираю на холодных камнях где-то в ущелье... И все, что я вижу — на самом деле только предсмертный сон...

To die, to sleep;
To sleep: perchance to dream: ay, there's the rub;
For in that sleep of death what dreams may come
When we have shuffled off this mortal coil,
Must give us pause: there's the respect
That makes calamity of so long life»¹.

За его спиной раздался леденящий душу крик.
Он резко развернулся, держа перед собой уже догорающую

¹ «Скончаться. Сном забыться.

Уснуть... и видеть сны? Вот и ответ.

Какие сны в том смертном сне приснятся,

Когда покров земного чувства снят?

Вот в чем разгадка. Вот что удлинняет

Несчастьям нашим жизнь на столько лет». Шекспир, Гамлет. Перевод Бориса Пастернака

ветку, и успел увидеть вырастающую над краем башни уродливую тень. В уши ударило хлопанье крыльев, что-то большое сорвалось с крыши и метнулось в темноту, обдав его мерзким запахом гнили. Старый знакомый — гриф!

Он шагнул в тень, подальше от края, и тут что-то громко хрустнуло под его подошвами. Наклонился, держа ветку перед глазами, и вздрогнул.

На крыше башни, уставившись пустыми глазницами черепа в бархатно-черное небо, лежал облаченный в военную форму скелет.

Грифы здорово потрудились над ним, но добротная ткань его армейского костюма — кажется, это был английский боксскот — не позволила им раскидать кости по всей крыше. Целыми остались и высокие ботинки, и лежащий поодаль цейсовский бинокль.

Он присел на корточки перед скелетом, осторожно проверил карманы — не сохранились ли там какие-нибудь документы. В одном кармане обнаружился пакет с голландским трубочным табаком, в другом — сложенная вчетверо карта. Ветка уже догорела, и он решил что рассмотрит карту при свете дня. Больше ничего интересного найти ему не удалось.

Он поднялся, и тут раненая нога подвела его. Потеряв равновесие, он с приглушенным проклятием рухнул на скелет, чувствуя, как трещат под его весом высушенные на солнце хрупкие кости. Завозился, пытаясь встать, ладони елозили по бокссклоту, давя оставшиеся целыми ребра. Внезапно пальцы наткнулись на гладкий металл. Он машинально сжал руку, отполз подальше от несчастного покойника и только тогда взглянул на свой неожиданный трофей.

В тусклом синеватом свете, вырывавшемся из подземного колодца, блестела на его ладони серебристая фигурка птицы с хохолком и большим клювом.

Гумилев проснулся от боли в левой ноге.

Рана, нанесенная им самому себе, затянулась много лет назад, и на память об опасном приключении в туркестанских горах остался только рваный белый шрам. Но боль иногда возвращалась, и каждый раз она предвещала беду.

Нога болела перед тем, как за ним первый раз пришли в Ленинграде, осенью тридцать третьего. И за час до страшной драки политических с уголовными в Беломорлаге, когда он чудом остался жив — дрогнула рука у нанюхавшегося марафета урки, и заточка, нацеленная ему в печень, только оцарапала кожу. И тогда, когда он прилюдно осадил на лекции подонка Пумпянского, посмеявшегося издеваться над памятью его расстрелянного отца. Когда Пумпянский заявил, что отец писал об Абиссинии, а сам никогда не был дальше Алжира, и назвал его «отечественным Тартареном», Лев встал и заявил —

— Вы говорите неправду, Гумилев был в Абиссинии.

— Кому лучше знать — вам или мне? — надменно спросил Пумпянский.

И Лев под дружный хохот аудитории ответил:

— Конечно, мне. Я же его сын.

Пумпянский побежал жаловаться в деканат, и спустя два дня Льва арестовали — за участие в студенческой террористической организации...

Болела нога и сейчас.

Он открыл глаза и увидел над собой потолок верхней шконки. Каждое утро, изо дня в день, четыре года и четыре месяца подряд он видел одно и то же. Доски в трещинах и кружках спиленных сучков — в каждый из них он мог ткнуть с завязанными глазами. Край засаленного полосатого матраса, свешивающийся сантиметров на двадцать. Томаш, как обычно, ворочался во сне, и его матрас все время сползал. Когда-ни-

будь, по теории вероятности, Томаш должен был свалиться вместе с матрасом на пол, но пока что вероятности были на его стороне.

Гумилев сделал глубокий вдох, стараясь не думать о том, что воздух в камере кисловатый и затхлый, как всегда бывает в помещении, где живут, едят, спят двадцать человек, которых, к тому же, водят в баню только раз в неделю. В конце концов, подумал он, запахи — это очень субъективно, если бы я был эскимосом, то для меня не было бы аромата лучше, чем запах сырой рыбы, а если бы я родился бушменом, то приходил бы в восторг от дымка тлеющего в очаге буйволиного помета. Объективно только наличие в воздухе кислорода, а его здесь достаточно, иначе у меня болела бы не нога, а голова...

И все-таки старая рана напомнила о себе неспроста. Он окончательно убедился в этом, когда после утренней поверки к нему подскочил мелкий блатной Филя и торопливым шепотом протараторил в ухо:

— Приходи в десять на зады литейного цеха, с тобой говорить хотят.

— Погоди, — он цепко схватил Филю за рукав и притянул к себе, — кто хочет?

— Узнаешь! — огрызнулся блатной и резким движением вырвал руку.

Тут же подошел Томаш, большой и надежный, загородил Филе дорогу.

— Что случилось, Лев? Что этому шмендрику от тебя нужно?

— А ты вообще не суйся куда не надо, чудило чешское, — завелся блатной. — Не с тобой разговор!

Впутывать Томаша не хотелось, и Гумилев махнул рукой.

— Ладно, пусти его. Что о шестерку мараться?

Вместе с Томашем пошли к умывальникам. Запасливый чех

извлек из кармана робы газетный кулечек с зубным порошком, протянул другу.

— Возьми, Лев, у тебя, кажется, кончился.

— Ты разоришься со мной, Том! — Гумилев аккуратно отсыпал маленькую щепотку порошка себе в ладонь. — Никогда не умел экономить, каюсь.

— Надо учиться! — улыбнулся Томаш. — А то я уйду на волю, кто тебя будет опекать?

— Вот еще! — обиделся Гумилев. — Опекать! А кто тебя от Магоги отмазал, забыл?

— Нет, не забыл. Кстати, зачем все-таки к тебе Филя подходил?

— Шепнул, говорить со мной будут. А кто — не сказал.

Томаш помрачнел.

— Сам как думаешь?

Гумилев осторожно насыпал порошок на новенькую, с жесткой щетинкой зубную щетку — выиграл неделю назад в карты у богатого бухарского еврея Финкельмана — и с удовольствием принялся чистить зубы.

— Не жнаю, Том, — пробормотал он, — может, Ржавый жа штарые дела... может, Жухряч опять баллоны катит... ражберемша, в общем.

— Хочешь, я с тобой пойду? — в голосе Томаша не было особенного энтузиазма, да оно и понятно — та еще радость вписываться не в свою разборку с авторитетными блатными — но Лев знал, что если он скажет «хочу», Томаш пойдет и будет прикрывать ему спину.

— Нет, — сказал он, сплевывая белую от порошка слюну. — Сам разберусь.

— Я на всякий случай ребят предупрежу, — Томаш оглянулся по сторонам, потом сунул руку в карман и быстро протянул что-то Гумилеву. — Вот, возьми, может, пригодится...

Это была завернутая в плотную бумагу бритва — вещь,

обычная у блатных, но почти немислимая в бараках политических. Откуда Томаш ее достал, можно было только догадываться. Лев благодарно сжал запястье чеха.

— Спасибо, друг. Я вечером верну.

...Но он ошибся. На пустыре за литейным цехом его ожидали не Ржавый и не Зухряч. На пустой бочке из-под соляры сидел, щурясь на теплое июньское солнце, его старый знакомец еще по ленинградским «Крестам» Свист. А за ним стояли двое угрюмых коренастых ЗК, которых Гумилев в Норильсклаге никогда прежде не видел.

— Какие люди, — воскликнул Свист, широко разводя синие от наколок руки. Со стороны можно было подумать, что он хочет обнять давно потерянного брата. — Что, Левушка, не думал, наверное, что встретишь меня тут, за Полярным кругом? Ан видишь, как оно повернулось...

— Я слышал, тебя зарезали на пересылке, — сказал Гумилев холодно. — Но недооценил твою живучесть.

— А тебе бы этого хотелось, да, Левушка? — голос Свиста стал совсем медовым. — Конечно, хотелось, я знаю! Тогда в «Крестах» ты ведь так и не отдал мне должок. А если бы меня зарезали, то некому было бы и отдавать. Но Бог не фразер, он все видит! И я живой, и ты... пока что. Так что ты мне по-прежнему должен и теперь уже с процентами!

Семь лет назад в «Крестах» молодой заключенный Лев Гумилев вступился за старого правоведа Кизеветтера, которого обижали воры. Профессор был осужден за антисоветскую агитацию — на самом деле все его преступление заключалось в том, что он рассказывал студентам на лекциях о принципе презумпции невиновности. Жена профессора каждые два дня приносила ему передачи с белыми булками, печеньем и конфетами — почтенный правовед был сладкоежкой. Все эти

деликатесы у Кизеветтера тут же отбирали державшие в камере масть урки. Правовед возмущался и пытался жаловаться тюремному начальству, но до его страданий никому не было дела. В конце концов Гумилеву это надоело, и он подошел к блатному, только что реквизировавшему у профессора очередной пакет с едой.

— Почему ты отобрал у старика передачу? — спросил он у урки. Тот ухмыльнулся, предчувствуя веселье.

— Отобрал? Что ты, голубок, он мне сам ее отдал. Видишь, какой довольный сидит?

Неопытный человек купился бы на этот примитивный трюк и обернулся бы проверить, не сошел ли с ума профессор. Но за плечами Гумилева уже был Беломорлаг, где он вдоволь насмотрелся на подлые блатные штучки.

Поэтому он сделал вид, что оборачивается, перехватил летящий ему в голову кулак и, резко присев, бросил противника через себя. Этому приему научили его в Азии — тамошний народ любил борьбу. Сам Гумилев до ареста увлекался боксом, но в подобной ситуации азиатская хитрость была предпочтительнее честного английского мордобоя.

Урка со всего размаху грохнулся об пол спиной и затылком и дико завыл. Гумилев не стал наклоняться, чтобы посмотреть, что с ним такое — просто подобрал пакет профессора и отнес его обратно Кизеветтеру.

— Молодой человек, — пробормотал правовед, побелев от страха, — вас же теперь убьют...

— Пусть попробуют, — усмехнулся Лев. — К тому же я действовал по понятиям, а они в этой среде важнее, чем законы — в вашей.

Он оказался прав. Блатные, конечно, устроили разбор — все-таки не каждый день политический осмеливался поднять руку на вора. К счастью, нашлось немало свидетелей, слышавших, как урка назвал студента «голубком», а за

такую бесосновательную предъяву с него можно и нужно было спросить. Смотрящий камеры, поразмыслив, заявил, что студент защищал терпилу, что благородно, а урка пострадал за собственную борзость, поэтому виноват сам. На некоторое время в камере воцарился мир, у профессора даже перестали отбирать передачи. Гумилев, с некоторых пор не веривший в сказки со счастливым концом, утроил бдительность и однажды ночью это спасло ему жизнь.

Он лежал с открытыми глазами, мысленно чертя на карте маршрут великой армии Александра Македонского, когда к изголовью его шконки бесшумно скользнула черная тень. Еще одна тень выросла в ногах. Лев понял, что сейчас произойдет: один бандит накинёт ему на горло удавку, другой сядет на ноги, чтобы жертва не смогла вырваться.

Прежде, чем убийцы начали действовать, он кубарем скатился со шконки и вцепился в лодыжки того, кто держал удавку. Гумилеву удалось опрокинуть врага на пол, и в это время второй подскочил и нанес ему страшный удар по затылку.

Перед глазами Гумилева вспыхнули и закружились яркие огни. Ему показалось, что мир уплывает куда-то вбок, а сам он падает в бездонное, полное звезд, пространство.

Но вместо того, чтобы рухнуть замертво, он вдруг почувствовал страшную злость и невероятный прилив сил. Словно выпущенный из катапульты снаряд, он вскочил и обрушил на противника целую серию ударов. Так бешено драться у него не получалось даже на ринге. Крюк в печень, прямой в челюсть, апперкот. Противник пытался закрываться, но удары Гумилева легко пробивали его неумелую защиту. Потом в камере вспыхнул свет, и Льва оттащили. Его спарринг-партнер был похож на окровавленную куклу, но Гумилев узнал его — это был тот самый урка, которому он помешал отобрать передачу у старика-правоведа.

Погоняло у урки было Свист.

— Должок за тобой, Левушка, да еще с процентами, — ласково повторил Свист. — А долги, голубок, надо отдавать...

Гумилев опустил руку в карман и нашарил бритву. Зажал ее между указательным и средним пальцами и сделал шаг к сидевшему на бочке уголовнику.

— Кто здесь какая птица, еще посмотреть надо, — презрительно проговорил он. — Ты еще не показывал своим корешкам, как ты отлично умеешь кукарекать?

Это было страшное оскорбление, и он был уверен, что Свист не сумеет пропустить его мимо ушей. Так и произошло.

— А ну, — процедил вор сквозь зубы, — положите его мордой в грязь. Сейчас я его офоршмачу.

Его угрюмые телохранители двинулись к Гумилеву. Тот отступил на шаг, потом развернулся и бросился бежать. Блатные рванули за ним.

— Куда бежишь, голубок? — насмешливо крикнул Свист. — Лагерь большой, а бежать тебе все равно некуда!

Один из его подручных настиг Гумилева, схватил за бушлат и дернул, пытаясь свалить на землю. Лев обернулся к нему и взмахнул рукой с зажатой в ней бритвой. Блатной схватился руками за лицо и завыл — бритва отсекла ему кончик носа.

Второй урка, бежавший не так быстро, остановился, как вкопанный. Гумилев пошел на него, помахивая бритвой — страшный, с перекошенным ненавистью лицом.

— Исчезни, плесень, — рявкнул он на блатного. — На куски порежу!

Лицо уркагана стало сине-белым. Он начал медленно пятиться назад, не сводя глаз с окровавленной бритвы.

— Эй, Свист, — позвал Лев, — ты еще здесь? Иди сюда, я тебя бесплатно побрею. Заодно отрежу кое-что лишнее.

Подручный Свиста повернулся и бросился бежать. Второй, подвывая, катался по земле, зажимая ладонями кровоточащую рану.

— Ты покойник! — взвизгнул Свист, которого словно ветром сдуло с его бочки. Он отбежал на безопасное расстояние и орал оттуда на Гумилева, брызгая слюной, как припадочный. — Я землю жрать буду, а тебя урою! Я тебя на британский флаг порву, сука!

— Иди сюда, петушок, — позвал его Лев. — Посмотрим, кто кого порвет.

На душе у него было весело. Он снова чувствовал себя молодым и сильным. Однажды он отметелил этого мерзкого труса, любителя нападать исподтишка, отметелит и еще раз. И плевать, что там грозит сделать Свист — все равно он, Лев Николаевич Гумилев, сильнее всех Свистов в мире.

Он аккуратно вытер бритву о траву и сунул ее в карман.

— Рыло! — истошно завопил Свист. — Мочи его!

Гумилев спиной почувствовал опасность, начал разворачиваться, но опоздал. Чье-то тяжелое, остро пахнущее потом, тело врезалось в него сзади, повалило на землю. Железные пальцы вцепились в запястья, не давая добраться до слишком рано убранного в карман оружия. Лев попытался перевернуться, но туша, придавившая его, была чересчур массивной.

Он увидел, как, приминая траву, приближаются к нему заляпанные грязью сапоги Свиста.

— Ну что, Левушка, — ухмыльнулся вор, — побаловал, и хватит. Теперь я банкую, понял, фрей?

Свист опустился на корточки, ухватил его за волосы.

— Не желаешь извиниться, голубок? Если вылижешь мне сапоги, я, может, и прощу тебя.

— Пошел ты в жопу, петух гамбургский, — прохрипел Гумилев. — Сам себе сапоги вылизывай.

— Вижу, — сказал Свист задумчиво, — извиняться ты не желаешь.

Он дернул голову Гумилева вверх и с силой опустил ее лицом в землю. Лев почувствовал, как рот наполняется кровью.

— Эй, Штырь, — позвал Свист, — что встал, как хрен на целку? Иди сюда, подмогнешь...

«У меня есть последний шанс, — подумал Гумилев, — снова превратиться в берсерка, как тогда, в Крестах. Скинуть с себя эту тушу, вцепиться в горло Свисту... Но как войти в это состояние? Я не сумею сделать это специально...»

— Что здесь происходит? — прогремел над ним чей-то металлический голос. — Совсем страх потеряли, урки поганые?

Хватка, сковывавшая руки Гумилева, ослабла.

— Ну, зачем же так, гражданин начальник, — разочарованно проговорил Свист. — Мы тут занимаемся гимнастикой на свежем воздухе. Никаких безобразий не допускаем. Правда, Левушка?

— Взять их, — скомандовал голос. Лязгнули затворы винтовок. Никогда еще этот звук не казался Гумилеву таким прекрасным.

— Эй-эй, — запротестовал Свист, — зачем эти излишества? Я и так прекрасно знаю...

Он не договорил. Послышался хлесткий удар и вслед за ним — протяжный стон.

— Звери! — взвизгнул Свист. — Прикладом по почкам! Суки позорные!

Еще один удар — как будто камень шлепнулся в кадушку с тестом. Туша, навалившаяся на Гумилева, вдруг проворно вскочила на ноги, больно наступив при этом ему на лодыжку.

— Заключенный Гумилев, — прогрохотал жестяной голос, — встать!

Лев поднялся, отряхнул робу. Перед ним стоял замначальника Особого отдела Норильсклага майор Федун — невысокий, чрезвычайно широкоплечий лысый мужчина лет пятидесяти. Вместе с Федуном во дворе находилась дюжина солдат караульной роты, державшая под прицелом Свиста и его подручных. Подручных было трое — кроме уже известных Гу-

милеву блатных, присутствовал еще и здоровенный мужик с вытянутым и словно бы вдавленным лицом и длинными, как у орангутанга, руками. Судя по всему, это и был сидевший до поры до времени в засаде Рыло.

— Заключение Гумилев, — сказал майор Федун. — У тебя есть пять минут, чтобы привести себя в порядок и явиться в Особый отдел. С тобой хотят поговорить.

«Что ж за день сегодня такой, — подумал Гумилев. — Всем не терпится со мною поговорить...»

— Спасибо, товарищ майор, — сказал он искренне. — Уже иду.

— Левушка! — крикнул ему вслед Свист. — Мы еще встретимся, ты жди!

— Заткните этого придурка, — велел Федун. — Потом всех в наручники и в карцер.

...Но все растет беда, ее не проиграли

Ни мы и ни они, нигде и никогда.

Вот разбудил затвор упругим треском стали

Ее глухих богов, и все растет беда².

Нога болела по-прежнему.

Он плескался в умывальной, стирая с лица кровь и грязь, когда в дверном проеме вырос Томаш.

— Живой, друг? — спросил чех.

— Как видишь. Спасибо за бритву, она пригодилась.

Томаш махнул рукой.

² Стихи Льва Гумилева.

— А, пустяки! Лучше скажи спасибо, что я шепнул о твоём деле ребятам. Так что когда Федун стал тебя разыскивать, ему сразу сказали, что ты бьешься с блатными за литейным.

— А зачем я ему понадобился?

Томаш сделал загадочное лицо.

— Говорят, там прилетел какой-то офицер НКВД из Москвы. Спецрейсом.

— И причем же тут я?

— Не знаю. Но как только он прилетел, Федун побежал тебя искать. Так что выглядеть тебе нужно получше. Может, побреешься?

— Хватит с меня бритв. По крайней мере, на сегодня. Лучше одолжи свои сапоги.

В кабинете Федуна, куда его пустили сразу же и без лишних вопросов, навстречу Гумилеву поднялся высокий, коротко стриженный блондин с перебитым носом.

— Капитан НКВД Шибанов, — представился он, не дожидаясь, пока ЗК Гумилев доложит о себе по всем правилам. — Присаживайтесь, Лев Николаевич.

Лев присел. Нога болела уже почти невыносимо.

— Я прибыл из Москвы, чтобы задать вам один-единственный вопрос, — сказал капитан. — От этого вопроса, однако, зависит очень многое. В частности, ваша дальнейшая судьба.

— Слушаю вас, — коротко ответил Гумилев.

— В 1934 году вы работали в археологической экспедиции в Восточном Туркестане.

Капитан сделал паузу, и Гумилев молча кивнул.

— Во время этой экспедиции вы находили что-нибудь... необычное? Какие-либо предметы, обладающие уникальными свойствами?

Лев внимательно посмотрел на капитана. Тот казался чрезвычайно взволнованным, как будто от ответа ЗК Гумилева

действительно что-то зависело.

— Да, — ответил Гумилев. — Находил.

— Что это было? — теперь в глазах капитана блеснул настоящий азарт охотника.

— Ну, сначала я нашел башню, построенную, видимо, древними солнцепоклонниками, а около нее — колодец, в котором горел природный газ. На крыше башни я обнаружил труп офицера, скорее всего, англичанина, а при нем — карту, которую, к сожалению, так и не смог расшифровать.

— А еще? — нетерпеливо спросил Шибанов. — Что-нибудь еще?

— Еще, — медленно сказал Лев, — я нашел фигурку попугая, сделанную из какого-то серебристого металла. И эта фигурка действительно была очень необычной. Но вам, я полагаю, это и так должно быть хорошо известно.

Капитан удивленно поднял брови.

— Это еще почему?

— Хотя бы потому, что и фигурка, и карта были изъяты у меня при моем втором аресте весной 1935 года органами НКВД.

— Что?

— Я думал, это есть в материалах дела, — пожал плечами Гумилев. — С тех пор я никогда больше не видел серебряного попугая. Боюсь, что ничем не смогу вам помочь.

Капитан сплел пальцы в замок и хрустнул суставами.

— Вы ошибаетесь, Лев Николаевич. Я уполномочен предложить вам кое-что необычное.

«Нога, — подумал Гумилев. — Вот почему она так болит...»

— Я ничем не смогу вам помочь, — повторил он упрямо. — Сексотом я быть не намерен, как еще можно использовать меня для нужд вашей организации — не представляю...

— Да послушайте вы, наконец! — прикрикнул Шибанов. — Сексотов хватает без вас, тоже мне, нашли необычное предло-

жение... Речь идет о том, чтобы послужить Родине.

— Я и так ей служу, — буркнул Гумилев. — Работаю в медно-никелевой шахте.

— Лев Николаевич, — перебил его капитан. — Я предлагаю вам свободу.

Гумилеву показалось, что он ослышался.

— Что вы сказали?

— Если вы согласитесь, то мы выйдем отсюда вместе, сядем в самолет и полетим в Москву. И в лагерь вы уже не вернетесь. Ну что, согласны?

«Это шутка, — подумал Гумилев. — Это чья-то злая шутка... Мой срок истекает через год, потом еще как минимум пять лет колонии-поселения... Это не может быть правдой!»

Вслух он сказал:

— Вы сказали, что речь идет о службе Родине. Что конкретно я должен буду сделать?

— Лев Николаевич, — сказал Шибанов очень серьезно, — вы должны остановить войну.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Японец

Берлин, июнь 1942 года 3

ГЛАВА ВТОРАЯ

Тарас Петренко

Где-то под Винницей. Июнь 1942 года 15

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Волк-оборотень

Ставка Адольфа Гитлера Wehrwolf под Винницей.

Июнь 1942 года 31

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Раттенхубер

Ставка Адольфа Гитлера Wehrwolf под Винницей.

Июнь 1942 года 48

ГЛАВА ПЯТАЯ

Хозяин

Ставка Верховного Главнокомандования.

Июнь 1942 года 60

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Мушкетер

Париж, июнь 1942 года 85

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Взгляд Орла

Ставка Адольфа Гитлера Wehrwolf под Винницей.

Июнь 1942 года 98

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Семь башен, семь огней

Париж, июнь 1942 года 114

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	
Звездочет	
Москва, июнь 1942 года	127
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	
Учитель танцев	
Париж, июнь 1942 года	141
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	
Инквизитор	
Москва, июнь 1942 года	170
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	
Катюша	
Каменск-Уральский, июнь 1942	178
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ	
Неуязвимый	
Леса к югу от Ржева, июнь 1942 года	204
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	
Стакан воды	
Москва, июнь 1942 года	220
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ	
Глухие боги	
Туркестан, май 1934 года	
Норильсклаг, июнь 1942 года	238

фото Игоря Мухина

КИРИЛЛ БЕНЕДИКТОВ

Закончил исторический факультет МГУ, College of Europe в Брюгге. Работал в ОБСЕ и ряде других международных организаций. Принимал участие в деятельности миротворческих миссий в Боснии и Албании. Автор романов «Завещание ночи», «Война за «Асгард», «Путь Шута».

Кто из героев «Блокады» — кроме Иосифа Сталина и Адольфа Гитлера — являются реальными историческими личностями, а кто — чисто литературными персонажами?

Реальны практически все персонажи, действующие в «немецких главах», включая контрразведчика Эрвина Гегеля (однофамильца философа) и охранника Гитлера Иоганна Раттенхубера, а также Марию фон Белов. Реален начальник Управления Особых отделов НКВД Виктор Абакумов и заместитель Берия Всеволод Меркулов.

Реален Вольф Мессинг и великий мистик Георгий Гурджиев (правда, сам он, возможно, не согласился бы с таким утверждением). Реальны некоторые лица, только упомянутые на страницах романа — такие, как французские бандиты Шамберлен и Рюди де Мерод, ставшие верными пособниками немецких оккупантов, или создатель сети гестапо в Париже Гельмут Кнохен.

Некоторые персонажи романа заглянули сюда из других литературных произведений — таков, например, неуязвимый солдат Василий Теркин или инк-

визитор НКВД Максим Руднев. Иные являются полностью вымышленными — Юкио Сато, Жером или Тарас Петренко. Несколько особняком стоит фигура Льва Гумилева — он, с одной стороны, безусловно историческая личность, с другой — литературный персонаж. Но как может быть иначе, когда речь идет об идейном вдохновителе всего проекта «Этногенез»?

Какое отношение к Марусе Гумилевой (героине первой книги сериала «Этногенез») имеет Лев Гумилев, играющий важную роль в «Блокаде»?

Лев Николаевич Гумилев является близким родственником Маруси Гумилевой. Степень родства, однако, раскрывать пока преждевременно.

Есть ли прототипы у вымышленных героев?

Есть. Например, прототип руководителя Лесного Дома Сергея Гронского — довольно известный астролог Сергей Вронский, человек, действительно воевавший в Южной Америке и учившийся «магическим наукам» в Берлине уже после прихода к власти национал-социалистов. Есть свой прототип и у капитана НКВД Александра Шибанова, и у медсестры Кати Серебряковой. А в некоторых случаях прототипы полностью замещают героев — так, начальник Серебряковой Клавдия Алексеевна Солоухина — это моя родная бабушка, всю войну проработавшая начальником медсанчасти Каменск-Уральского и спасшая не одну сотню жизней.

Какие герои связывают «Марусю» с «Блокадой»?

Например, садовник японского посольства Юкио Сато, за которым охотится гестапо и «Аненербе» в первой главе романа. Этот достойный человек — прадедушка молодого воришки Юки, похитившего Сикстинскую Мадонну из дрезденского музея с помощью Змейки, о чем упоминается в первом романе серии «Маруся».

Какие предметы будут фигурировать в следующих книгах из серии «Блокада»?

В центре внимания, конечно, останется Орел — главный предмет Адольфа Гитлера. Продолжится охота за Змейкой. Кроме того, специальная команда «Аненербе» будет искать на Кавказе нейтрализующий Змейку предмет «Мангуст», а люди Отто Скорцени попытаются найти в блокадном Ленинграде найденного Львом Гумилевым Попугая. Будут и другие предметы, о которых пока говорить рано.

Был ли предмет у Иосифа Сталина?

Нет, Сталин в описываемое в романе время ни одним предметом не обладал. И неплохо, надо сказать, обходился и без них: его сила была внутри него, а не вовне. Не будем забывать, что еще юношей в Тифлисе он прошел обучение у такого сильного мага, как Георгий Гурджиев. Именно поэтому в конце концов в противостоянии Гитлер — Сталин победу одержал последний.

Что касается Гитлера, то его трансформация в начале двадцатых годов кажется невероятной. «Понимаете, это было нечто большее, чем просто харизма. Иногда, когда он уезжал куда-нибудь без нас... казалось, что вокруг словно не хватает воздуха. Недостает чего-то важного — какого-то электрического напряжения или даже кислорода, ощущения того, что ты жив. Это был... это был вакуум»

Так писала об Адольфе Гитлере его секретарь Трудль Юнге. Но те, кто знал фюрера в годы Первой мировой войны, рассмеялись бы, прочитав эти слова. Молодой Гитлер был истеричным, слабым невротиком, лишенным даже намека на силу воли.

Как маленький, зажатый, совершенно обычный и безвольный ефрейтор, подверженный истерикам, за несколько лет превратился в лидера, за которым слепо шли на смерть толпы людей?

Для многих это до сих пор загадка. Но только не для тех, кто посвящен в тайну предметов.

Откуда у некоторых героев «Блокады» сверхъестественные способности, если у них нет предметов?

На самом деле сверхъестественные способности вовсе не обязательно связаны с обладанием тем или иным предметом. Есть люди, которые способны читать мысли или видеть сквозь стены без помощи подручных средств. Такие люди были всегда, и нужна была лишь политическая воля, чтобы использовать их в интересах государства. Именно о них говорит в романе Лаврентий Берия: «среди миллионов советских воинов наверняка найдется пять-десять человек, обладающих такими дарованиями». Нашлось.

Если предмет может выбирать себе владельца, то почему он выбрал именно Адольфа Гитлера и стал служить злу?

Если мы согласимся с тем, что у предметов есть определенная свобода воли, нам придется согласиться и с тем, что их логика сильно отличается от нашей. Предметы в некотором смысле находятся «за пределами добра и зла» (в рома-

не на это осторожно намекает Гурджиев). Их перемещения — часть какого-то глобального плана, в котором моральные категории играют явно не главную роль. Иначе вселенское противостояние Добра и Зла кончилось бы уже давным-давно, а этого, как мы видим, не происходит.

Как англичанин попал на Башню Сатаны?

Об этом будет обязательно рассказано в одной из последующих книг проекта «Этногенез».

Что случилось с майором Кошкиным?

Майор Кошкин, как известно, пропал без вести при неудачном нападении партизан на ставку Гитлера «Вервольф». Нехорошо раскрывать карты раньше времени, но все-таки скажу, что майор остался жив и появится на страницах следующих романов серии «Блокада».

Будет ли роман у Катюши с Александром Шибановым?

У Катюши, разумеется, будет роман, но не с капитаном Шибановым. У капитана, в свою очередь, тоже будет роман, но с совершенно неожиданным персонажем. С кем именно — читатель узнает из следующих книг.

Что будет в следующих книгах серии?

Первая книга — это своего рода расстановка фигур перед партией. Сформирована специальная группа, которой предстоит изъять Орла у Гитлера и передать его советскому руководству. Готовятся к заброске в блокадный Ленинград командос Отто Скорцени. «Аненербе» охотится за Змейкой и планирует отыскать предметы, спрятанные в тайниках на Кавказе.

Во второй и третьей книге эти пружины начнут распрямляться. Читатель узнает о том, кого все-таки полюбит медсестра Катюша, и как именно Льву Гумилеву предстоит остановить войну. Заглянет в прошлое Адольфа Гитлера и будущее Виктора Абакумова. Пройдет по страшным улицам блокадного Ленинграда и спустится в подземелья «Вервольфа». Увидит, как, рыча моторами, идут на Сталинград тысячи немецких танков со свастикой на броне. Станет очевидцем охоты за неуловимым японцем Юкио Сато и свидетелем тайных интриг в кулуарах советских и немецких спецслужб.

www.etnogenez.ru

Литературно-художественное произведение

Кирилл Бенедиктов

БЛОКАДА

Книга первая

Охота на монстра

Автор идеи Константин Рыков

Выпускающий редактор Дмитрий Гусев

Арт-концепт: Алексей Маслов

Компьютерная верстка Кирилл Соколов

Аудиоверсия: Андрей Градобоев, Роман Галушкин

Хранители идеи: Елена Кондратьева, Александр Шмелев,

Сергей Пименов

Правовое сопровождение Алексей Наказной-Хоменко

ООО Издательско-торговый дом «Этногенез»

Россия, 107031, г. Москва, Звонарский пер., д.4, стр.1,

тел./факс +7 (495) 668-37-40 (41)

www.etnogenez.ru

Подписано в печать 11.09.09 г. Формат 164x215

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура CharterC 12,2 pt

Условных печатных листов – 16

Заказывайте книги почтой в любом уголке России:

123022, Москва, а/я 71 «Книги-почтой»

или на сайте www.shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:

тел./факс: +7 (495) 259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в интернете на сайте www.ozon.ru

Издательская группа АСТ

www.ast.ru

129085, Москва, Звездный бульвар, д.21, 7-й этаж

Информация по оптовым закупкам: +7 (495) 615-01-01, факс: +7 (495) 615-51-10

zakaz@ast.ru

Отпечатано в полном соответствии

с качеством предоставленного электронного оригинал-макета

в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»

432980 Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14

тел. (8422) 41-11-07

факс (8422) 41-11-32